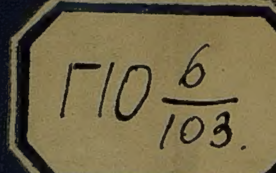


ЭДУАРДЪ ЛАБУЛЭ

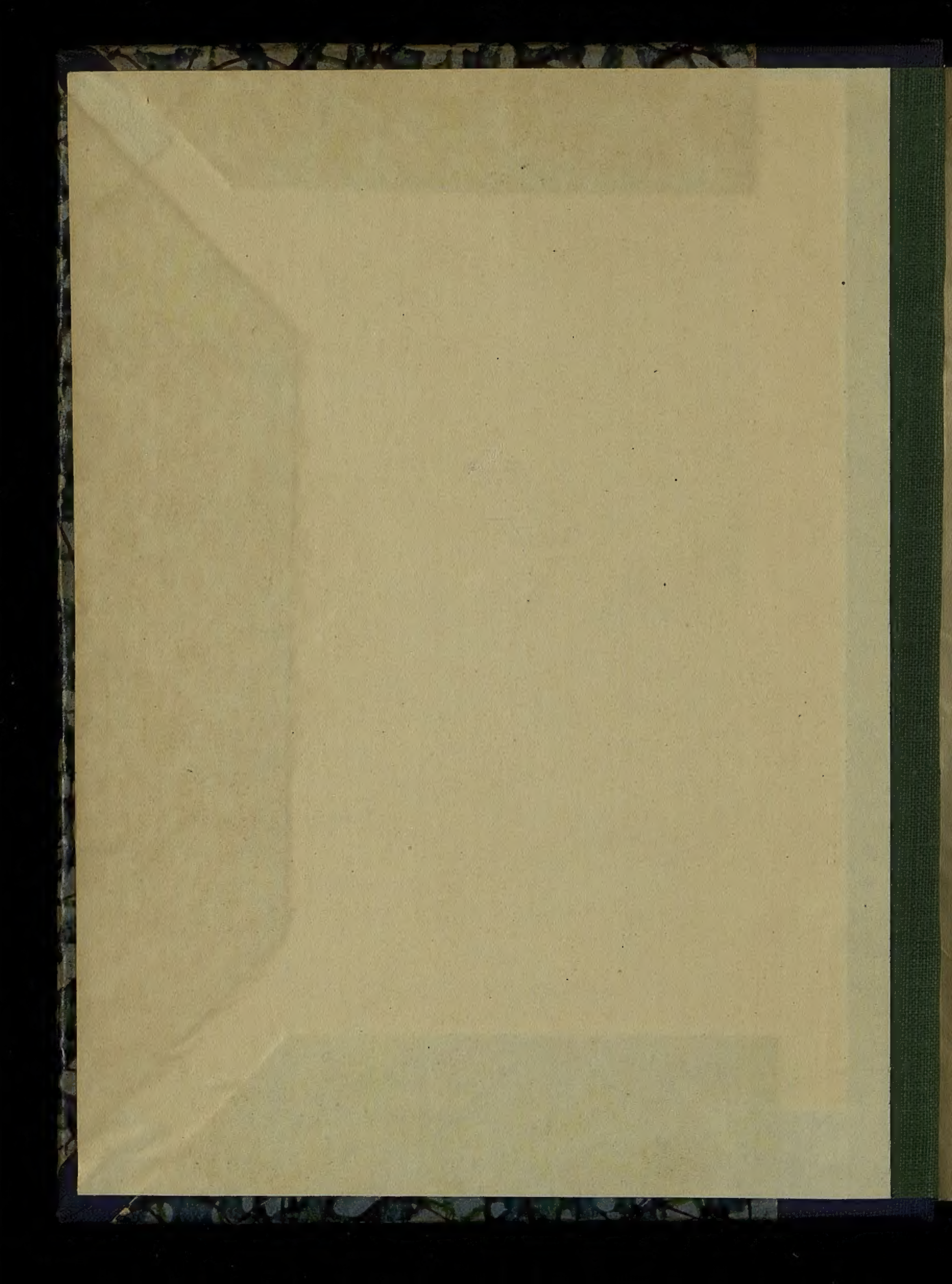
ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРЕДѢЛЫ

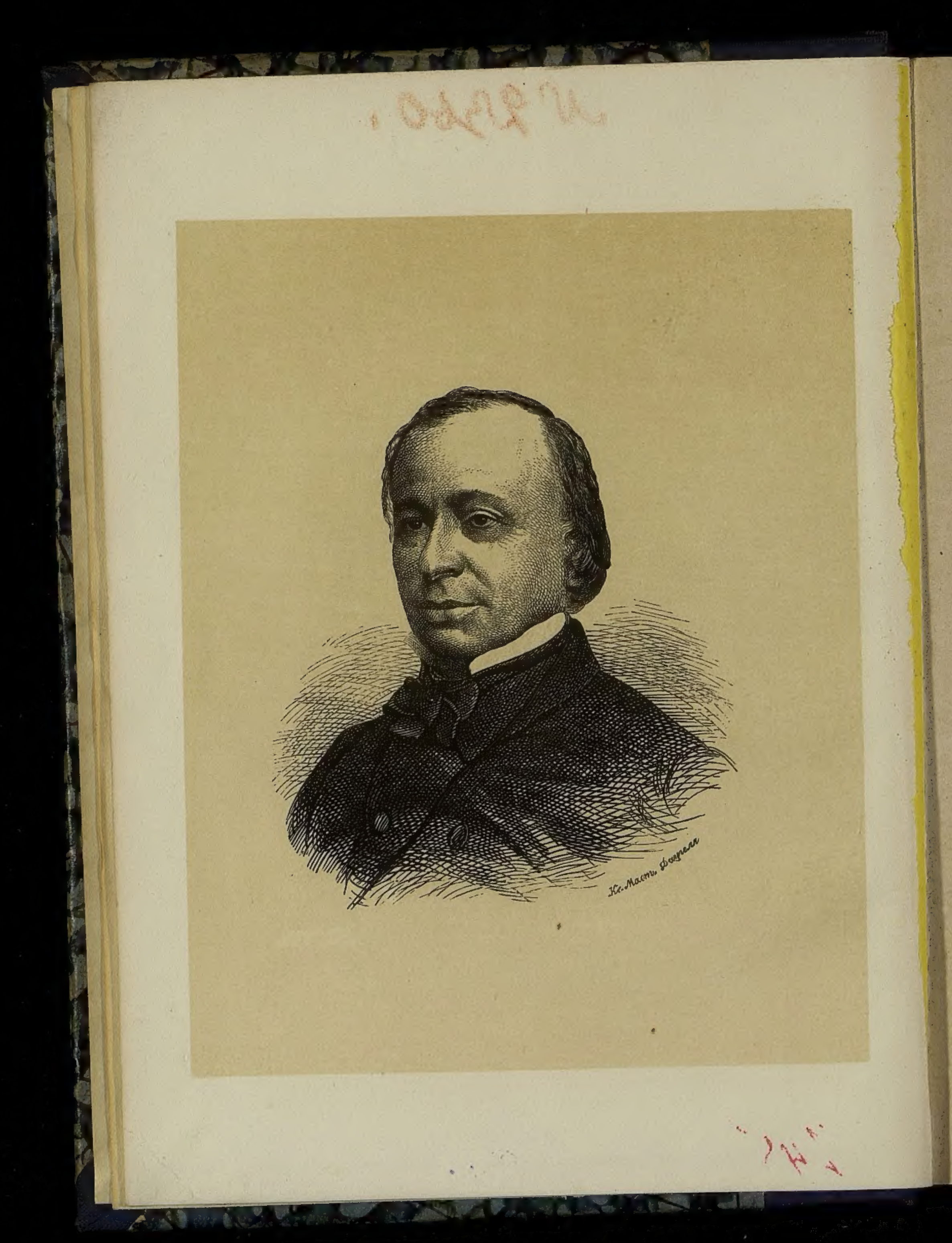
ВЪ СВЯЗИ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ ВОПРОСАМИ

Администраціи, Законодательства и Политики

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Н. И. Ламанскаго
1888




Кс. Матв. Фарелл

ЭДУАРДЪ ЛАБУЛЭ.

ГОСУДАРСТВО

И

ЕГО ПРЕДѢЛЫ

ВЪ СВЯЗИ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ ВОПРОСАМИ АДМИНИСТРАЦІИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИКИ.

Изданіе Н. И. Ламанскаго.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1868.



Типографія Куколь-Яснопольскаго (Малая Мѣщанская д. № 6 и 14).
Содержатель типографіи живетъ тамъ же.

О ВЛІЯНІИ ИДЕЙ НА СУДЬБЫ НАРОДА.

Слѣдуя издавна заведенному обычаю, мы обратимся прежде всего къ главному вопросу, который, впрочемъ, имѣетъ связь и со всѣми отдѣльными вопросами, подлежащими нашему разсмотрѣнію. Мы разсмотримъ сначала какъ велико вліяніе идей на народъ. Подъ идеями же мы разумѣемъ всѣ понятія религіозныя, экономическія, политическія и нравственныя, которыя могутъ дѣйствовать на индивидуумъ, общество и государство.

Каково вліяніе идей, каково значеніе этихъ различныхъ понятій на судьбу страны, на ея благоденствіе или несчастіе,—вотъ вопросы, которые мы предполагаемъ изслѣдовать.

Прежде всего мы встрѣчаемъ школу весьма распространенную, хотя она и не имѣетъ признаннаго главы; школа эта не даетъ никакой цѣны идеямъ и полагаетъ,

что на свѣтѣ не существуетъ ничего кромѣ интересовъ и страстей. Мы знали многихъ изъ этихъ политико-маккіавелистовъ, которые убѣждены, что злодѣяніе есть доказательство ума, и которые, говоря вообще, къ счастью менѣе остроумны, чѣмъ они полагаютъ. Удовлетворяйте интересамъ, говорятъ они, обуздывайте страсти и вы сдѣлаетесь хорошимъ правителемъ. Въ этомъ состоитъ вся задача политики. Всѣ люди имѣютъ потребность жить, желаютъ быть счастливыми. Трудъ составляетъ ихъ первую заботу. Если крестьянинъ имѣетъ въ квашнѣ хлѣбъ, — онъ удовлетворенъ; если купецъ пріобрѣтаетъ деньги, — онъ не желаетъ ничего болѣе. Но для плодотворности труда необходима безопасность. Слѣдовательно, нужно всѣми силами поддерживать порядокъ. При существованіи этихъ двухъ условій, всякое правленіе хорошо.

Человѣкъ вездѣ одинаковъ, вездѣ живетъ интересами и страстями, поэтому совершенно безполезно говорить намъ объ идеяхъ; это хорошо для развлеченія старыхъ профессоровъ или новичковъ студентовъ; это — нарядъ, роскошь, но мы люди положительные и не вѣримъ ничему, кромѣ денегъ, которыя пріобрѣтаемъ.

Защитники этой прекрасной теоріи, эти положительные люди сходны со всѣми ограниченными умами: это близорукіе, которые не видятъ того, къ чему прикасаются. Извѣстно, что порядокъ есть первая потребность страны.... Извѣстно также, что интересы вообще, и самый

священный для насъ трудъ въ особенности, должны быть удовлетворены; необходимо, чтобы народъ работалъ, чтобы чувство безопасности господствовало въ умахъ, а порядокъ на улицѣ. Но если даже и все это существуетъ, то оно составляетъ только половину необходимаго. Несправедливо, чтобы человѣкъ питался только хлѣбомъ; несправедливо также, чтобы существовала полная безопасность и трудъ былъ бы обезпеченъ при неудовлетвореніи извѣстныхъ идей. Для того, чтобы крестьянинъ, рабочій не тревожились о завтрашнемъ днѣ, необходимы часто очень сложныя условія.

Константинопольскій сапожникъ чувствуетъ себя вполнѣ безопаснымъ, если визирь его не видѣлъ и онъ можетъ разсчитывать, что не получитъ палочныхъ ударовъ; но французскій сапожникъ не нашелъ бы подобную безопасность достаточной, а англійскій почиталъ бы себя стѣсненнымъ даже и тогда, если бы не имѣлъ своей газеты и не чувствовалъ ежечасно возможности выразить въ ней свое неудовольствіе.

Итакъ, идея о безопасности измѣняется сообразно съ условіями страны и степенью ея цивилизаціи.

Справедливо ли, впрочемъ, что человѣкъ не измѣняется, что его потребности, его страсти постоянно одни и тѣ же? Если хотятъ сказать этимъ, что люди повсюду способны къ честолюбію, любви и скупости, то это одна изъ самыхъ избитыхъ истинъ. Но если подъ этимъ подразумѣваютъ, что во всѣ времена предметы нашихъ

страстей оставались одни и тѣ же, то въ этомъ чрезвычайно ошибаются. Дѣйствительно легко показать, что съ постепеннымъ обновленіемъ идей измѣняются подъ ихъ вліяніемъ предметы страстей и понятіе о нравственности. Повсюду человѣкъ долженъ искать добра и избѣгать зла; но что же нужно разумѣть подъ словами: добро и зло. Въ этомъ заключается задача не только нравственная, но и интеллектуальная; мы постараемся доказать ее непосредственно. Какимъ образомъ случилось, что въ нашъ вѣкъ почувствовали отвращеніе къ рабству, невольничеству черныхъ...? Намъ кажется это очень естественнымъ. Но почему наши отцы въ XVIII и XVII столѣтіяхъ не знали этой идеи? Отчего въ XVI ст. идея эта имѣла такъ мало силы, что рабство было установлено? Слѣдовательно, должно предполагать, что эта идея, которая пробудилась со всею силою въ концѣ XVIII столѣтія, не существовала еще въ XVI вѣкѣ.

Изъ этого видно, что измѣненіе въ идеяхъ повлекло за собою измѣненіе нравственныхъ понятій.

Между тѣмъ, каково вліяніе идей? Мы приведемъ для этого примѣръ изъ исторіи XVIII ст. Конечно, отличіе XVIII вѣка отъ XVII не заключается въ умственномъ превосходствѣ людей царствованія Людовика XV передъ людьми жившими при Людовикѣ XIV. Извѣстно, что въ царствованіе послѣдняго французская литература достигла болѣе блестящаго развитія, чѣмъ при Людовикѣ XV; но то, что отличаетъ XVIII

вѣкъ, что даетъ ему особый характеръ, заключается въ двухъ идеяхъ: идеи вѣротерпимости и идеи гуманности, которыя сообщили имени Вольтера — ихъ апостола — вполнѣ заслуженную славу.

Какимъ же образомъ возникла идея вѣротерпимости? Вопросъ этотъ можетъ показаться довольно страннымъ; но если изучаешь исторію не съ этой точки зрѣнія, то кажется, что обыденныя понятія настоящаго времени всегда существовали. Но это несправедливо. Идеи имѣютъ свою хронологію, которую можно опредѣлить, что составляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ предметовъ изслѣдованія.

Если мы перенесемся мысленно на два столѣтія назадъ, то встрѣтимъ Боссюэта, который защищалъ нетерпимость какъ членъ вѣры и высказалъ мысль, что не вѣрить въ то, чему учитъ церковь, составляетъ преступленіе. Нельзя не привести то мѣсто изъ его сочиненія, въ которомъ онъ защищаетъ эту мысль, столь любопытную и далекую отъ нашихъ понятій. Въ 10 предложеніи седьмой книги его „Политики“ сказано слѣдующее:

„Государь есть защитникъ общественнаго спокойствія, поддерживаемый религіею, а потому слѣдуетъ охранять его тронъ, которому религія служитъ фундаментомъ.“

„Нечестиво заблуждаются тѣ, которые не желаютъ переносить, чтобы государь употреблялъ строгость въ

дѣлахъ религіи, потому будто, что послѣдняя должна быть свободна. Иначе необходимо было бы допустить, какъ между подданными, такъ и во всемъ государствѣ идолопоклонство, магометанство, іудейство, всякую ложную религію, богохульство, даже атеизмъ; а въ такомъ случаѣ самыя тягчайшія преступленія оставались бы безнаказанными.“

Замѣтьте, что Боссюэтъ дѣлаетъ самому себѣ возраженія. Ему говорятъ, что религія должна быть свободна, такъ какъ она есть дѣло убѣжденія; онъ принимаетъ это случайное предложеніе, но мы видимъ, какъ онъ на него возражаетъ.

На ряду съ этимъ мѣстомъ изъ сочиненія Боссюэта, которое выражаетъ собою мнѣніе, господствовавшее въ его время, мы приведемъ другое сочиненіе менѣе извѣстнаго автора, почти забытаго исторіею и память о которомъ едва сохранилась у послѣдователей его секты, одной изъ самыхъ малочисленныхъ въ христіанствѣ. Мы говоримъ о квакерѣ Барклэ, прославленномъ въ свое время, который былъ другомъ Вильгельма Пэна. Барклэ поднесъ королю Карлу II въ 1675 г. сочиненіе, извѣстное подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Апологія истинной христіанской теологіи въ томъ видѣ, какъ она проповѣдывается людьми, называемыми въ насмѣшку трусами (trembleurs).“ Извѣстно, что выраженіе „trembleurs“ есть французскій переводъ слова квакеръ. Эта апологія была переведена на всѣ языки

и читатель, вѣроятно, ее увидитъ когда нибудь. Она представляетъ довольно большой томъ. И мы совѣтуемъ читателю запастись ею для своей библіотеки и постараться запомнить число 1675, потому что въ этомъ году возникла идея вѣротерпимости.

„Такъ какъ Богъ оставилъ за собою господство и власть надъ совѣстью, будучи только одинъ въ состояніи наставлять и руководить ею, то никому не дозволено, какимъ бы въ администраціи значеніемъ и авторитетомъ не пользовался, насиловать совѣсть другихъ людей.“

„Всѣ убійства, ссылки, изгнанія, тюремныя заключенія и прочія несчастія подобнаго рода, которымъ подвергаются люди ради испытанія ихъ совѣсти за различіе мнѣній относительно богослуженія, происходятъ отъ убійцы Каина и противны началамъ справедливости.“

„Чтобы люди, подъ предлогомъ совѣсти, не вредили другъ другу въ отношеніи жизни и имущества, и не дѣлали ничего вреднаго и несовмѣстнаго съ условіями общественной жизни и торговли, въ видахъ предупрежденія чего служитъ законъ уголовный, правосудіе должно быть отправляемо для каждаго безъ всякаго лицепріятія.“

Скажемъ же мы теперь, кто изъ нихъ болѣе христіанинъ, квакеръ ли Барклэ или же епископъ Боссюэтъ? Почему, однакоже, такой человѣкъ какъ Боссю-

этъ, совѣсть котораго мы не можемъ упрекнуть, сдѣлался апостоломъ гоненій. Это произошло вслѣдствіе ошибочнаго взгляда. Боссюэтъ смотритъ на истину, установленную церковью и защищаемою королемъ, какъ на законъ. Онъ не разсматриваетъ вопроса съ точки зрѣнія индивидуальной, не видитъ, что вопросъ этотъ между совѣстью и Богомъ имѣетъ въ виду только законъ внѣшній, требующій безусловнаго исполненія. Не подчиняться ему, по мнѣнію Боссюэта, значило возставать противъ авторитета церкви и государя, — совершать преступленіе въ оскорбленіи величества, какъ божескаго, такъ и человѣческаго. Тогда какъ Боссюэтъ придерживался начала авторитета, Барклэ выходилъ изъ принципа индивидуальной свободы и не понималъ, какъ можетъ существовать нѣчто третье между человѣкомъ и Тѣмъ, Который его создалъ. Для Боссюэта, напротивъ, мѣсто это занимала церковь съ ея непогрѣшимымъ закономъ, который предписываетъ безусловную вѣру. Какое различіе между этими христіанами, которые оба ссылались на Евангеліе? Тутъ явно съ одной стороны истинный взглядъ, а съ другой—ложный.

Вотъ идея, всю важность которой мы понимаемъ: но затрогиваетъ ли она человѣческія страсти, имѣетъ ли вліяніе на человѣческіе интересы?

Можно представить себѣ отъ сколькихъ бѣдствій избавила человѣчество идея терпимости. Все XVI ст. наполнено было войнами; солдаты убиваютъ другъ дру-

га ради торжества идей, которымъ часто тѣ и другіе не вѣрятъ. XVII ст. наполнено кровавыми гоненіями, въ которыхъ нетерпимость надѣваетъ маску религіи. Но съ появленіемъ терпимости свобода совершаетъ чудо, вполнѣ согласное съ Евангеліемъ, распространяя повсюду милосердіе.

Другая идея, возникшая въ XVIII ст. и доставившая ему то громадное значеніе въ исторіи, которое оно не потеряетъ, не смотря на всѣ свои недостатки и даже, смѣемъ сказать, пороки, то была идея гуманности. Гуманность въ смыслѣ любви къ человѣчеству есть слово новое; и мы не думаемъ, чтобы до этого столѣтія можно было встрѣтить это выраженіе въ такомъ новомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ слово гуманность (humanité) было ничто иное какъ синонимъ слова родъ человѣческій (genre humaine), такъ что Вольтеру часто приходилось объяснять тотъ особенный смыслъ, который онъ придавалъ этому старинному слову.

И такъ, гуманность есть пріобрѣтеніе XVIII ст., и если мы остановимся на одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ примѣненій новой идеи, на гуманности въ примѣненіи къ уголовному закону, то можемъ опредѣлить съ достовѣрностью время, день его появленія. Монтескье первый въ своихъ Персидскихъ Письмахъ (Lettres Persanes) высказалъ мысль, что увѣренность въ неизбѣжности наказанія несравненно важнѣе его суровости. Злодѣй презираетъ законъ, какъ бы строгъ онъ не

былъ, если имѣетъ надежду его избѣжать, и, наоборотъ, уважаетъ, не смотря на всю его слабость, если увѣренъ, что онъ во всякомъ случаѣ будетъ наказанъ.

Основываясь на той совершенно справедливой мысли, что жестокость наказаній есть вещь совершенно безполезная, Беккарія написалъ книгу, которая обезсмертила его имя. Идеи Беккарія были усвоены Вольтеромъ, всѣми лучшими людьми XVIII ст. и гуманность такимъ образомъ проникла, наконецъ, въ законъ уголовный.

Изучая уголовное право XVIII ст., нельзя не удивляться жестокости и варварству всѣхъ этихъ кодексовъ. Мы имѣемъ въ рукахъ „Уголовную реформу“ Маріи Терезіи—государыни, доброту которой особенно преувеличиваютъ; хотя и говорятъ, что она будто бы плакала, принимая часть Польши, однако слезы не помѣшали ей удержать эту часть за собою. Марія Терезія произвела въ 1769 г. реформу въ уголовномъ судопроизводствѣ, слѣдовательно съ тѣхъ поръ не прошло и столѣтія. Изданіе этой реформы представляетъ довольно большой томъ in-folio, заключающій въ себѣ весьма интересное описаніе всѣхъ родовъ пытки, употребляемой въ ея владѣніяхъ. Изъ этой книги видно, что въ 1769 году она оставила только шесть родовъ пытки: раздавливаніе пальцевъ рукъ, раздавливаніе пальцевъ ногъ, лѣстница, жженіе груди шестью свѣчами, испанскій сапогъ, который раздавливалъ голень, и, на-

конецъ, родъ пытки, состоящій въ томъ, что паціента вѣшали за руки, связанныя за спиною, а къ ногамъ его прикрѣпляли довольно большую тяжесть: это наказаніе называлось, какъ намъ кажется, дыбою или трискою.

Но кого же подвергали такимъ мученіямъ? Виновныхъ? Нѣтъ, обвиняемыхъ, т. е. тѣхъ лицъ, которыя могли оказаться невинными. Сверхъ того, подвергали ли такимъ истязаніямъ только за такія чудовищныя преступленія, которыя не возбуждаютъ никакого сожалѣнія? Мы встрѣчаемъ, что обвиненнаго въ волшебствѣ подвергали пыткѣ и смертной казни, если было доказано, что онъ находился, по словамъ закона, въ сношеніи съ дьяволомъ. Это происходило въ 1769 году. Смертной казни подвергали также виновнаго въ богохульствѣ, еврея, обольстившаго христіанскую дѣвушку; но наказаніе это значительно смягчалось, если дѣло шло о христіанинѣ, обольстившемъ еврейку.

Мы привели въ примѣръ Австрію..... Но въ царствованіе Людовика XV, въ 1722 г., существовалъ во Франціи законъ, наказывавшій смертью за богохульство, и мы можемъ сослаться на казнь несчастнаго садовника, котораго приговорили къ смерти за клятвопреступленіе.

И такъ, повторяемъ, что до тѣхъ поръ, пока идея гуманности вмѣстѣ съ французской философіей XVIII столѣтія не распространилась въ обществѣ, варварство

господствовало въ нашихъ законахъ, а уголовные кодексы, казалось, писаны были рукою палача.

Слѣдовательно, реформа вызвана идеей, въ связи съ которой мы находимъ и преобразованіе тюремъ. Было ли что-нибудь ужаснѣе тюремъ XVII и XVIII ст.? Мы сознали уже, какъ много нужно сдѣлать въ этомъ отношеніи, и очень жаль, что въ настоящее время забываемъ отчасти этотъ вопросъ. Благодарю дурному устройству тюремъ, мы позволяемъ совершенно погибать людямъ, бѣдственное положеніе которыхъ должно бы кажется послужить для насъ мотивомъ къ оказанію имъ помощи. Мы ежегодно осуждаемъ множество людей на совершеніе новыхъ преступленій именно тѣмъ, что ставимъ ихъ въ безвыходное положеніе какъ во время заточенія, такъ и по освобожденіи. Это значитъ, слѣдовать политикѣ Англіи, которая отправляла своихъ преступниковъ въ Америку. „Хорошо, сказалъ Франклинъ, посылайте къ намъ вашихъ преступниковъ, но взамѣнъ ихъ получите нашихъ гремучихъ змѣй.“ И дѣйствительно, мы имѣемъ такихъ змѣй, которыхъ согрѣваемъ на нашей груди и потомъ снова возвращаемъ въ общество; постараемся, по крайней мѣрѣ, лишить ихъ погремушекъ.

Вотъ двѣ великія идеи XVIII ст., которыя сообщили ему физіономію. Посмотримъ теперь, не можемъ ли мы изучить идеи, которыя проникаютъ въ XIX ст. и отдать себѣ отчетъ въ пройденномъ нами пути. Было бы странно жить въ извѣстное время и въ извѣст-

ной странѣ, не заботясь о направленіи, которому слѣдуетъ общество и которое увлекаетъ умы. Составивъ отчетъ въ пройденномъ пути, можно, смотря по тому, хорошъ ли онъ или дуренъ, удалиться отъ него или же на немъ остановиться.

Въ настоящее время преобладаютъ три идеи, изъ которыхъ одна уже восторжествовала, а остальныя еще оспариваются; идеи эти, по моему мнѣнію, отличаютъ наше столѣтіе отъ предшествующаго и носятъ слѣдующія названія: прогрессъ, трудъ и отношеніе индивидуума къ государству или понятіе о государствѣ.

Идея протресса—идея новая, которую въ древности не знали. Идея послѣдней состояла въ томъ, что родъ человѣческій вырождается, и эта идея преобладаетъ во всѣхъ среднихъ вѣкахъ; мы имѣемъ множество грамотъ, которыми имущество отказывалось въ пользу церквей и въ которыхъ читаемъ слѣдующее: „конецъ свѣта близокъ; люди становятся все хуже и хуже, а потому я отдаю мое имущество въ пользу такой-то церкви."

Съ возрожденіемъ наукъ въ первыхъ годахъ XVII ст. идея эта стала ослабѣвать. Напрасно стали бы питать глубокое уваженіе къ древности, провозглашать, что Аристотель исчерпалъ всю человѣческую премудрость,—когда явился Галилей, когда открытія увеличивались съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе примѣненія новаго метода изслѣдованія, то необходимо было подчиниться силѣ очевидныхъ доказательствъ и сослаться,

что, по крайней мѣрѣ, въ области науки родъ человѣческій идетъ впередъ.

Человѣкъ, котораго эта истина всего болѣе поразила, который созналъ лучше всѣхъ, что нанесенъ уже ударъ старому предразсудку, — человѣкъ этотъ былъ Паскаль.

Паскаль написалъ замѣчательную страницу о прогрессѣ въ наукѣ. Онъ замѣчаетъ, что животное, которое имѣетъ только инстинктъ, не подвигается впередъ, что пчела остается тою же, какою была за шесть тысячь лѣтъ, но понятія, говоритъ онъ, постоянно развиваются, дѣйствія понятій умножаются, а такъ какъ нѣтъ перерыва въ этой передачѣ понятій, то слѣдуетъ разсматривать человѣчество какъ одну личность, личность всеобщую, универсальную, которая развивается и старѣетъ; когда имъ однажды понята эта идея, то слѣдуетъ признать, что тѣ люди, которыхъ мы называемъ древними, дѣти, а что мы то, напротивъ, суть древніе. И дѣйствительно, если принять человѣчество въ этомъ смыслѣ, то станетъ ясно, что мы гораздо старѣе и прогрессивнѣе нашихъ отцовъ и что дѣти наши будутъ въ свою очередь зрѣлѣе насъ.

Идея Паскаля примѣнялась только къ наукамъ; но Тюрго примѣнилъ ее ко всѣмъ человѣческимъ отношеніямъ и показалъ, что существуетъ законъ, который направляетъ міръ къ лучшему будущему; онъ оспариваетъ мысль, что человѣчество вырождается, что оно

обращается постоянно около одного центра подобно бѣлки въ клѣткѣ, что даже стремится назадъ. Эту идею оцѣнили въ началѣ настоящаго столѣтія г-жа Сталь, Бенжамэнъ Констанъ и др., и въ настоящее время она принята повсюду. Однакоже, необходимо отличать двѣ школы, изъ которыхъ первая смотрѣла на прогрессъ какъ на нѣчто роковое, внѣшнее, какъ на силу механическую, влекущую человѣчество противъ его воли къ истинѣ; принимая прогрессъ въ смыслѣ безпредѣльнаго развитія человѣческаго ума, она полагала въ тоже время, что это развитіе зависитъ отъ нашей воли, что мы въ силахъ самихъ себя испортить, что все, сдѣланное индивидуумомъ, можетъ совершить и нація. Прогрессъ научный, прогрессъ умственный и нравственный, все это зависитъ отъ насъ самихъ и за все это мы обязаны нести отвѣтственность.

Такое понятіе о прогрессѣ преобразовало политику. Изъ идеи о вырожденіи рода человѣческаго неизбѣжно вытекаетъ отеческое управленіе, которое задерживаетъ успѣхъ цивилизаціи. Всякій прогрессъ опасенъ, потому что имѣетъ зло впереди и добро позади себя; поэтому останемся тамъ, гдѣ стоимъ, или же, если можно, то вернемся къ прошлому. Такова идея, господствовавшая въ средніе вѣка. Постоянно взываютъ къ преданію, къ прошедшему; главное, чего просятъ народы,—это освященіе государемъ ихъ добрыхъ старыхъ обычаевъ. Но въ настоящее время мы имѣемъ болѣе довѣрія къ про-

грессу истины, правды и думаемъ только о томъ, какъ бы усовершенствовать себя, улучшить наши учрежденія. Если взять два народа, изъ которыхъ одинъ предается отчаянію, хотя небезнадежному, то покрайней мѣрѣ мрачному, и объявляетъ, что нечего дѣлать, а другой смѣло идетъ къ будущему, если взять два такихъ народа, то становится ясно съ перваго взгляда, что съ точки зрѣнія выгоды, пользы, не говоря уже о другихъ сторонахъ, между ними лежитъ глубокая пропасть. Одинъ будетъ употреблять неслыханныя усилія, чтобъ улучшить свое положеніе, между тѣмъ какъ другой оцѣпенѣетъ въ бездѣйствіи, или предастся удовольствіямъ, которыя его унизятъ или развратятъ. Идея прошедшаго, идея вырожденія рода человѣческаго имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ упадокъ; идея же прогресса, напротивъ, идея совершенно здравая, но только подъ условіемъ, что мы сами себя должны усовершенствовать, ибо въ такомъ случаѣ все сдѣланное нами приноситъ пользу не только намъ самимъ, но и всей нашей странѣ.

Другая идея, идея труда произвела въ нашемъ столѣтіи не менѣе великій переворотъ; она еще новѣе идеи прогресса. Подъ идеей труда мы не подразумѣваемъ того, что людямъ надо работать, какъ это сказано еще на первыхъ страницамъ моисеевой книги Бытія, но полагаемъ, что трудъ приноситъ честь и славу и составляетъ первую обязанность человѣка. Въ такомъ

смыслѣ: идея труда совершенно новая. Подъ словомъ трудъ мы понимаемъ, конечно, трудъ дѣйствительный, полезный; мы не говоримъ о трудѣ, состоящемъ въ ничего недѣланіи, который называютъ иногда мѣстомъ или должностью.

Конечно, люди покупавшіе въ царствованіе Людовика XIV или XV мѣсто повара въ королевскихъ кухняхъ и получавшіе за это жалованье, люди эти имѣли мѣсто, но не работу, не занятіе.

Если мы обратимся къ греческой или римской исторіи, то встрѣтимъ тамъ рабство, величайшее несчастіе котораго состоитъ не только въ ослабленіи труда, но также въ его униженіи. Повсюду, гдѣ существовало рабство, трудъ становился дѣломъ холопскимъ, а трудящійся былъ презираемъ. Уважали только то лицо, которое ничего не дѣлало. Праздность - это благородство. Но ничего не дѣлать еще недостаточно: вѣдь надобно жить; при такомъ условіи надобно жить или трудомъ тѣхъ, которые жили до насъ, наслѣдіемъ нашихъ отцовъ, или же трудомъ нашихъ современниковъ, т. е. надобно воровать, забирать съ помощію болѣе или менѣе печальныхъ (законныхъ) средствъ имущество тѣхъ лицъ, которыя трудятся. Слѣдовательно рабство, если вникнуть глубже, состоитъ въ господствѣ человѣка надъ человѣкомъ; лицо болѣе могущественное, болѣе защищенное закономъ, мучитъ другихъ людей, мучитъ женщинъ, чтобы заставить ихъ трудиться для его пользы,

между тѣмъ какъ онъ самъ ничего не дѣлаетъ. Законъ можетъ дать этому благовидную окраску, но въ дѣйствительности — это воровство, это разбойничество. Такова была система древности. Въ первое время Греки даже не понимали различія между честнымъ человѣкомъ и пиратомъ. Изъ третьей книги Одиссеи видно, что когда Телемакъ явился къ Нестору на островъ Пилосъ, Несторъ принялъ иностранца и его товарищей, не предложивъ даже нескромнаго вопроса; поджарили кусокъ говядины, принесли жертвы богамъ, и только тогда уже король обратился къ гостямъ съ слѣдующими словами: „путешествуете ли вы по дѣлу, или вы пираты, разсѣкающіе моря и разносящіе смерть повсюду?“ Дѣйствительно, гдѣ только царствовало рабство, существовало понятіе, что грабить на войнѣ составляетъ славу, а потому, если нельзя было обогатиться трудомъ рабовъ, то должно было достигнуть этого путемъ войнъ. То унизительное значеніе, которое придали труду древніе, перешло въ средніе вѣка, гдѣ и держалось упорно до французской революціи. Ничего не дѣлать означало жить благородно. Если человѣкъ праздный рѣшался быть судостроителемъ, негоціантомъ,—то терялъ свое благородство. Въ царствованіе Людовика XVI нужно было издать законы, которые разрѣшали бы дворянину заниматься судостроеніемъ и устройствомъ стеклянныхъ заводовъ. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ мы видимъ повсюду организо-

ванное разбойничество. Охотники до прогулокъ, посѣщавшіе берега Рейна, могутъ видѣть, что на разстояніи каждыхъ двухъ льё по берегамъ этой рѣки возвышаются развалины укрѣпленій, городовъ. Тутъ жили въ старину разбойники, или бароны (имя, впрочемъ, еще ничего не значитъ), которые проводили время на озерѣ за рѣкою, и если замѣчали на ней барки, то спускались съ своихъ башенъ и грабили купцовъ. Такіе люди назывались благородными, а купцы, которыхъ они грабили, подлыми.

Въ запискахъ Жуанвиля встрѣчается характеристическая исторія, которую онъ разсказываетъ съ особеннымъ удовольствіемъ; исторія эта касается Генриха Щедраго, графа Шампани, который раздалъ своимъ рыцарямъ все свое имущество.

Однажды, когда Генрихъ шелъ къ обѣдни, онъ встрѣтилъ бѣднаго рыцаря, который просилъ наградить приданымъ двухъ его дочерей. Артодъ Ножанъ — буржуа, который былъ въ это время подлѣ графа и который зналъ цѣну деньгамъ подобно всѣмъ тѣмъ людямъ, которые съ помощію труда составили себѣ состояніе, видя это оттолкнулъ просящаго и сказалъ: „мой господинъ роздалъ все, что имѣлъ; поэтому оставьте его въ покоѣ.“ Но графъ обернулся и сказалъ: „вы ошибаетесь крестьянинъ; я могу еще дать нѣчто: и это именно васъ; рыцарь владѣйте имъ, я вамъ его отдаю.“ Рыцарь беретъ его за руку и не отпускаетъ его до тѣхъ

поръ, пока не получилъ 500 ливровъ. Жуанвиль находитъ эту исторію забавной. Но въ настоящее время порядокъ вещей измѣнился, и мы не думаемъ, чтобы нашлись еще такіе рыцари, которые бы согласились подобнымъ образомъ награждать приданымъ своихъ дочерей; но буржуа, вѣроятно, не пожертвовали бы ничѣмъ въ подобномъ случаѣ.

Это новое понятіе, которое мы составили о трудѣ, произвело значительныя измѣненія касательно смягченія нашихъ законовъ и нашихъ нравовъ. Еще въ царствованіе Людовика XIV было замѣтно, что трудъ начинаетъ пріобрѣтать уваженіе, или, по крайней мѣрѣ, защиту. Король ведетъ большія войны, нуждается въ деньгахъ, поэтому считаетъ нужнымъ защищать промышленность; но послѣдняя находитъ себѣ оппозицію въ дворянствѣ, администраціи и въ воинственномъ духѣ времени. Духъ этотъ запрещалъ каждому, кто принадлежалъ къ сословію дворянства, заниматься промышленностью; все это было совершенно противуположно въ Англіи, гдѣ промышленность никогда не считалась унизительной, и гдѣ, напротивъ, братъ лорда почитаетъ за честь быть купцомъ. Духъ дворянства былъ также не менѣе враждебенъ промышленности; всякій даже незначительный купецъ, лишь только пріобрѣталъ достаточныя средства, покупалъ должность, чтобы жить безъ труда.

Тоже значеніе для промышленности имѣлъ духъ,

господствовавшій въ администраціи. Король въ своемъ отеческомъ попеченіи о подданныхъ, занимался шириною ленты, числомъ и свойствомъ нитокъ матеріи и цвѣтомъ ея; трудъ считался за нѣчто подозрительное и за рабочимъ слѣдили. Свобода существовала только для праздныхъ.

Въ настоящее время мы видимъ все въ иномъ свѣтѣ. Промышленность совершенно свободна; она доставляетъ людямъ счастье и начинаетъ внушать къ себѣ уваженіе; и чѣмъ болѣе мы подвинемся на пути развитія, тѣмъ яснѣе поймемъ, что трудолюбивый — истинно благороденъ, а праздный человѣкъ во всякомъ случаѣ виновенъ передъ обществомъ, хотя и богатъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки человѣкъ праздный признается врагомъ отечества; матери удаляютъ отъ него своихъ дочерей, а люди благоразумные его не уважаютъ. По мнѣнію американцевъ, кто ничего не дѣлаетъ, тотъ окончитъ преступленіемъ. Отсюда вытекаетъ, что американцы разсуждаютъ здраво.

Въ области политики этотъ переворотъ въ идеяхъ составляетъ фактъ весьма важный. Съ того времени, когда трудъ, торговля, промышленность, мореплаваніе, становятся главными занятіями народа, народъ этотъ необходимо долженъ пользоваться возможно большей политической свободой.

Въ исторіи нельзя встрѣтить народа, который бы разбогатѣлъ путемъ труда, промышленности и не поль-

зовался бы въ тоже время самой большей свободой, что весьма понятно. Это непраздная теорія. Человѣкъ, который пускается въ обширныя коммерческія предпріятія, нанимаетъ корабль, чтобъ отправить его въ Китай, такой человѣкъ долженъ имѣть полную увѣренность, что чрезъ три, шесть или девять мѣсяцевъ онъ не будетъ раззоренъ войною, которой не предполагалъ, и общественными расходами, которыхъ не предвидѣлъ. Онъ нуждается въ безопасности, а чтобы правительство не вступило на путь случайностей, долженъ принять въ немъ участіе или онъ самъ лично, или чрезъ своихъ представителей. Поэтому представительное правленіе есть самая необходимая форма для народа трудящагося. Тоже можно сказать и о свободѣ печати, значеніе которой такъ мало понимаютъ въ нашемъ обществѣ. Свобода эта составляетъ одну изъ первыхъ потребностей труда для страны, гдѣ промышленность достигла уже извѣстной степени развитія. Значеніе печати, заключается не въ томъ, чтобъ имѣть возможность нападать ежедневно на министровъ, — это еще слабая сторона вопроса, — но чтобы сообщать достовѣрныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи. Промышленникъ и купецъ желаютъ знать не только о положеніи рынка, не только о количествѣ кофе и сахара, находящагося въ томъ или другомъ портѣ; имъ необходимо также знать и о томъ, что происходитъ въ Америкѣ, въ Англіи, въ Германіи, чтобы можно было сообразно съ этимъ вести

свои дѣла, ибо иначе они могутъ лишиться, сами того не подозрѣвая, всего состоянія и оставить дѣтей своихъ безъ куска хлѣба. Такимъ образомъ это господство труда имѣетъ весьма важное значеніе. Если мы будемъ благопріятствовать свободѣ торговли и промышленности, то можемъ быть увѣрены, что за ней не замедлитъ послѣдовать и свобода политическая.

Переходя теперь къ третьей идеи, которая новѣе всѣхъ и которой суждено, по нашему мнѣнію, имѣть большой успѣхъ; мы высказываемъ это не потому, чтобы считали себя кровнымъ отцомъ этой идеи, но по долгу крестнаго отца, который, какъ извѣстно, имѣетъ всегда право видѣть въ хорошемъ свѣтѣ своего крестника.

Идея эта слѣдующая: что есть государство, или, другими словами, имѣетъ ли оно предѣлы? Представляетъ ли власть общественная сумму всѣхъ частныхъ интересовъ страны, или же, напротивъ, она есть магистратура ограниченная, имѣющая извѣстный кругъ дѣйствія?

При Людовикѣ XIV такой вопросъ не имѣлъ бы смысла; государство—король, а король—это все. Торговля, промышленность, война.... все имъ опредѣлялось. Нынѣ же понятія нѣсколько выяснились; начинаютъ понимать, что правительство не есть все; что существуютъ предметы, которыхъ оно даже и не должно касаться. Для примѣра мы укажемъ на свободу религі-

озную -- пріобрѣтеніе временъ революціи. Въ настоящее время никто уже не думаетъ, что правительство имѣетъ право вмѣшательства въ область религіи гражданъ, да и само оно не мечтаетъ о подобной власти. Этотъ вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Кромѣ того существуетъ цѣлая масса предметовъ, о которыхъ можно сказать тоже самое. Возьмемъ, напримѣръ, дѣло образованія. Мы не полагаемъ, чтобъ оно принадлежало государству. Что послѣднее можетъ имѣть свои школы, это вопросъ еще спорный, но чтобъ оно имѣло право стѣснять частныхъ лицъ въ распространеніи повсюду просвѣщенія и образованія мы этому не вѣримъ, да и на чемъ моглобъ оно основывать свое право стѣснять распространеніе человѣческихъ знаній?

Есть еще много подобныхъ предметовъ, но мы ограничиваемся изслѣдованіемъ главнаго. При опредѣленіи границы между тѣмъ, что принадлежитъ государству и индивидууму (полагаемъ, что послѣднему принадлежитъ право заявленія его мыслей, рѣшеніе мѣстныхъ дѣлъ, право собраній, ассоціацій), при опредѣленіи участія каждаго, странно видѣть, что власть и свобода не существуютъ отдѣльно другъ отъ друга, но, напротивъ, эти двѣ различныя области постоянно соприкасаются между собою, хотя и не поглощаютъ одна другую.

Мы постараемся выяснить свою мысль. Вообще говоря, есть много очень почтенныхъ людей, которые

смотрятъ на свободу какъ на роскошь, на день праздника для учениковъ. Если страна спокойна, то правительство можетъ распустить узду и даровать нѣкоторую долю свободы своимъ подданнымъ. Оно поступаетъ въ этомъ случаѣ какъ арлекинъ, который роздалъ игрушки своимъ дѣтямъ: „вотъ барабаны, трубы, говоритъ онъ, забавляйтесь ими, но не шумите; иначе я все возьму назадъ.“ Такое пониманіе роли власти и свободы господствовало во все продолженіе революціи, во времена имперіи, реставраціи и царствованія Луи-Филиппа. Но мы думаемъ объ этомъ совершенно иначе. Будучи ревностнымъ поборникомъ законной власти, мы вѣримъ, что она необходима для установленія порядка, для обезпеченія спокойствія, для уваженія законовъ; мы охотно готовы предоставить правительству нужную ему власть, будучи убѣждены, что тамъ, гдѣ царствуетъ анархія, нѣтъ мѣста для свободы, но, съ другой стороны, также искренно увѣрены, что свобода не ослабляетъ силу власти. Свобода — вещь совершенно иная; она состоитъ въ правѣ каждаго индивидуума развивать себя самаго, дѣлать все то, что позволяютъ ему физическія, умственныя и нравственныя силы. Какимъ же образомъ это развитіе можетъ ослабить правительство? Намъ кажется, что сила государства ничто иное, какъ сумма силъ индивидуальныхъ и что сила индивидуума составляетъ силу государства.

И такъ, почему же могутъ въ одно и тоже время

государство быть очень сильно, а гражданинъ пользоваться большой свободой? Потому что предметъ силы государства и предметъ свободы гражданской — двѣ вещи различныя. Государство сильно не потому, что гражданинъ рабъ, но вслѣдствіе того, что имѣетъ достаточныя средства для поддержанія независимости извнѣ и порядка внутри. Но въ этомъ отношеніи никто, конечно, не откажетъ правительству въ томъ, что послѣднему необходимо. Для того, чтобы правительство защищало Францію извнѣ, отправляло правосудіе внутри, мы дадимъ ему все необходимое для этой цѣли; если ему нужны деньги, мы не станемъ спорить о финансахъ; если нужны посланники, мы ихъ дадимъ; если необходима доля законодательной власти, мы уступимъ и это. Но сдѣлавъ все это, мы скажемъ: мы также имѣемъ свои права, которыя слѣдуетъ уважать; позвольте намъ вѣрить въ то, во что хотимъ; позвольте соединяться для нашихъ потребностей умственныхъ, религіозныхъ и нравственныхъ, разбирать свободно въ журналахъ вопросы, которые интересуютъ всю страну вообще и насъ въ особенности; словомъ, позвольте намъ дѣлать все то, что происходитъ въ Англіи и въ Америкѣ — странахъ, гдѣ очень сильная власть стоитъ на ряду съ великой свободой. Это вопросъ о предѣлахъ вѣдомства. Неужели можно полагать, что кто желаетъ свободы, тотъ посягаетъ на правительство; нѣтъ, онъ желаетъ только ввести прави-

тельство въ область правительства, а свободу въ область свободы.

Вотъ еще одна изъ тѣхъ идей, которая, если будетъ достаточно понята, можетъ оказать очень большое вліяніе на матеріальные интересы; если доискиваться, что было главной причиной тѣхъ смутъ и неурядицъ, которыя обнаружились во время революціи, можно всегда найти ту ложную идею, что ослабленіе власти есть укрѣпленіе свободы, а ослабленіе свободы есть усиленіе власти; естественно, что первый путь ведетъ къ анархіи, а второй — къ самоуправству и деспотизму.

Таковы соображенія, на которыхъ мы остановились. Мы старались показать, что въ настоящее время политика есть наука опытная, не имѣющая ничего общаго съ тѣми мечтательными теоріями, которыя каждый почерпалъ въ своемъ умѣ. Политика слѣдуетъ теперь примѣру естественныхъ наукъ; она сознаетъ, что безъ опыта она не имѣетъ никакого значенія, а, благодаря опыту, становится точной наукой и можетъ, слѣдовательно, предвидѣть будущее не по образцу календарей, но астрономіи, которая не говоритъ вовсе о томъ, какое время будетъ завтра, но предскажетъ съ точностью затмѣніе.

Политическая наука не скажетъ намъ, какая партія восторжествуетъ завтра, но опредѣлитъ, отъ какихъ причинъ экономическихъ, нравственныхъ и какой степени свободы зависитъ величіе народа. И это опредѣ-

леніе будетъ вполнѣ безошибочно. Таковъ предметъ, которымъ мы займемся на послѣдующихъ страницахъ.

Если бы дѣло шло только о нашей пользѣ, то мы имѣлибъ основаніе познакомиться съ тѣми условіями, отъ которыхъ неизбѣжно зависитъ благосостояніе страны, обезпеченіе промышленности; но мы не будемъ только купцами, чиновниками, отцами семействъ, а кромѣ того и гражданами; поэтому намъ необходимо изучить то, что содѣйствуетъ гражданской безопасности и величію страны. Знаніе вовсе не тайна; его можетъ постигнуть каждый при нѣкоторомъ вниманіи; предметъ его не скрытъ въ облакахъ, а цѣль его объяснить намъ наши дѣйствія и слова. Въ этомъ и будетъ состоять нашъ предметъ; далѣе мы не пойдемъ; но чтобъ его достигнуть, надобно изучить все, что было сдѣлано и говорено до насъ.

Изучая естественныя науки, нельзя не удивляться при видѣ порядка, совершенства, разсчета въ самомъ маленькомъ цвѣткѣ, самомъ меньшемъ растеніи; но при изученіи исторіи такъ и кажется, что человѣчество не имѣетъ закона, какъ природа, что человѣческій міръ исполненъ необыкновенныхъ смутъ и безпорядка, и что даже въ немъ господствуютъ сила и хитрость. Мы признаемъ, что есть доля истины въ этомъ печальномъ свидѣтельствѣ исторіи. Безъ сомнѣнія очень часто сила и хитрость пользовались бездѣйствіемъ народа, но справедливо ли заключать отсюда, что зло когда-нибудь и что-нибудь созидало, что благосостояніе народовъ никогда не было прямо пропорціонально ихъ добродѣтели? Справедливо-ли что добро и зло только случайно господствовали въ свѣтѣ? Нѣтъ, мы вполнѣ убѣждены въ противномъ.

Изучая исторію познаешь, что благосостояніемъ народовъ управляютъ законы, которые можно изслѣдовать. Существуютъ законы нравственные столь же достовѣрные, какъ и физическіе, и законы эти включаютъ свободу въ область своихъ вычисленій. Законы нравственные показываютъ намъ, что повсюду, гдѣ человѣкъ пренебрегалъ свободой, или ее не признавалъ, онъ глупѣлъ и его благосостояніе уменьшалось; что, напротивъ, повсюду, гдѣ онъ пользовался свободой, являлось вслѣдъ за этимъ и благополучіе. Нѣтъ великаго народа, который не былъ бы обязанъ своимъ ве-

личіемъ храбрости, энергіи, экономіи и честности своихъ сограждан. Если разсматривать исторію съ этой точки зрѣнія, то она принимаетъ совершенно иной видъ. Тогда понимаешь, что есть великаго и прекраснаго въ исполненіи долга; тогда пріобрѣтаешь вѣру, которая побуждаетъ тебя дѣйствовать и оберегаетъ въ борьбѣ жизни; и съ приближеніемъ старости отдаешь себя съ довѣріемъ той отеческой руки, которая безъ сомнѣнія не для того руководила нами среди бурь и показывала всегда свѣтъ болѣе чистый, чтобы разбить у гавани и погрузить насъ снова во мракъ.

ГОСУДАРСТВО

и

ЕГО ПРЕДѢЛЫ.

ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРЕДѢЛЫ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ методы наблюденія произвели переворотъ въ области наукъ естественныхъ, указывая повсюду на общіе законы, которые управляютъ безконечнымъ разнообразіемъ явленій и объясняютъ ихъ, — подобный же переворотъ произошелъ и въ области наукъ, имѣющихъ предметомъ своимъ изученіе человѣка. Какую же цѣль имѣютъ въ настоящее время философія исторіи, политическая экономія, статистика — какъ не изслѣдованіе естественныхъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ обществами? Безъ сомнѣнія между человѣкомъ и природой существуетъ та разница, что первый свободенъ, тогда какъ вторая слѣдуетъ неизмѣнному и непроизвольному теченію; но это новое условіе только усложняетъ задачу, а не измѣняетъ ее....

Открыть законы, которые управляютъ нравственнымъ міромъ, — такова задача политической философіи....

Но наука политической философіи — еще наука новая и едва лишь установилась. Собирать факты дѣло тяжелое и не блестящее; гораздо легче изобрѣтать системы, возводить частный фактъ, элементъ, на степень всемірнаго принципа и все объяснять единымъ словомъ. Вотъ откуда исходятъ всѣ эти изящныя теоріи, которыя разцвѣтаютъ и погибаютъ въ одно лѣто: вліянія расы или климата, законъ упадка, регресса, сопротивленія, прогресса. Что можетъ быть замысловатѣе идей Вико, Гердера, Сенъ-Симона, Гегеля, но къ сожалѣнію слишкомъ очевидно, что не смотря на блескъ нѣкоторыхъ частей, эти честолюбивыя постройки не имѣютъ никакого фундамента. Гдѣ же помѣстить свободу между этими роковыми силами, которыя влекутъ человѣчество къ его неизбѣжной судьбѣ? Что же остается на долю индивидуальной дѣятельности и отвѣтственности? Много было потрачено ума на то, чтобы дать другой оборотъ задачѣ, вмѣсто того, чтобы рѣшить ее, но къ чему привели всѣ эти поэтическія химеры? Единственная вещь, о которой намъ ничего не говорятъ, это именно та, которая одна насъ интересуетъ.

Кто хочетъ писать такую философію исторіи, которая могла бы быть признана научной, тотъ долженъ перемѣнить методъ и возвратиться къ наблюденію. Не-

достаточно изучать одни событія, которыя суть ничто иное, какъ послѣдствія; нужно изучать идеи, повлекшія за собою эти событія, ибо эти идеи суть причины и въ нихъ-то проявляется свобода. Когда будетъ начертана генеалогія идей, когда будетъ извѣстно какое воспитаніе получалъ каждый вѣкъ, какъ онъ исправлялъ и дополнялъ опытъ, унаслѣдованный отъ предшествовавшихъ ему вѣковъ, тогда сдѣлается возможнымъ пониманіе теченія всего прошедшаго и даже можетъ быть предусмотрѣніе хода будущаго.

Пусть люди не заблуждаются. Жизнь обществъ, также какъ и жизнь отдѣльныхъ личностей, всегда управляется и опредѣляется какими нибудь мнѣніями, извѣстной вѣрой. Даже и тогда, когда мы этого не сознаемъ, наши самыя маловажныя дѣйствія совершаются во имя какого нибудь твердаго принципа, имѣютъ прочное основаніе. Этимъ-то и объясняется всемірное вліяніе религіи. Если разсматривать отдѣльно какого нибудь человѣка, то съ перваго взгляда ваше вниманіе поражается его эгоизмомъ и личными страстями; можетъ быть во всей его жизни вы не усмотрите никакихъ другихъ двигателей, кромѣ этого эгоизма и страстей; но если вы будете разсматривать цѣлый народъ, то вы увидите, что надъ этими индивидуальными страстями, одна другой противорѣчащими и исключающими одна другую, господствуетъ потокъ общихъ идей, который въ окончательномъ результатѣ

увлекаетъ съ собой и весь народъ. Раскройте страницы исторіи и вы увидите, что нѣтъ ни одного великаго народа, который не былъ бы представителемъ и проводникомъ какой нибудь идеи: Греція — это отечество искуствъ и философіи; Римъ — образецъ правительства и политики; Израиль — выраженіе чистѣйшаго единобожія! А въ настоящее время кто у насъ представителемъ науки, какъ не Германія? Единства — какъ не Франція? Политической свободы—какъ не Англія? Вотъ одна изъ тѣхъ очевидныхъ истинъ, которыя ложатся въ основу науки и которыя ей нужно разобрать и изучить.

Изложить исторію идей, прослѣдить шагъ за шагомъ отъ самаго ихъ зарожденія, ихъ развитіе, паденіе или преобразованіе —таково содержаніе одного изъ насущнѣйшихъ изученій нашего времени, которое изгонитъ со временемъ изъ исторіи слово *случай*, имѣющее только смыслъ извиненія въ нашемъ невѣжествѣ. Изучаемыя такимъ образомъ — религія, политика, наука, литература и искуства, перестаютъ быть для насъ чѣмъ-то внѣшнимъ, предметомъ одной благородной любознательности, онѣ становятся частью насъ самихъ, элементомъ нашей духовной жизни. Мы унаслѣдовали этотъ элементъ отъ нашихъ отцовъ, какъ и кровь, которую они намъ дали; не принять его невозможно, измѣнять его—вотъ одно изъ нашихъ обыденнѣйшихъ

дѣлъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ и выражается господство свободы.

Эти измѣненія, совершающіяся мало по малу усиліями человѣческаго ума, представляютъ любопытнѣйшее и полезнѣйшее изъ зрѣлищъ, открываемыхъ для насъ исторіей. Поколѣнія увлекаются какими-то потоками, которые едва замѣтно начинаясь, мало по малу увеличиваются, потомъ распространяются на огромное пространство и, покрывъ все шумомъ своихъ водъ, ослабѣваютъ, мельчаютъ и теряются, подобно Рейну, въ безымянныхъ пескахъ. Попробуйте найти начало происхожденія реформаціи, и вамъ нужно будетъ ощупью спускаться во мракъ среднихъ вѣковъ; но уже во времена Виклефа и Іоанна Гусса, идея реформаціи возстаетъ и гремитъ, готовая все ниспровергнуть. Два вѣка спустя послѣ Лютера рѣка вошла опять въ свое русло; отъ этой религіозной горячки, разстроившей всю Европу, остались только споры теологовъ, человѣчество отдалось другимъ желаніямъ и стремленіямъ. Откуда же взялась эта страстная любовь къ равенству? Никто не можетъ этого сказать, но еще за долго до 1789 года чувствовалось приближеніе бури, замѣтно было паденіе камня по камню этого дряхлаго общества, которое не было связуемо никакой вѣрой, ни политической, ни религіозной; каждый день ускорялъ собою паденіе, которое наконецъ все раздавило подъ собой.

Что низвергло этотъ древній дубъ феодализма, подъ тѣнью котораго возрасло столько поколѣній?— Одна идея!

Но неужели только въ исторіи можно прослѣдить эти страшныя силы, которыя измѣняютъ всю міровую внѣшность? Неужели нужно, чтобы взрывъ исчерпалъ ихъ для того, чтобъ онѣ открыли намъ свою тайну? Развѣ нельзя измѣрить степень силы въ то время, когда она еще жива и дѣйствуетъ? Неужели невозможно вычислить ея кривую и ея проекцію? Почему нѣтъ? Неужели человѣчество мало прожило для того, чтобы познать самого себя? Что препятствуетъ твердой постановкѣ нравственныхъ наукъ, при помощи наблюденія? Можно-ли этимъ путемъ дойдти до нѣкоторыхъ законовъ, достигнуть до возможности предвидѣнія будущаго? И да, и нѣтъ, смотря по тому, какой смыслъ придавать слову предвидѣніе. Астрономія предвѣщаетъ намъ точный день затмѣнія, которое должно произойти спустя цѣлое столѣтіе, и въ то же время она не можетъ сказать намъ, какая завтра будетъ погода; ей извѣстенъ неизмѣнный ходъ движенія небесныхъ тѣлъ, а измѣнчивыя явленія атмосферы ускользаютъ отъ нея. Тоже самое и въ наукѣ политической. Она не можетъ сказать, что сдѣлаетъ, или чего захочетъ Франція чрезъ шесть мѣсяцевъ, потому что въ нашихъ страстяхъ есть непостоянство, не поддающееся вычисленіямъ; но она можетъ быть съ большимъ правдоподобіемъ предскажетъ, какъ черезъ десять лѣтъ будутъ думать во

Франціи или въ Европѣ о какомъ нибудь данномъ предметѣ.

Это увѣреніе въ возможности предугадыванія, даже и ограниченнаго, какъ это мы показали выше, покажется безъ сомнѣнія слишкомъ смѣлымъ; но мы хотимъ произвести съ нимъ опытъ на свой собственный счетъ. Рискуя прослыть лжепророкомъ, мы задаемся изученіемъ идеи, которая, будучи не признаваема въ настоящее время, восторжествуетъ, по нашему мнѣнію, въ близкомъ будущемъ. Эта идея, которая, впрочемъ, не нова, но часъ которой еще не пробилъ, состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ естественные предѣлы, за корыми кончаются его власть и право. Въ настоящее время, если исключить Англію, Бельгію, Голландію и Швейцарію, подобная идея не имѣетъ мѣста въ Европѣ. Государство—это все, верховная власть не имѣетъ границъ, централизація растетъ съ каждымъ днемъ. Если принимать въ разсужденіе только дѣйствующую въ Европѣ практику, то всемогущество государства никогда не было такъ очевидно признаваемо, какъ въ настоящее время; съ точки же зрѣнія теоріи это всемогущество вступило въ періодъ упадка. Между тѣмъ, какъ централизація все болѣе и болѣе движется впередъ, наука оспариваетъ это насильственное завладѣніе, указываетъ на его несправедливость и опасность. Сколько же времени будетъ продолжаться эта борьба? Трудно сказать; но существуетъ законъ, управляющій извѣстными понятіями,

и въ силу этого закона позволительно вѣрить безъ особеннаго предубѣжденія тому, что если теперь избранное меньшинство борется за истину, то это меньшинство кончитъ тѣмъ, что будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣхъ.

Чтобы познать въ самой сущности господствующую нынѣ идею о государствѣ, которая руководитъ въ Европѣ, лицами, стоящими во главѣ управленія дѣлъ, нужно изыскать, какимъ образомъ образовалась эта идея, ибо она имѣетъ свою генеалогію; она дочь вѣковъ и несомнѣнно то, что если она возрастала мало по малу, то она также и состарится: за такое ея будущее намъ *порукой* ея прошедшее.

Государство грековъ и римлянъ (эти народы были нашими политическими предками) не имѣетъ никакого сходства съ нашими новѣйшими правительствами. Между этими двумя обществами цѣлая пропасть. У древнихъ не было ни торговли, ни промышленности, земледѣліе было въ рукахъ рабовъ; почитался и уважался только досугъ; политика и война — вотъ единственныя занятія римлянина. Если онъ не сражается гдѣ нибудь вдали, то жизнь его проходитъ на публичномъ мѣстѣ, въ безпрерывномъ отправленіи верховной власти; быть гражданиномъ — значило исполнять служебныя обязанности. Избиратель, ораторъ, присяжный, судья, чиновникъ, сенаторъ — римлянинъ не имѣлъ и не могъ имѣть другой добродѣтели, какъ патріотизмъ, другаго порока, какъ честолюбіе. Присоедините къ этому отсутствіе

средняго класса и раннее совмѣстное существованіе крайней бѣдности съ несмѣтнымъ богатствомъ и вы поймете, что у древнихъ свобода была ничто иное, какъ господство нѣсколькихъ привилегированныхъ.

При подобномъ порядкѣ вещей никто и не воображалъ, чтобы личность имѣла права́, независящія отъ государства; государство было абсолютнымъ господиномъ гражданъ. Это не значитъ, чтобы римлянинъ былъ угнетенъ; но если онъ и имѣлъ права, то они принадлежали ему не какъ человѣку, а какъ верховному владыкѣ. Онъ никогда и не думалъ о другой какой нибудь религіи, кромѣ религіи своихъ отцовъ. Одинъ Юпитеръ капитолійскій могъ защищать дѣтей Ромула. Мысль не была стѣсняема, ибо на форумѣ можно было все говорить; слово было публичнымъ и краснорѣчіе управляло умами. Свободѣ ни откуда не грозила опасность и никто не осмѣлился бы наложить руку на гражданина, хотя бы онъ былъ въ рубищахъ. Уваженіе къ римскому имени простиралось такъ далеко, что самое наказаніе останавливалось предъ виновнымъ. Пускай подсудимый сложитъ съ себя званіе гражданина, какъ король оставляющій свой тронъ, и запишется въ другое общество, и законъ не знаетъ его болѣе, общественная месть обезоружена.

Намъ нѣтъ особенной надобности обсуждать эти древнія конституціи, онѣ не имѣютъ для насъ другаго интереса, кромѣ любознательности; у насъ другія нужды

и другія идеи. Промышленное и торговое общества имѣютъ дѣла по важнѣе бездѣйственнаго провожденія времени на форумѣ; публичная жизнь есть только одна, и притомъ наименьшая часть нашего существованія; теперь на первомъ планѣ человѣкъ, а потомъ уже гражданинъ, и, если современные люди имѣютъ какія нибудь политическія притязанія, то эти притязанія имѣютъ цѣлью не столько управлять сами собой, сколько право контроля надъ дѣйствіями правительства. Съ другой стороны, печать уничтожила важное значеніе форума и создала силу, въ иномъ смыслѣ грозную, чѣмъ какой была какая нибудь сотня плебеевъ, собиравшихся вокругъ трибуны: эта сила—общественное мнѣніе, элементъ неуловимый, не ощущаемый, но который тѣмъ не менѣе нельзя не признавать. Наконецъ, религія для насъ не пустой обрядъ, она налагаетъ на насъ обязанности и даетъ намъ права, на которыя нисколько не распространяется юрисдикція государства. Вслѣдствіе всего этого, подражаніе древнимъ могло бы только сбить насъ съ пути; наши отцы извѣдали это на горькомъ опытѣ, когда неискусные законодатели пытались преобразить ихъ то въ спартанцевъ, то въ римлянъ; но кажется у насъ все-таки осталось этой античной закваски нѣсколько болѣе, нежели сколько можетъ терпѣть устройство нашего общества.

Пока Римъ былъ республикой, т. е. всемогущей аристократіей, дворянство, пользовавшееся верховной

свободой, не чувствовало опасности, которая скрывалась въ его теоріи государства. Эта горсть привилегированныхъ грабила весь міръ, нисколько не озабочиваясь рабствомъ, которое она распространяла извнѣ, и той порчей, которую она посѣевала внутри; но когда народъ научился продавать себя, достаточно было одной смѣлой руки, чтобы покончить съ монополіей нѣсколькихъ знатныхъ семействъ; подъ давленіемъ всемірнаго рабства и римская свобода размозжилась; все сдѣлалось провинціей — во всемъ мірѣ не было другаго закона, какъ своенравіе императора.

Каковъ былъ этотъ деспотизмъ, который обнималъ все и давленіе котораго можно было избѣгнуть только путемъ смерти, — намъ трудно даже представить себѣ; намъ, живущимъ въ средѣ цивилизаціи, смягченной христіанствомъ и умѣряемой сосѣдствомъ другихъ свободныхъ христіанскихъ народовъ. Все было въ рукахъ цезаря: войско, финансы, администрація, судъ, религія, народное образованіе, народное мнѣніе даже, словомъ все, до частной собственности и жизни послѣдняго изъ гражданъ. Удивительно ли послѣ того, что римляне такъ рано боготворили своихъ императоровъ. При жизни онъ Numen для нихъ, божество покровительствующее, умиралъ императоръ и онъ уже Divus, геній-хранитель имперіи. Въ канцелярскомъ языкѣ, рука, утверждавшая законы, называлась не иначе, какъ божественною; слова императора — пророчествомъ, а

въ пышномъ титулѣ этихъ калифовъ на часъ говорилось даже о вѣчности, присущей только одному Богу.

Какимъ же образомъ управлялъ императоръ? Во времена первыхъ цезарей самъ собою, какъ это можно заключить изъ писемъ Траяна къ Плинію, позднѣе, по мѣрѣ того какъ исчезли послѣднія муниципальныя вольности, администрація и канцеляріи стали думать и дѣйствовать за весь міръ. Кто изучаетъ надписи и кодексъ Ѳеодосія или Юстиніана, тотъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ централизаціей, которая идетъ, все увеличиваясь, до того наконецъ, что удушаетъ все общество подъ своей страшной опекой. Если хотите составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ могла быть имперія въ моментъ нашествія варваровъ, то взгляните на нынѣшній Китай. Это покажетъ вамъ какъ, вслѣдствіе излишка въ правленіи, самыя мудрыя правила, прилагаемыя самыми умными чиновниками, могутъ въ нѣсколько столѣтій разслабить послушный народъ и довести его до рабства и нравственной смерти.

Въ числѣ другихъ причинъ паденія Римской имперіи не послѣднее мѣсто нужно дать ложной идеѣ, какую составили себѣ римляне о государствѣ. Это было древнее понятіе о верховной власти народа. Въ теоріи, въ римскомъ государствѣ, республика никогда не переставала существовать; государь былъ ничто иное, какъ представитель демократіи, постоянный трибунъ плебса. Когда юристы третьяго вѣка изучали

власть императора, то они пришли къ тому заключенію, что воля государя имѣетъ силу закона: quod principi placuit legis habet vigorem; основаніе такому толкованію царской воли, состояло по ихъ мнѣнію въ томъ, что народъ передалъ государю всю свою власть. Такимъ-то образомъ изъ крайней свободы они выводили крайнее рабство.

Мы не видимъ, чтобы римляне когда либо протестовали противъ этой теоріи, которая ихъ подавила. Тацитъ сожалѣетъ о республикѣ и въ тоже время поздравляетъ Траяна съ успѣшнымъ смѣшеніемъ двухъ вещей, которыя въ Римѣ почти никогда не шли рядомъ, а именно господства и свободы; но онъ и не представляетъ себѣ возможности ограниченія верховной власти. Раздѣльныя, ежегодныя и отвѣтственныя магистратуры, вотъ все, что изобрѣла мудрость древнихъ; въ этомъ заключалась вся политическая гарантія, охранявшая независимость гражданина; уничтожилась эта гарантія и независимость потерялась безвозвратно.

Для того, чтобы внести въ міръ лучшее понятіе о государствѣ, нужна была новая религія. Евангеліе ниспровергло древнія идеи и этимъ самымъ разрушило древнее общество и создало новыя времена. „Воздадите кесарева кесареви и Божія Богови,“ вотъ текстъ, который мы часто повторяемъ, не подозрѣвая, что это мудрое изреченіе, ставшее въ наше время вульгарнымъ, было во время своего появленія изобличеніемъ

во лжи римской политики, объявленіемъ войны императорскому деспотизму. Тамъ, гдѣ царствовало насильственное единство, Христосъ провозгласилъ раздѣленіе; отнынѣ нужно было въ одномъ и томъ-же человѣкѣ различать и гражданина и вѣрующаго, уважать въ немъ право христіанина, преклоняться предъ его личной совѣстью. Это было настоящей революціей.

Императоры и не ошибались въ революціонномъ значеніи христіанства, а великіе императоры — менѣе, чѣмъ другіе. Этимъ ихъ пониманіемъ выясняется характеръ гоненій, менѣе всего понятый. Причину гоненій искали въ фанатизмѣ и жестокости государей; но это менѣе всего справедливо; эти злодѣянія были чисто политическія. Христіанъ заключали въ темницы и убивали во имя государства, во имя необузданной верховной власти и насильственныхъ законовъ. Кто, за исключеніемъ этого чудовища Нерона, который предалъ казни первыхъ вѣрующихъ, чтобъ обратить народную ненависть съ себя на презираемую секту, — кто изъ императоровъ производилъ гоненія? Коммодъ? нѣтъ, онъ былъ окруженъ христіанами. Геліогабалъ? — этотъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ о своей сирійской божественности. Каракалла? Но въ царствованіе братоубійцы не было ни одного мученика. Тѣ, которые проливали кровь христіанъ, — были самыми мудрыми государями, величайшими администраторами: Траянъ, Маркъ-Аврелій, Северъ, Децій, Діоклетіанъ. Почему-же это? а потому, что они хо-

тѣли какою бы то ни было цѣною сохранить единство государства; а единство было абсолютно, оно обнимало совѣсть, какъ и все остальное, ему нуженъ былъ весь цѣльный человѣкъ. Въ чемъ укоряли христіанъ? Ихъ называли атеистами, врагами государства, мятежниками, возмутившимися противъ законовъ. Намъ эти обвиненія кажутся столько же дѣтскими, сколько и гнусными, римляне же находили ихъ справедливыми и, съ своей точки зрѣнія, были правы. Въ смыслѣ римскихъ законовъ, христіане дѣйствительно были атеистами, потому что они не поклонялись государственнымъ богамъ, а для древнихъ другіе боги были немыслимы; они были врагами государства, потому что, въ противуположность ихъ ученію, вся администрація имперіи выходила изъ религіи и абсолютнаго подчиненія гражданина; они были мятежниками, потому что тайно соединялись вопреки ревновавшимъ къ императорской власти законамъ, воспрещавшимъ всякаго рода ассоціаціи или собранія. Упреки, которые язычники дѣлали христіанамъ, одинаковы съ тѣми, какіе во время Людовика XIV дѣлали протестантамъ. Въ обществѣ, которое по идеѣ государства приближалось къ римскому обществу, протестанты тоже были людьми, презиравшими національную религію, ломавшими государственное единство и соединявшимися вопреки запрещенію законовъ; это были гнусные мятежники, которыхъ судья ссылалъ на галеры, ни мало не сомнѣваясь въ ихъ преступности. Имѣли-ли однако

первые христіане и протестанты какое либо основаніе не повиноваться господствовавшему политическому строю? Я отвѣчаю утвердительно, это было ихъ право и ихъ обязанность; они слѣдовали внушенію, которое черпали изъ Евангелія. Но римскіе или французскіе судьи не понимали и не могли понять этого права и этой обязанности; такое непониманіе всегда имѣетъ мѣсто, если государство, сосредоточивая все въ себѣ, не захочетъ ничего признавать внѣ своей верховной власти, которая всегда останется тираніей, будетъ-ли то монархія или республика.

Вышеобъясненное нами понятіе о государствѣ было такъ обще и такъ сильно, что даже первые христіане, находясь отчасти подъ вліяніемъ этого понятія, только на половину возмущались противъ закона, который ихъ подавлялъ; они и въ мысляхъ не имѣли политической реформы, которая дала-бы имъ право занять должное мѣсто въ имперіи. Все, чего они требовали, заключалось въ томъ, чтобы правительство сквозь пальцы смотрѣло на ихъ мирныя собранія, чтобъ ихъ такимъ-же образомъ терпѣли, какъ терпѣли евреевъ, въ средніе вѣка, въ смыслѣ самаго низшаго класса народа, о которомъ государству не стоитъ и заботиться. Тертуліанъ убѣждалъ, что если падетъ римская имперія, то настанетъ конецъ міра; ему гораздо легче было вѣрить въ возможность ниспроверженія всего, чѣмъ въ преобразованіе того правительства, которое его угнетало. Оригенъ первый, какъ я

полагаю, съ смѣлостью и геніемъ истаго грека сталъ иначе разсуждать о будущемъ; онъ былъ единственный человѣкъ своего времени, осмѣлившійся предвидѣть, что христіанство можетъ стать всемірной религіей и безъ того, чтобы земля и небеса поколебались [1]).

Это была одна изъ тѣхъ молній, которыя появляются и тотчасъ-же утухаютъ во мракѣ ночи. Никто не воспринялъ идеи Оригена, потому что никто не сомнѣвался въ вѣчности имперіи. Верховная власть государства оставалась твердымъ членомъ символа политической вѣры, и эта идея пустила такіе глубокіе корни, что даже христіанство не могло восторжествовать надъ нею, впрочемъ, строго говоря, сама церковь не заботилась объ этомъ. Когда Константинъ, обязанный христіанамъ частью своего могущества, присоединилъ и церковь къ своей власти, то почти одинъ только Аѳанасій возымѣлъ благородное безпокойство вслѣдствіе этого: онъ ужаснулся, видя чиновниковъ, жестоко преслѣдовавшихъ ересь. Епископы съ радостью вступали въ ряды императорской администраціи; они приняли отъ языческихъ первосвященниковъ ихъ привилегіи, титулы, ихъ почести, подобно тому какъ отъ язычества они приняли его храмы и учрежденія. Ничто не измѣнилось въ государствѣ, стало только нѣсколькими чиновниками болѣе и надъ ними императоръ, точно Янусъ религіозный, великій

---

[1]) Оригенъ, Противъ Цельсія. VIII, 68.

жрецъ язычниковъ, внѣшній епископъ христіанъ. — Но, чтобы меня дурно не перетолковали, сдѣлаю маленькую оговорку: никто болѣе меня не признаетъ того факта, что христіанство произвело нравственную революцію, величайшую изъ видѣнныхъ міромъ; Евангеліе распространило по лицу земли новое ученіе и новую жизнь; мы прожили въ немъ 18 вѣковъ, и я не замѣчаю, чтобъ эта божественная сила сколько нибудь ослабѣла; но я говорю вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ четвертомъ вѣкѣ церковь, іерархія, заняли въ государствѣ мѣсто языческаго понтификата, даже съ нѣсколько большими преимуществами. Епископы стали вскорѣ настоящими полицейскими офицерами, надсмотрщиками судей, защитниками общества, покровителями бѣдныхъ и угнетенныхъ; иногда они были и болѣе чѣмъ преданными подданными, слишкомъ уже послушными агентами божественнаго императора. Пусть не возражаютъ мнѣ, что былъ Амвросій, изгонявшій съ церковной паперти Ѳеодосія, обрызганнаго свѣжей кровью гнуснаго мщенія; всѣ епископы не были вѣдь ни Амвросіями, ни Аѳанасіями; будучи язычникомъ, Константинъ краснѣлъ отъ нескромной и святотатственной лести одного епископа, который не побоялся публично сравнить императора съ Сыномъ Божіимъ; а епископъ этотъ имѣлъ слишкомъ многихъ послѣдователей.

Было-ли это слѣдствіемъ низости души, подлаго честолюбія, или же это происходило отъ избытка религіоз-

паго почитанія императора? Не смотрѣли-ли епископы на главу государства какъ на божественнаго дѣятеля, представителя Бога на землѣ? Не объясняетъ ли это чувство религіознаго почитанія государя, но внутренно отвергая его, не объясняетъ ли оно той преданности, которая такъ часто доходитъ до подобострастія? Я склоняюсь на сторону этого мнѣнія; а то какъ же иначе понять ту тѣсную связь между епископомъ и царской властью, которая продолжалась до нашихъ дней? Боссюэтъ былъ человѣкъ необыкновенной души, а между тѣмъ онъ почти не пошелъ далѣе византійскихъ епископовъ. Въ сущности, это была тоже старая идея верховной власти государства, только принявшая христіанскую оболочку. На томъ основаніи, что государь служитъ церкви и защищаетъ святое ученіе, ему все принадлежитъ, какъ тѣло, такъ и душа его подданныхъ. Но подъ этой маской легко узнается языческое идолопоклонство, презрѣніе къ совѣсти и обожаніе императора. Если хотите видѣть на сколько эта теорія была опасна религіи, то взгляните чѣмъ стала греческая церковь. Отъ Константина до Юстиніана законодательство не измѣнило своего духа, императоръ ни о чемъ не совѣтовался съ епископами, наполнявшими его дворъ, и къ чему же пришли этимъ путемъ? . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Между тѣмъ, какъ имперія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширяла свою администрацію, которая ее истощала, варвары приближались и вскорѣ уже были у самаго сердца провинцій. Дикая толпа легко побѣдила общество, которое будучи издавна обезоружено властью государства, не имѣло даже желанія защищаться. Эти варвары принесли съ собой новую идею, составлявшую всю ихъ силу. Они чувствовали величайшее пренебреженіе къ этой чудовищной машинѣ, правительству, которое такъ восхищаетъ новѣйшихъ людей, они нисколько не понимали того народа, который они защищали или грабили. Для римлянина государство было все, гражданинъ—ничто; для германца же, напротивъ, государство ничто, а личность—все. Каждый глава семейства устанавливается тамъ, гдѣ ему угодно, ut fons, ut nemus placuit; онъ управляетъ своимъ домомъ по своему разумѣнію, получаетъ правосудіе отъ равныхъ себѣ или самъ его воздаетъ имъ, выступаетъ на войну подъ предводительствомъ того начальника, котораго самъ избираетъ, не признаетъ надъ собой другаго высшаго, какъ того, которому самъ отдается, платитъ только тѣ налоги, которые онъ самъ назначаетъ и, при малѣйшей оказанной ему несправедливости, взываетъ къ богу и своему мечу. Это было ниспроверженіемъ всѣхъ римскихъ идей, извращеніемъ всего императорскаго общества. У германцевъ чудовищная свобода и весьма незначительная общественная безопасность, а у римлянъ —

безопасность чрезвычайно большая, помимо еще страха, внушаемаго государемъ и его агентами, безпокойная и бдительная полиція и полнѣйшее отсутствіе свободы.

Эта гордая независимость продолжалась довольно долго. Когда германцы установились и стали хозяевами въ провинціяхъ, которыя имъ уступила императорская слабость, они устроили собственность на свой ладъ и распоряжались ею, какъ хотѣли. При первыхъ же двухъ поколѣніяхъ, что составляло предметъ честолюбія для вельможъ и для церкви, которая также стала варварской силой? Полученіе льготы, т. е. права безконтрольнаго управленія областью, населенною многочисленными вассалами. Судъ, полиція, налоги, все было прикрѣплено къ землѣ, вмѣстѣ съ которой, изъ рукъ въ руки, переходили и самыя права. Феодализмъ есть эпоха процвѣтанія этой системы, представляющей споры собственниковъ и верховной власти. Каждый баронъ есть полный господинъ своей земли, начальникъ на войнѣ, судья въ мирѣ. Его вассалы имѣютъ обязанности только по отношенію къ нему одному, а онъ одинъ стоитъ въ обязательномъ отношеніи къ сюзерену или королю. И, вотъ, мы уже даже далеко отъ имперіи. Чѣмъ болѣе централизаціи и единства, тѣмъ іерархія становится смѣшаннѣй, на каждой ступенькѣ являются различныя права, различныя обязательства, вездѣ договоръ и нигдѣ государства. Никакой администраціи, никакого войска, ника-

кихъ налоговъ, ничего похожаго ни на римскую систему, ни на наше общество.

Между тѣмъ, этого кажущагося неустройства, этого смѣшенія нельзя принимать за анархію; анархія не могла бы держаться въ теченіе пяти столѣтій, и какой народъ сталъ бы такъ долго сносить ее? Какимъ ненавистнымъ ни остался въ исторіи феодализмъ, все же нельзя ему одному приписывать всѣ бѣдствія того времени. Впрочемъ, это ужъ общее заблужденіе непремѣнно обвинить какое-либо павшее учрежденіе и свалить на него всѣ пороки и всѣ страданія современной ему эпохи: не существуетъ вѣдь никакихъ доказательствъ въ пользу того, что рабство было бы менѣе жестокимъ, еслибы продолжала существовать безграничная царская власть.

Напротивъ, то государство, гдѣ бароны взяли верхъ, какъ напр. въ Англіи, то государство было первой страной, гдѣ рабство ослабѣвало и наконецъ совсѣмъ исчезло. Слѣдовательно, въ феодализмѣ было еще нѣчто, кромѣ деспотизма господъ, въ немъ была плодотворная сила, и эта сила, скрывавшаяся подъ привилегіями, — была свобода. Иначе, какъ объяснить то процвѣтаніе тринадцатаго вѣка, который можно сравнить развѣ съ самыми лучшими вѣками въ исторіи? Посмотрите, что происходитъ въ этотъ вѣкъ: рождается и быстро развивается новое искуство, поэты воспѣваютъ и преобразовываютъ простонародныя нарѣчія въ

языки, которые никогда не должны умереть; Францiя, Германiя, Англiя, покрываются соборами, монастырями, замками. И очень слѣпъ, слишкомъ несправедливъ будетъ тотъ, кто въ этомъ всеобщемъ обновленiи не признаетъ той могущественной силы, которая одна лишь возрождаетъ человѣчество.

Однако, исключительно германскому духу нельзя приписывать этого возрожденiя; большую долю влiянiя въ этомъ дѣлѣ нужно удѣлить и церкви; истинной матери новѣйшаго общества. Но та церковь, которой мы обязаны тѣмъ, что мы есть въ настоящее время, то не была императорская церковь, это была преобразованная церковь и, если можно такъ выразиться, германизированная.

Въ самомъ дѣлѣ, германцы, разрушивъ имперiю, очутились среди народа, который не знаетъ ни ихъ языка, ни ихъ идей, ни ихъ нравовъ. Между побѣдителями и побѣжденными существовало только одно связующее начало—религiя. Церковь сблизила и основала соединенiе такъ-называемой цивилизацiи съ тѣмъ, что носило названiе варварства; въ результатѣ же образовались два относительныхъ государства, тогда менѣе, чѣмъ когда-либо раздѣльныя другъ отъ друга.

Эта попечительная роль церкви объясняетъ намъ то влiянiе, которое она имѣла при первыхъ двухъ поколѣнiяхъ и сохранила его еще и въ среднихъ вѣкахъ. Освобожденные паденiемъ имперiи, епископы вдругъ сдѣ-

лались главами обществъ, совѣтниками германскаго короля, хранителями римскаго преданія и столько-же могущественными своимъ просвѣщеніемъ, сколько своимъ священнымъ характеромъ. Все ихъ поддерживало: и любовь побѣжденныхъ, и уваженіе побѣдителей, и современное имъ направленіе идей. Съ первыхъ-же дней вторженія, церковь, завладѣвъ снова своею естественной независимостью, стала слѣдовать той политикѣ, которая предоставляла ей весь міръ; это была римская политика, даже въ томъ же размѣрѣ приложенная къ управленію умами. Прежде всего церковь и не думала болѣе подчиняться земнымъ властямъ, но ей не удалось удержаться на этой позиціи. Побуждаемая общественнымъ мнѣніемъ, Римомъ, она, сдѣлавшись госпожей въ одномъ отношеніи, мечтала подчинить себѣ и свѣтскую власть; это не значило, что она хотѣла царствовать при помощи священниковъ, этому сопротивлялась бы германская или феодальная гордость; все, чего добивались Григорій VII или Иннокентій III, это признанія королей духовными вассалами, послушными сынами церкви, рѣшенія которой признавались бы окончательными.

Отсюда произошло новое понятіе о государствѣ, совершенно отличное отъ римской идеи: міръ раздѣлился между двумя властями, и высшее управленіе человѣческими дѣлами было предоставлено не грубой силѣ, а религіозному авторитету, т. е. нравственной и разумной власти. Хлодовикъ, колѣнопреклоненный передъ святымъ

Реми, Карломанъ, коронуемый папою, воздали долгъ почтенія новому праву. Отнынѣ религія становится внѣ государства и надъ нимъ. Это было первое и величайшее завоеваніе новыхъ временъ, оно освободило насъ отъ божественности императоровъ, этого пятна римскаго народа. Безъ сомнѣнія, церковь и государство часто вступали между собою въ союзъ, жертвой котораго бывала совѣсть, но по крайней мѣрѣ перестали являться такіе государи, которые, въ силу своей верховной власти, присвоивали бы себѣ право управлять вѣрованіями и обязывать извѣстной вѣрой. Не какъ цезарь, а какъ старшій сынъ церкви, Людовикъ XIV преслѣдуетъ протестантовъ: онъ преклонялся предъ Евангеліемъ, поступая противъ него. Тотъ самый законъ, на который онъ опирался, свидѣтельствовалъ противъ него и спасъ наше будущее.

Церковь феодальная, подобно церкви варварской, принялась очень серьезно за управленіе умами, которое вручило ей общественное мнѣніе. Ей нужна была душа новыхъ поколѣній, а государю она оставляла только ихъ тѣло. Вѣра, богослуженіе, нравственность, воспитаніе, литература, искуства, науки, гражданскіе и уголовные законы, все было въ рукахъ церкви. Такимъ-то образомъ средніе вѣка разрѣшили трудный вопросъ о предѣлахъ государства.

Этотъ раздѣлъ между свѣтской властью и церковью, не былъ-ли онъ деспотизмомъ о двухъ головахъ? Нѣтъ,

церковь долгое время была либеральной и, исключая ея отношеній къ ереси, не страшилась свободы. Что, напримѣръ, можетъ быть свободнѣе этого безпокойнаго парижскаго университета, куда стекались со всѣхъ концевъ Европы для того, чтобы затрогивать самые смѣлые вопросы. Правда, что въ то время, когда сомнѣніе было исключительною болѣзнью нѣскольких отважныхъ головъ, въ родѣ несчастнаго Абеляра, эта свобода представляла мало опасности: можно все подвергать разбору, если заранѣе извѣстны рѣшенія, къ которымъ прійдутъ разбирающіе. Но не будемъ несправедливы къ церкви; свобода, которую она предоставляла, была не менѣе той, которой отъ нея требовало общественное мнѣніе, и если разобрать дѣло какъ слѣдуетъ, то оказывается, что во время Джерсона (Gerson) преподаваніе было болѣе смѣлымъ, нежели во время Боссюэта, а университетъ болѣе независимымъ, нежели въ наше время.

Феодализмъ не подавилъ совершенно римскихъ идей. Съ самаго его возникновенія началась глухая реакція противъ злоупотребленій и жестокостей завоеванія, а позднѣе противъ грабительства бароновъ. Въ царствованіе Филиппа Красиваго реакція уже побѣждаетъ, изъ-подъ слоевъ пыли является римское право; при помощи дигестъ и кодексовъ, законники начинаютъ подкапываться подъ феодальныя вольности. Идеалъ этихъ юристовъ—римское государство, единство и равенство, подъ

владычествомъ главы, который признаетъ надъ собой только одну божескую власть. Одна вѣра, одинъ законъ и одинъ государь — вотъ ихъ девизъ; король Франціи, говорятъ они, есть полный властитель въ своей землѣ, и вотъ какъ въ пользу короля они перевели императорское изреченіе, quod principi placuit legis habet vigorem: какъ хочетъ король, такъ хочетъ законъ.

Война противъ феодализма продолжалась въ теченіе трехъ столѣтій. Угнетенный народъ поддерживалъ тѣхъ, кто держалъ его руку, и между тѣмъ, какъ бароны Англіи, для защиты своихъ привилегій, соединились съ цѣлой страной, и изъ народныхъ обычаевъ извлекали всѣ вольности и права, какія содержались въ этихъ обычаяхъ, короли Франціи довольствовались тѣмъ, что давали поддерживавшему ихъ народу только тѣ гражданскія гарантіи, которыя можетъ дать всякая абсолютная власть, нисколько себя тѣмъ не ослабляя. Филиппъ Красивый и его послѣдователи унизили бароновъ и привели въ повиновеніе этихъ подначальныхъ тирановъ; но все это послужило лишь къ тому, что короли стали употреблять на служеніе себѣ *всѣ* силы Франціи, отъ чего выигрывало равенство, но не свобода.

Впрочемъ это длинная исторія, еслибы мы захотѣли прослѣдить безпрерывную борьбу королевской власти съ стариннымъ духомъ независимости. Ловкость, сила, хитрость, оружіе, законы, судъ—все было пуще-

но въ ходъ, чтобы снова завоевать верховную власть, чтобы снова построить зданіе императорства. Подчинить королю замки, города, деревни, согнуть подъ общимъ ярмомъ самыя гордыя головы, подготовить единство законодательства, расширить администрацію, централизировать управленіе — все это было предметомъ упорнаго труда французскихъ королей и ихъ совѣтниковъ. Но вѣдь мѣняются короли, а не традиціи. Карлъ V и Людовикъ XI, Францискъ I и Генрихъ IV, Ришелье и Людовикъ XIV преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: установить единство посредствомъ деспотизма въ государствѣ. Великая идея и безразсудное средство, къ чему они привели Францію? Гуртомъ удивляться дѣлу нашихъ королей, какъ это долгое время дѣлала либеральная школа, значитъ слишкомъ далеко простирать любовь къ единообразію. Нѣтъ, мы довольно дорого заплатили за ошибки абсолютной власти, за то, чтобы намъ было позволено разбирать критически эту политику крайности, которая, уравнивъ все, оказалась безсильной даже поддержать монархію.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы паденіе феодальнаго дворянства могло возбуждать сожалѣніе; бароны защищали только свои привилегіи и не сдѣлали ничего въ пользу національныхъ вольностей. Ихъ погубилъ собственный эгоизмъ. Французское дворянство имѣетъ блестящія воспоминанія: оно было храбро, отличалось рыцарскимъ духомъ, но никогда не имѣло

политическаго, и стекалось въ Версаль, чтобы добиться, какъ особенной почести, лакейства у короля. Разумѣется, подобными стремленіями аристократія держаться не можетъ.

Что касается до духовенства, то оно кажется могло бы играть иную роль и тверже сопротивляться захватываніямъ королевской власти. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, посреди бѣдствій раскола, галликанская церковь полна жизни и силъ: на Базельскомъ и Константскомъ соборахъ вся Европа слушала только французскихъ прелатовъ и ученыхъ; парижскій университетъ считался честью и оплотомъ христіанства. А вѣкъ спустя, не осталось и слѣдовъ этого. Конкордатъ закрѣпилъ рабство церкви, и она снова упала до того положенія, въ какое была поставлена Константиномъ. Государь покровительствуетъ ей и обогащаетъ ее, въ случаѣ нужды онъ даже защищаетъ ее противъ ересей, но въ то же время *онъ* поставляетъ ея служителей и пользуется епископатомъ, какъ средствомъ для управленія. Результатъ подобныхъ неравныхъ союзовъ хорошо извѣстенъ: сила церкви есть сила мнѣнія, эта сила имѣетъ значеніе только при условіи свободы, а отдаться въ руки государства значило тоже, что отречься отъ самого себя, сложить съ себя свое званіе и достоинство.

Царствованіе Людовика XIV было апогеей монархіи. Если кто захочетъ пріискать въ исторіи соотвѣтствующій примѣръ правительства, которое бы походило

на правительство Траяна или Адріана, то ему слѣдуетъ остановиться на царствованіи Людовика XIV. Единство готово, послѣднія сопротивленія исчезаютъ вмѣстѣ съ фрондой, все, что оставалось отъ феодальныхъ или муниципальныхъ вольностей, — все уничтожено: парламента нѣтъ, ереси и расколъ истреблены, покровителемъ религіи, науки и литературы является государь; другими словами, совѣсть и мысль его подданныхъ принадлежатъ ему наравнѣ съ ихъ жизнью и имуществомъ. Дѣло сдѣлано, — государство не имѣетъ болѣе предѣловъ, это римская система въ дни ея процвѣтанія. Вотъ что составляло предметъ благоговѣйнаго изумленія для нашихъ отцовъ, въ особенности Вольтера, который не могъ бы вліять на общественное мнѣніе, еслибы не имѣлъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ качествъ французскаго ума. Давая цѣлому вѣку имя великаго короля, онъ едва примѣчаетъ кое-какія пятнышки въ этомъ солнцѣ, столь блистательномъ на его восходѣ, и такомъ печальномъ при закатѣ его. Вольтеръ не замѣчаетъ, что Августъ, Людовикъ XIV и всѣ эти государи, которые строили зданіе своего величія на развалинахъ свободы, оставляли послѣ себя поколѣнія вялыя, лишенныя всякой энергіи. Они подобны мотамъ, которые расточаютъ сбереженное ихъ отцами, завѣщая своимъ наслѣдникамъ одну лишь нищету.

Величіе короля скрывало дурныя стороны правле-

нія, и Боссюэтъ, этотъ прекрасный геній, съ совершенной искренностью писалъ свою *Политику, основанную на священномъ писаніи*, настоящую апологію деспотизму. Правда, что въ этихъ священныхъ собраніяхъ отрывковъ предлагаются мудрые совѣты правителямъ, но это только совѣты и ничего болѣе. По мнѣнію Боссюэта, смѣшавшаго свободу съ анархіею, подданные не имѣютъ ни одного права, не исключая и собственности, которое бы не было пожалованіемъ власти, слѣдовательно они и не могутъ претендовать ни на какія гарантіи. Съ государемъ дѣлиться нельзя. Короли суть священные предметы, и одному Богу принадлежитъ право наказывать ихъ, если они злоупотребляютъ человѣческимъ стадомъ, которое вручило имъ само небо. Благочестіе, страхъ Божій, вотъ единственный противовѣсъ абсолютной власти; неповиновеніе подданнаго есть преступленіе въ оскорбленіи величествъ божественнаго и человѣческаго. Теорія Москаго епископа есть ничто иное, какъ освященное рабство. Когда за основаніе берутся подобные принципы, то, вопреки своей волѣ, приходятъ къ тому, что рабство находятъ разумнымъ и справедливымъ состояніемъ, и Боссюэтъ ниспустился именно до этого!

Совсѣмъ иначе мыслилъ Фенелонъ. Въ его планахъ правительства, которые де-Ларси (de Larcy) представилъ въ ихъ настоящемъ видѣ, находятся энергическія реформы. Фенелонъ не могъ обнажить личность ментора,

но онъ имѣлъ политическіе взгляды, предчувствіе, что абсолютная монархія не можетъ долго продолжаться. Фенелонъ, не забывшій старинныхъ вольностей народныхъ, не нападаетъ на право государя, но, по его мнѣнію, это право ограничивается древними правами; такимъ образомъ онъ провозглашаетъ муниципальную и провинціальную свободу, а также и созваніе генеральныхъ штатовъ (états généraux). Наконецъ, онъ хочетъ, и въ этомъ онъ сталъ значительно выше уровня своего времени, чтобы церковь была независима, союзна государству, а не подчинена ему. Если бы герцогъ бургундскій остался въ живыхъ и приложилъ бы къ дѣлу совѣты своего наставника, то можетъ быть еще въ началѣ 18-го столѣтія Франція мирно вступила бы на путь свободы.

Между тѣмъ, какъ Людовикъ XIV находился въ упоеніи своего могущества, Англія волновалась посреди революцій, совершавшихся подъ вліяніемъ идей, совсѣмъ отличныхъ отъ французскихъ. Тамъ религіозная реформа повлекла за собой политическое обновленіе, измѣненіе религіи еще разъ привело къ измѣненію государства. Этотъ-то двойной элементъ, духовный и политическій, намъ нужно изучить.

Реформація открываетъ собою новую эру въ исторіи, она несетъ знамя возвращенія къ принципу индивидуализма, знамя протеста противъ абсолютной власти. Что Лютеръ не зналъ куда приведетъ его доктрина, что онъ полагалъ только привести церковь къ

ея первоначальной чистотѣ, что онъ видѣлъ въ Библіи божественную книгу, которая, если съ ней свободно совѣтоваться, даетъ вѣрнымъ, просвѣщеннымъ Святымъ Духомъ, непогрѣшимые и всегда одинаковые отвѣты, все это очень возможно. Лютеръ не первый и не единственный субъектъ, унесенный той самой бурею, которую онъ возбудилъ; но тѣмъ не менѣе, несомнѣнно и то, что виртембергскій монахъ однимъ и тѣмъ же ударомъ ниспровергъ принципъ католическій и монархическій, онъ возвратилъ человѣку послѣднюю его силу, которая до того времени принадлежала церкви и государству. Произвольно или нѣтъ, но онъ разрушилъ рамки древняго общества, и Лейбницъ имѣлъ полное основаніе воздать ему эту великолѣпную похвалу:

> Cui genus humanum sperasse recentibus annis
> Debet, et ingenio liberiore frui.
> (Кому родъ человѣческій обязанъ своими надеждами и въ позднѣйшихъ вѣкахъ, и свободнымъ процвѣтаніемъ разума).

Въ основу реформаціи легла старая германская идея независимости, что не было, впрочемъ, замѣчено какъ слѣдуетъ. Право каждаго слушаться внушеній своей совѣсти, избирать свою вѣру, устраивать свою церковь, вотъ что провозгласили тотчасъ же протестанты. Отъ этого оставался одинъ шагъ къ разбору гражданскаго повиновенія и установленію въ государствѣ той-же свободы, какая царствовала въ церкви; этотъ шагъ легко было сдѣлать. Что это движеніе было пробужденіемъ

германскаго духа, видно также изъ того, что реформація покорила себѣ только народы германской или готической расы. Принятая безъ всякаго сопротивленія въ скандинавскихъ земляхъ, торжествующая въ Англіи, Голландіи и сѣверной Германіи, реформація не удалась въ Польшѣ и у народовъ съ латинскимъ языкомъ. Въ самой Германіи она не имѣла успѣха на берегахъ Рейна и Дуная, гдѣ основу народонаселенія составляли, колонизированныя римлянами, древнія кельтическія племена, еще и теперь легко узнаваемыя подъ германской оболочкой. Я не довожу до нелѣпой крайности значеніе вліянія расы, я не претендую на то, что одна кровь какого нибудь народа рѣшаетъ вопросъ о принятіи имъ той или другой религіи; протестанты были и во Франціи, и въ Италіи, и въ Испаніи; я только утверждаю, опираясь на исторію, что тамъ, гдѣ протестантизмъ находилъ старинную германскую закваску, онъ становился властелиномъ душъ и увлекалъ за собою все.

Реформація безпокоила государей, она произвела революцію, подобную той, какую впервые христіанство произвело въ Римской Имперіи. Основанная на тѣсномъ союзѣ церкви и государства, политическая организація трещала со всѣхъ сторонъ, совѣсть и мысль вырывались изъ рукъ властителей. Эти возмутившіяся рабыни снова завоевали себѣ не только свободу, но и господство. Однако, противная сторона вовсе не желала уступить этому стра-

шному для нихъ духу, пытались утопить эти новшества въ крови мучениковъ, но преслѣдованіе вызывало возмущенія и войны. Эти внутреннія войны и эта братоубійственная борьба, истощившія Европу, привели къ тому знаменательному факту, что, послѣ остервенѣнія битвы, оба вѣроисповѣданія, безсильныя покорить или поддаться одно другому, были наконецъ вынуждены къ взаимному умѣренію и уступкамъ. Во Франціи, какъ и въ Германіи, пришлось терпѣть, чтобы меньшинство сохраняло свою религію, другими словами государство вынуждено было отступить предъ совѣстью, а численная сила должна была уважать право. Религіозная свобода — это душа новыхъ обществъ, корень всякой другой свободы. Духъ человѣческій нельзя разсѣчь на двѣ части: если индивидуумъ имѣетъ право вѣровать, то онъ имѣетъ право и мыслить, говорить, дѣйствовать; подданные не принадлежатъ болѣе государю, государство существуетъ не для *него*, а для *нихъ*. Это предчувствовалъ Людовикъ XIV, и его деспотическій инстинктъ почти не ошибся въ этомъ. Протестантизмъ былъ отрицаніемъ божественнаго права государей, изобличеніемъ во лжи традиціонной политики монархіи. Уничтожая реформатовъ, думали навсегда обезпечить единство, но позади протестантовъ встрѣтили янсенистовъ, а когда сломали Port-Royal, то очутились лицомъ къ лицу съ философами. Мысль была свободна и насмѣхалась надъ великимъ королемъ.

Въ Англіи реформація имѣла два различныхъ значенія: для дворянства и духовенства она была только разрывомъ съ Римомъ, церковь же все-таки оставалась тѣсно соединенной съ государствомъ; для буржуазіи и вообще народа она была столько же политическимъ, сколько и религіознымъ освобожденіемъ. Народной вѣрой былъ кальвинизмъ, который находился въ полномъ разрывѣ съ государствомъ, изъ каждой общины вѣрныхъ дѣлавшій республику, управлявшуюся сама собой, и въ которой каждый могъ *пророчествовать*, т. е. говорить о всемъ. Преслѣдуемый королевской властью, пуританизмъ восторжествовалъ вмѣстѣ съ Кромвелемъ. И хотя этотъ политическій тріумфъ продолжался недолго, но республиканскій зародышъ остался въ англійскомъ обществѣ, перенесенный же на плантацію новаго свѣта, онъ выростилъ Соединенные Штаты.

Если первая революція была кальвинической и демократической, то вторая, революція 1688 года, была англиканской и консервативной. Политическая реформа, подобно религіозной, произошла безъ всякихъ особенныхъ затрудненій: былъ низвергнутъ король, но не королевская власть; снова было возстановлено народное преданіе, попранное Карломъ II и преслѣдуемое его братомъ, это было преданіе свободы. Когда читаешь исторію Генриха VIII или величавой Елизаветы, то не видишь, чтобъ Англія была менѣе угнетена, нежели континентальныя государства. Идеи того времени

и необходимость сопротивленія противъ испанской монархіи сосредоточили власть въ однихъ рукахъ, но подъ этимъ деспотизмомъ, принятымъ какъ оплотъ національной независимости и величія, сохранился старый саксонскій духъ. Римскіе законы и идеи никогда не проникали въ Англію; ея свобода была скрыта, но не уничтожена. Общинная независимость, уголовные и гражданскіе суды присяжныхъ, парламентъ, вотированіе налоговъ не суть завоеванія для англичанъ и не имѣютъ у нихъ своей хронологіи, ихъ установили обычное право (common law); другими словами, это обычаи, принесенные саксонцами въ Великобританію, обычаи, которыхъ развитіе иногда замедлялось, но которые никогда не переставали жить. Этимъ объясняется, почему Англія, въ 1688 г., придя въ самообладаніе, могла устроить у себя безъ особенныхъ потрясеній свободное правленіе, поставившее ее во главѣ цивилизаціи.

Революція 1688 года имѣла своего политика, Локка. Когда читаешь *Трактатъ о гражданскомъ правительствѣ*, нужно нѣкоторое усиліе для того, чтобы вообразить себѣ, что авторъ этого сочиненія былъ современникомъ Боссюэта. Локкъ мыслитъ и пишетъ, какъ французскіе философы второй половины восемнадцатаго столѣтія, но онъ имѣетъ сверхъ того здравый разсудокъ и умѣренность, два качества, которыхъ вообще не достаетъ нашимъ теоретикамъ. По мнѣнію Локка, гражданское общество есть ничто иное какъ

договоръ, посредствомъ котораго каждый человѣкъ добровольно лишаетъ себя части своей естественной независимости для того, чтобъ имѣть возможность мирно наслаждаться, въ качествѣ гражданина, той свободой, которую онъ сохраняетъ. Слѣдовательно, государство не есть все. Оно установлено съ извѣстной цѣлью, которая состоитъ въ охраненіи собственностей, т. е. того, чѣмъ каждый у себя владѣетъ: жизни, свободы, имущества. Эти предметы не суть пожалованія власти, они принадлежатъ намъ въ силу нашей человѣчности, это естественныя права, отъ которыхъ нельзя отказываться. Если государь силой отнимаетъ эти права, то онъ нарушаетъ тотъ договоръ, изъ котораго онъ черпаетъ свою силу, подданные освобождаются отъ обязанности повиновенія, и возмущеніе есть ultima ratio народовъ, которыхъ тиранія лишаетъ ихъ правъ. Здѣсь не мѣсто разбирать эту систему, имѣющую свои слабыя стороны, но чего нельзя оспаривать у Локка, такъ это заслуги открытаго провозглашенія той истины, что общественная власть имѣетъ границы, и что изъ того, что государство есть верховный властитель, нисколько не слѣдуетъ, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть абсолютнымъ.

Англійскія идеи оказывали значительное вліяніе на Францію въ послѣднемъ столѣтіи; двое величайшихъ публицистовъ, Вольтеръ и Монтескье, заимствовали у Локка, или перенесли изъ Англіи свои самые смѣлые

взгляды. Въ одно и тоже время во Францію пришли изъ Англіи и политическое и религіозное сомнѣнія; а реформы всегда вѣдь начинаются сомнѣніемъ, самая перемѣна въ дѣлахъ человѣческихъ есть ничто иное, какъ вещественный переводъ перемѣны въ идеяхъ.

Вольтеръ защищалъ двѣ великія вещи: терпимость и гуманность. Если протестанты возвращены въ великую народную семью, если пытки и казни изгнаны изъ французскихъ законовъ, то этимъ мы обязаны защитнику Сирвена, де ла-Барра и Каласа, и этотъ титулъ защитника всегда будетъ имѣть значеніе для потомства. Но эти уголовныя реформы, которыя Вольтеръ провозглашалъ съ такою страстью и умомъ, были новымъ завоеваніемъ у абсолютнаго права государя, новымъ усиліемъ заставить гражданскую власть войдти въ тѣ предѣлы, которыхъ она не должна переступать. Лютеръ похитилъ у государства человѣческую совѣсть, Вольтеръ вырвалъ изъ его рукъ тѣло гражданина. Это была не малая побѣда. Уголовные законы всегда стоятъ въ тѣсной связи съ государственнымъ устройствомъ. Въ Римѣ, во времена республики, они были мягкими и покровительственными; во времена же имперіи они становятся жестокими и кровавыми. Въ свободной странѣ обвиняемый считается невиннымъ до произнесенія судебнаго рѣшенія, въ странѣ же деспотической обвиняемый считается виновнымъ съ той минуты, когда его захватываетъ полиція; вниманіе, котораго за-

служиваетъ несчастный, священныя права защиты,—все исчезаетъ предъ государственнымъ интересомъ. Смягчить уголовные законы, сдѣлать гласнымъ судопроизводство, привлечь судей къ покровительству обвиняемаго, вотъ одно изъ самыхъ святыхъ дѣлъ, которымъ можетъ задаться другъ человѣчества, потому что истинное величіе цивилизаціи измѣряется степенью уваженія къ личности.

Монтескье провелъ всего два года въ Англіи, а онъ возвратился сильно потрясенный тѣмъ, что видалъ тамъ; такъ и чувствуется, что писавши *Духъ Законовъ*, онъ постоянно имѣлъ предъ глазами англійскую конституцію. Дѣйствительно для француза 18-го столѣтія, когда на правительство обращали вниманіе только для того, чтобы воспѣвать его, весьма странное зрѣлище представляла страна, гдѣ *кровельщикъ приказывалъ принести къ себѣ на крышу газету, чтобы тамъ читать ее* [1]. Страницы, на которыхъ Монтескье описываетъ функціи общественныхъ властей въ Англіи, суть самыя вѣрныя и глубокія; одинъ изъ лучшихъ англійскихъ правовѣдовъ, Блэкстонъ, объясняя англичанамъ ихъ собственное правленіе, постоянно цитируетъ Монтескье. Въ *Духѣ Законовъ* есть много мѣстъ, которыя не менѣе важны, какъ и *Конституція Англіи*, но это послѣднее сочиненіе, вскорѣ развитое и приведенное въ си-

---

[1]) Монтескье: Замѣтки объ Англіи.

стему Делольмомъ (Delolme), имѣло болѣе блистательную судьбу: оно очень часто оказывало видимое вліяніе на политическую судьбу Франціи. Быть можетъ это вліяніе имѣло нѣкоторыя неудобства, но я спѣшу сказать, что Монтескье не былъ тому виною.

При изученіи *Духа Законовъ* видно, что авторъ представляетъ себѣ политику въ формѣ самой сложной задачи, гдѣ онъ послѣдовательно отыскиваетъ всѣ ея данныя. „Законы, говоритъ Монтескье [1]), должны соотвѣтствовать физической природѣ страны, ея климату..., качеству почвы, ея мѣстоположенію, величинѣ, образу жизни народа; они должны соотвѣтствовать той степени свободы, какую допускаетъ государственное устройство, соотвѣтствовать религіи жителей, ихъ наклонностямъ, богатству, численности, ихъ торговлѣ, нравамъ и обычаямъ. Наконецъ, они имѣютъ отношеніе между собой, по ихъ происхожденію, къ цѣли законодателя, къ тому порядку вещей, на которомъ она устанавливается. Ихъ нужно разбирать со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія. Это я и хочу сдѣлать въ настоящемъ сочиненіи. Я разберу всѣ эти отношенія; ихъ совокупность составляетъ то, что называется *Духомъ Законовъ*.“

Ничего не можетъ быть яснѣе этого объясненія, но современники Монтескье не имѣли такого широкаго пониманія. Ослѣпленные внѣшнимъ видомъ британской

[1]) Духъ Законовъ, кн. I, гл. III.

конституціи, прельщенные чудеснымъ механизмомъ, котораго секретъ и ходъ имъ объясняли, въ особенности же торопившіеся начать дѣйствовать, они оставили въ сторонѣ всѣ эти личныя и мѣстныя права, которыя составляютъ существо англійскихъ учрежденій. Они думали, что достаточно заимствовать у Англіи ея политическую организацію, для того чтобы позаимствоваться ея геніемъ и тотчасъ же распространить свободу по всему материку. Это была ошибка самыхъ мудрыхъ конституціонистовъ, это было обманчивой мечтой автора хартіи, а позднѣе партіи либераловъ. Всѣ слѣдовали Монтескье, и они хорошо дѣлали, но нужно было слѣдовать ему уже до конца, а не принимать фасада за цѣлое зданіе.

На ряду съ англійской школой, представителями которой были Вольтеръ, Монтескье и Делольмъ, существовала французская школа, которая съ другой стороны нападала на деспотизмъ государства, это школа физіократовъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы Кенэ (Quesnay) и Тюрго относились враждебно къ властямъ, напротивъ, отъ одного государя они ожидали реформы, искорененія злоупотребленій и лучшаго управленія обществомъ; но въ одномъ весьма важномъ пунктѣ они нападали на всемогущество государства. Они желали свободы земледѣлія и торговли, вмѣстѣ съ реформой въ налогахъ. Ихъ девизъ, надъ которымъ такъ часто издѣвались, (а это гораздо легче, чѣмъ понимать), былъ

слѣдующій: laissez faire, laissez passer; въ приложеніи къ народному труду этотъ девизъ отличается большой справедливостью. Кенэ не оспариваетъ у государства ни внѣшней защиты страны, ни поддержки порядка и безопасности внутри ея. Онъ не торгуется съ властью за ея преимущества, какъ это дѣлаетъ школа Адама Смита, но во всемъ, что касается промышленности, онъ не довѣряетъ администраціи, и совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Почти всегда она только стѣсняетъ, и даже тамъ, гдѣ она думаетъ покровительствовать, она разрушаетъ лишь. Въ доказательство я могу привести любопытный примѣръ изъ исторіи старой Франціи. Всѣмъ извѣстно, что въ царствованіе Людовика XV Пармантье популяризировалъ воздѣлываніе картофеля; жертвамъ и усиліямъ этого превосходнаго человѣка мы обязаны драгоцѣннымъ средствомъ противъ голода. Но картофель былъ привезенъ въ Европу въ концѣ 16-го столѣтія, — какимъ же образомъ случилось, что нужно было протечь двумъ вѣкамъ, прежде чѣмъ была замѣчена его полезность? За Францію легко отвѣтить: тогдашніе врачи говорили, что первое появленіе картофеля произвело проказу, а въ семнадцатомъ вѣкѣ онъ произвелъ лихорадку. Всегда просвѣщенная администрація придерживалась мнѣнія врачей и, вслѣдствіе этого, она не переставала охранять общественное здоровье противъ химерической опас-

ности до самаго 1771 года, когда объявленіе факультета разувѣрило наконецъ умы въ этой опасности. Мы считаемъ себя болѣе разумными, а давно ли одинъ знаменитый маршалъ объявилъ, что для земледѣлія Франціи было бы менѣе бѣдственно вторженіе казаковъ, чѣмъ нашествіе иностранныхъ барановъ. Между тѣмъ, не смотря на эту угрозу, непродолжительный опытъ показалъ наиболѣе слѣпымъ людямъ, что Франція можетъ безъ возмущенія и разрушенія выносить хоть одинъ родъ свободы—свободу мясной торговли.

Какова бы ни была ихъ любовь къ власти, тѣмъ не менѣе, Кенэ и его ученики потребовали отъ нея чрезвычайно плодотворной свободы, которая влекла за собой и всѣ другіе виды ея. Если желаютъ употребить съ пользой трудъ и богатство, то развѣ не нужны гарантіи противъ чрезмѣрныхъ издержекъ государства, безумныхъ войнъ или мира? Какія же это гарантіи, какъ не политическая свобода? Реформы Тюрго, провинціальныя собранія Неккера были первой попыткой освобожденія, которую революція подавила въ самомъ ея цвѣтѣ, но забыть которую было бы несправедливо. Нужно прочесть протоколы этихъ собраній, чтобы видѣть, съ какимъ жаромъ духовенство, дворянство и среднее сословіе занимались улучшеніемъ народнаго быта: уничтоженіе барщины, нищенства, улучшеніе дорогъ, каналовъ, народнаго образованія, всѣ эти вопросы были

рѣшены съ удивительной щедротой. Говорятъ, что Франція не умѣетъ пользоваться своей свободой; правда, она часто оставалась равнодушной къ своимъ привилегированнымъ избранникамъ, которые почти не приносили ей пользы, но всегда, когда поручали провинціи, департаменту или общинѣ попеченіе о ихъ собственныхъ дѣлахъ, я не вижу, чтобы страна показывалась равнодушной и неспособной. Тюрго и Неккеръ хорошо понимали французовъ, кладя въ основу своего зданія свободу. Вездѣ и во всемъ она играетъ главную роль.

И такъ, наканунѣ 1789 года, во Франціи были просвѣщенные люди, ученики Вольтера, Монтескье и Тюрго, которые, отправляясь отъ разныхъ точекъ, сходились въ томъ, что всѣ они одинаково сознавали необходимость ограничить деспотизмъ государства. Но, къ несчастью, на ряду съ этой либеральной школой, возрастала красная партія, которая смѣшивала свободу съ народной властью, и готова была принести въ жертву верховной власти народа всѣ права: эта партія, которой суждено было восторжествовать, примыкала къ Руссо.

Когда съ спокойной головой читаешь *Общественный Договоръ*, или грезы честнаго Мабли, которыя выходили изъ одного источника съ *Общественнымъ Договоромъ*, то поневолѣ спрашиваешь себя, какимъ это образомъ новые люди допустили себѣ увлечься этимъ подражаніемъ древности, этими прозрачными софизмами;

между тѣмъ замѣтно, что доктрина Руссо, несмотря на всю ея ложность, нисколько не утратила своего вліянія. Она находится въ основѣ всѣхъ французскихъ революцій, это все та же языческая теорія: свобода—господство народа, право—это воля его.

Послушаемъ, что говоритъ Руссо. По его мнѣнію, задача политики состоитъ въ томъ, „чтобы найдти такую форму ассоціаціи, которая бы всей совокупной силой своей защищала и покровительствовала личность и имущество каждаго ея члена, въ которой бы *каждый, соединяясь со всѣми, долженъ повиноваться, тѣмъ не менѣе, только самому себѣ*, и оставаться на столько же свободнымъ, сколько былъ имъ прежде.“ Чтобы придти къ рѣшенію задачи, которая была не совсѣмъ легка, Руссо видѣлъ только одно средство: это полнѣйшее отчужденіе каждаго члена ассоціаціи, отреченіе отъ своей личности и своихъ правъ въ пользу общины. Но это отчужденіе равносильно гражданской смерти или, по крайней мѣрѣ, вступленію въ монастырь; по мнѣнію же Руссо оно не опасно по двумъ причинамъ: 1) „каждый покоряется вполнѣ, слѣдовательно положеніе становится равнымъ для всѣхъ, никто не имѣетъ никакого интереса дѣлать его тяжелымъ для другихъ; 2) каждый, покоряясь всѣмъ, никому не покоряется, и такъ какъ надъ каждымъ членомъ пріобрѣтается тоже право, какое ему уступается надъ собой, то выигрывается тоже, что теряется, а въ добавокъ еще пріо-

брѣтается сила сохранить то, что имѣешь.“ Уступить общинѣ нашу душу, нашу свободу, наши имущества, чтобы взамѣнъ получить сознаніе, что наши сограждане дѣлаютъ тоже — это, на первый взглядъ, торгъ, въ которомъ никто не выигрываетъ; каждый жертвуетъ собой на пользу отвлеченнаго существа, которое называется верховною властью или государствомъ.

Но верховная власть, говоритъ Руссо, это весь міръ. Съ этимъ я не согласенъ, здѣсь смѣшеніе словъ и идей. Когда дѣло доходитъ до практики, когда назначаютъ судей и начальниковъ, то оказывается, что народъ, отправляющій власть, и народъ, надъ которымъ отправляютъ эту власть,—не одинъ и тотъ же народъ; правительство *Общественнаго Договора*, вмѣсто того, чтобы быть правительствомъ каждаго надъ самимъ собой, какъ это думаетъ Руссо, есть въ теоріи правительство всѣхъ надъ каждымъ, на практикѣ это царство большинства, а чаще всего — смѣлаго и наглаго меньшинства. Республика свободна, но ея граждане рабы.

Въ доказательство можетъ быть приведена дѣятельность Конвента.

Что эта тиранія грозна въ его системѣ, это чувствуетъ и самъ Руссо, нашедшій только одно лекарство противъ нея. Оно заключается въ томъ, чтобы верховная власть, т. е. народъ, была всегда занята общественными дѣлами. И вотъ мы снова пришли къ agora и forum. Но для того, чтобъ общество могло прово-

дить все свое время въ слушаніи ораторовъ, производствѣ выборовъ, произнесеніи сужденій, нужно чтобы были низшіе классы, которые бы работали на него, а рабство первое условіе такой политической свободы. Впрочемъ это возраженіе не устрашаетъ Руссо. „Какъ! свобода не можетъ иначе поддерживаться, какъ опираясь на рабство? Можетъ быть. Крайности сходятся. Все, что неестественно, имѣетъ свои неудобства, и гражданское общество болѣе, чѣмъ все остальное. Есть такія несчастныя положенія, въ которыхъ нельзя иначе сохранить свою свободу, какъ насчетъ другихъ, гдѣ гражданинъ можетъ быть совершенно свободнымъ, если рабъ будетъ совершеннымъ рабомъ. Таково было положеніе Спарты. Что касается до васъ, новые народы, вы не имѣете рабовъ, но вы сами рабы, вы платите ихъ свободой за вашу. Вы находите прекраснымъ это преимущество, а я нахожу въ немъ болѣе подлости, чѣмъ человѣчности."

Пускай бы одинъ Руссо забавлялся подобными софизмами, это меня не удивило бы; но когда весь вѣкъ, и притомъ вѣкъ просвѣщенія, принималъ ихъ за нѣчто серьезное, то это должно внушать намъ большую скромность, и я вполнѣ понимаю восклицаніе одного разумнаго человѣка: „О здравый смыслъ, тебя обожаютъ по выходѣ изъ революцій!"

Допустимъ, что система *Общественнаго Договора* возможна. Всѣ граждане занимаются подачей голосовъ и общественными дѣлами, большинство рѣшаетъ дѣла;

какія же гарантіи имѣютъ меньшинство и отдѣльныя личности? Никакихъ. Новый парадоксъ Руссо, имѣвшій большой успѣхъ, поучаетъ насъ, что верховная власть непогрѣшима, народъ всегда правъ. „Верховная власть, будучи образуема не изъ чего другаго, какъ изъ тѣхъ же частныхъ людей, которые ее составляютъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть интересовъ, имъ противныхъ. Могущество верховной власти не имѣетъ слѣдовательно никакой нужды въ ручательствѣ по отношенію къ подданнымъ, потому что невозможно допустить, чтобы тѣло возымѣло желаніе вредить всѣмъ своимъ членамъ... Верховная власть уже потому одному, что она есть, есть всегда то, чѣмъ она должна быть.“ Неронъ и Конвентъ никогда не говорили ничего другаго. Они представляли народъ, а народъ могъ все.

Но то, на что римскій императоръ, т. е. смертный богъ, осмѣливался претендовать, того христіанская власть не можетъ дѣлать. Религія не принадлежитъ цезарю, совѣсть находится внѣ государства. Руссо понималъ это; въ подражаніе римлянамъ онъ устанавливаетъ политическую религію и дѣлаетъ верховнаго властителя великимъ первосвященникомъ общества. „Есть чисто гражданскій символъ вѣры, право начертанія членовъ котораго принадлежитъ верховному властителю; эти члены не суть точно религіозные догматы, но какъ бы выраженія чувства общительности, безъ которыхъ невозможно быть ни добрымъ гражданиномъ, ни вѣрно-

подданнымъ. Не имѣя власти никого обязывать къ исповѣданію ихъ, верховный властитель можетъ удалить изъ государства того, кто не будетъ вѣровать въ нихъ; онъ можетъ удалять ихъ не какъ нечестивыхъ, но какъ необходительныхъ, нелюдимовъ, какъ неспособныхъ искренно любить законы и справедливость, и жертвовать, въ случаѣ нужды, своею жизнью ради долга. Если кто-либо, послѣ публичнаго признанія имъ этихъ догматовъ, будетъ вести себя подобно невѣрующему въ нихъ, то онъ долженъ быть наказанъ смертью; онъ совершилъ величайшее изъ преступленій: онъ солгалъ передъ закономъ.“ Теперь видно, откуда Робеспьеръ взялъ свое всевышнее существо: въ религіи, какъ и въ политикѣ, онъ зналъ только *Общественный Договоръ*; онъ и Сенъ-Жюстъ— это два фанатическихъ апостола Руссо, оба, при помощи гильотины, проповѣдуютъ Евангеліе, которое вовсе не исходитъ отъ свободы.

Печально сознаться: въ конституціонномъ Собраніи, состоявшемъ изъ людей талантливыхъ, благородныхъ— вліяніе Руссо восторжествовало. Это Собраніе ограничило исполнительную власть, предоставила народу право избранія административныхъ лицъ и судей, оно даже серьозно изыскивало мѣры къ организаціи свободныхъ учрежденій; но всѣ эти мѣры, хороши онѣ или дурны, были насквозь проникнуты господствовавшимъ надъ всѣмъ принципомъ,—всемогуществомъ Собранія. Какъ органъ народа, оно приписывало себѣ право дѣлать все, и пре-

образовало церковь, также какъ и монархію. Для конституціонистовъ, какъ и для Руссо, свобода не болѣе какъ верховная власть народа: дайте каждому гражданину бюллетень, въ которомъ его повѣренными все уже порѣшено, и дѣло сдѣлано. Это заблужденіе Собранія было также заблужденіемъ патріотовъ III года и многихъ другихъ. Еслибы свобода заключалась только въ конституціи, то Европа давно уже мирно наслаждалась бы этимъ благомъ, которое она постоянно преслѣдуетъ и которое постоянно ускользаетъ отъ нея.

Консульство было реставраціей, какъ справедливо замѣтила г-жа Сталь. Бонапартъ принялъ наслѣдіе монархіи и возобновилъ преданія людей и самыя вещи. Онъ не касался того незначительнаго остатка привилегій, уничтоженіе которыхъ такъ нравилось Ришельё, но онъ довершилъ дѣло королей, приведя все къ самой сильной и правильной централизаціи. Энергическая администрація, полнѣйшее равенство и никакой свободы, вотъ управленіе, возстановленное первымъ консуломъ. Это второй Людовикъ XIV, съ бо̀льшимъ геніемъ и меньшей разборчивостью. Также ревнивый къ своей власти, какъ и великій король, онъ вновь захватилъ въ свои руки католическую церковь въ тотъ самый моментъ, какъ она съ признательностью принимала полученную свободу; онъ возобновилъ старое устройство университета, возстановилъ цензуру, ему также, какъ и руки французовъ, нужна была и душа ихъ.

Реставрація была возвращеніемъ лишь королевской фамиліи, но не старинной королевской власти. Хартія была выраженіемъ идей Монтескье, а не принциповъ старой монархіи, чтобы тамъ ни говорилось въ предисловіи къ этой хартіи, написанномъ съ тою цѣлью, чтобы сохранить благопристойность и популяризировать идею наслѣдственнаго права на престолъ. Людовикъ XVIII помнитъ разсужденія графа Прованскаго, и изгнаніе принесло ему пользу. Къ несчастью, Реставрація, пришедшая вслѣдъ за иностранцами и компрометировавшая себя злобой эмигрантовъ, имѣла прошедшее, которое погубило ее. Чтобы примирить съ ней Францію нуженъ былъ благоразумный и твердый геній, новый Генрихъ IV, а судьба, какъ нарочно, дала Франціи Карла X, одного изъ тѣхъ честныхъ, но узкихъ умовъ, которые кажется созданы для того только, чтобы губить имперіи.

Тѣмъ не менѣе, во время Реставраціи, Франція вошла во вкусъ свободы, но опять таки одной свободы политической. На трибунѣ происходили схватки, создавали и передѣлывали избирательные законы, но администрація не ослабѣвала. Государство, состоявшее изъ короля и палатъ, было по прежнему абсолютнымъ, все это не дало тѣхъ частныхъ правъ, которыя переходя въ нравы, дѣлали бы ненужными революцію.

Событія 1830 года предоставили власть тѣмъ, которые въ послѣднее царствованіе сражались за свободу

выборовъ, трибуны, печати, а вмѣстѣ съ ними и тѣмъ патріотическимъ писателямъ, которые защищали славу арміи противъ ненависти и клеветы эмиграціи. Дѣло, которое они затѣяли и которое имъ не удалось, было трудно: не одобряемые духовенствомъ, атакуемые партіей легитимистовъ, имѣя за себя только непостоянную благосклонность среднихъ классовъ, посреди мятежей и преслѣдуемые прессой, — вотъ при какихъ условіяхъ пришлось имъ основывать свободу.

Я не хочу осуждать это восемнадцатилѣтнее царствованіе, такъ печально окончившееся. Критика живыхъ дѣятелей трудна, и я не имѣю желанія нападать на побѣжденныхъ. Сверхъ того, еслибъ я не служилъ этому правительству, я любилъ бы его, я раздѣлялъ бы иллюзіи всей Франціи въ отношеніи его, я сожалѣю наконецъ о тѣхъ благородныхъ учрежденіяхъ, которыя пали вмѣстѣ съ нимъ. Но да позволено мнѣ будетъ показать ошибку, которая воспрепятствовала свободѣ укорениться въ нашей душѣ, ошибку, виной которой былъ не одинъ какой нибудь министръ, а цѣлая Франція. То, что насъ погубило—это опять все тоже ложное понятіе о государствѣ, мы опять смѣшали избирательную и парламентскую верховную власть съ свободой.

Въ первое время появились у насъ и трибуна, и пресса, гдѣ можно было все говорить. Безспорно, это великія гарантіи, но нужно чтобы при этомъ существо-

вало нѣчто, чему эти гарантіи были бы дѣйствительно гарантіями, чтобы за оградой этого нѣчто находились солдаты, заинтересованные въ его защитѣ. Съ трибуной и прессой страна конечно свободна, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ эта страна вошла во вкусъ ея учрежденій. Чтобы привязать гражданъ къ ихъ политическимъ привилегіямъ, нужно заранѣе пріучить ихъ къ общественной жизни, связывая ихъ съ дѣлами общины, департамента, церкви, общественной благотворительности и школы. Нужно дать имъ пользоваться всѣми этими частными правами, которыя въ нынѣшнемъ обществѣ касаются насъ болѣе, чѣмъ безконечно-малая доля участія въ верховной власти, но, къ несчастію, въ этомъ отношеніи не все было сдѣлано, что слѣдовало бы сдѣлать. Были даны нѣкоторыя муниципальныя льготы, но въ тоже время такъ стянули эту сѣть администраціи, что она стѣсняетъ и утомляетъ Францію.

Покровительственная система, поддерживаемая вліяніемъ большихъ промышленниковъ, была едва тронута; воспитаніе было широко распространено, но опять таки рукою государства, не допускавшаго свободы преподаванія. Давая католической церкви независимость, которой она пользуется въ Бельгіи, ее обезоружили и овладѣли ею, сохранили законодательство, которое не осмѣливались болѣе прилагать, раздражили духовенство и уступили ему. Право ассоціаціи, великій двигатель

Англіи, было устранено; печать, отягощенная различными формальностями, и вслѣдствіе этого сосредоточившаяся въ небольшомъ числѣ журналовъ, считалась опасной, хотя было легко, разсѣевая ее, сдѣлать ее безвредной, если не сдѣлать даже изъ нея подпору себѣ. Въ суммѣ получалась неизбѣжная императорская администрація, правда, одушевленная либеральнымъ духомъ и умѣряемая гласностью, но если первобытный порокъ былъ только закрашенъ, то онъ вѣдь не былъ вылеченъ. Не такимъ путемъ нужно вести народъ къ свободѣ.

Но, скажутъ намъ, общественное мнѣніе бо́льшаго и не требовало: на трибунѣ и въ прессѣ болѣе ссорились за власть, чѣмъ думали объ ея ограниченіи; свободы преподаванія требовала одна партія, желавшая воспользоваться этой свободой для своихъ собственныхъ выгодъ; ассоціація только привела къ образованію вредныхъ сектъ, которыя угрожали государству, семейству и собственности; пресса, безъ представленія поручительныхъ залоговъ и штемпельнаго налога, становилась необузданной... Всѣ эти виды были правдоподобны, и я понимаю, почему имъ уступили; я согласенъ даже и съ тѣмъ, что министрамъ, безпрестанно угрожаемымъ съ трибуны и не увѣреннымъ сегодня въ томъ, что завтра они будутъ министрами, чрезвычайно трудно было подготовлять необходимѣйшія реформы. Но не менѣе вѣрно и то, что въ Бельгіи, посреди такихъ же затрудне-

ній, и въ такой же промежутокъ времени, съумѣли организовать свободу, тогда какъ во Франціи дѣло ограничилось битвами на трибунѣ, правда — великолѣпными, но, тѣмъ не менѣе, безплодными. Это краснорѣчіе, а не политика, что хотя и успѣли замѣтить, но слишкомъ поздно, когда уже были на краю пропасти. Страна, которой опротивѣли всѣ эти споры, не принесшіе ей никакой пользы, сдѣлалась равнодушной къ своимъ судьбамъ: достаточно было одного возмущенія, чтобы низвергнуть правительство, которое искренно любило Францію и доставляло ей въ теченіе восемнадцати лѣтъ благосостояніе и свободу.

Революція 1848 года показала на сколько наше поколѣніе чуждо свободнымъ идеямъ. Въ продолженіе Реставраціи были защищаемы истинные принципы; въ это время Бенжамэнъ Констанъ, г-жа де Сталь, Ж. Б. Сэй и его школа, тоже имѣли чувство свободы: императорское правительство открыло имъ глаза. Въ 1848 году, послѣ тридцати трехъ лѣтняго конституціоннаго правленія, попятились назадъ къ самымъ роковымъ заблужденіямъ первой революціи. Такъ-называемые передовые публицисты провозглашали, что человѣкъ созданъ для общества, а не общество для него, это значило возвращаться къ Общественному Договору и тираніи Конвента; утописты уничтожали семейство и предполагали обратить въ казармы всю Францію въ одной своей мастерской; законодатели насквозь пропи-

танные предразсудками и ревновавшіе къ 1789 году, не изобрѣли ничего лучшаго для утвержденія царства демократіи, какъ уничтожить исполнительную власть, какъ будто энергическая власть не была-бы первой гарантіей свободы.

Результаты такой политики можно заранѣе предсказать, впрочемъ они написаны на всѣхъ страницахъ исторіи: народъ прибѣгаетъ къ верховной власти, чтобъ освободиться отъ анархіи. Послѣ возмущеній, гражданской войны, угрозъ и ужасовъ прессы, страшились одного имени свободы, хотя свобода не имѣла ровно ничего общаго со всѣми этими неразумными крайностями. Франція, жившая своимъ трудомъ, была утомлена наконецъ этими безпорядками и требовала, во чтобы-то ни стало, отдыха и мира.

Исторія Франціи 1848 года есть исторія Германіи, Испаніи, Италіи, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ свобода не успѣла еще укорениться въ нравахъ и обычаяхъ народа. Между тѣмъ, какъ Англія, Голландія и Бельгія, гордыя своими учрежденіями, взирали безъ всякаго безпокойства на гремѣвшую вокругъ нихъ бурю, вездѣ, въ другихъ частяхъ континента, провозглашали верховную власть народа и разбирали невыполнимыя учрежденія; впрочемъ, все это продолжалось не долѣе одного дня. Мартовскія завоеванія 48 года, какъ ихъ называютъ въ Германіи, исчезали также быстро, какъ быстро были совершены, и

никто не поднялся на ихъ защиту. Между тѣмъ, не все было химерическимъ въ этихъ стремленіяхъ къ политическому перерожденію, и не нужно было слишкомъ большой опытности для того, чтобы предвидѣть, что послѣ десяти лѣтъ молчанія и забытья, тѣже самыя задачи явятся какъ бы изъ земли и снова станутъ волновать умы. Идеи не умираютъ, пораженіе только очищаетъ ихъ; народы, подобно отдѣльнымъ людямъ, когда любятъ что нибудь, болѣе привязываются своими страданіями, чѣмъ успѣхами.

Такъ происходитъ во всей Европѣ: при новыхъ желаніяхъ пробуждаются старыя надежды. Это новая фаза движенія идей, которыя въ продолженіи семидесяти лѣтъ увлекаютъ насъ къ неизвѣстному будущему.

II.

Хотя опытъ и не даетъ даромъ своихъ уроковъ, но за то онъ приноситъ большую пользу людямъ размышляющимъ. На другой день послѣ паденія, партіи могутъ воображать себѣ, что съ лучше взятыми предосторожностями, при одномъ батальонѣ болѣе или одной барикадой больше, и онѣ легко восторжествовали-бы; но эти иллюзіи не могутъ ввести въ заблужденіе людей мыслящихъ. Уже въ мартѣ 1848 года легко было предвидѣть, что движеніе совершалось по ложному пути, и что нельзя будетъ установить республику, заимствуя у первой революціи ея учрежденія, оказавшіяся неприложимыми къ жизни. Декретировать всеобщую подачу голосовъ, вездѣ ввести избирательную систему, сосредоточить власть въ одномъ собраніи, это просто значило войдти совершенно въ традиціи конституціоннаго Собранія, это значило еще разъ дать странѣ участіе въ верховной власти, но не свободу. А между тѣмъ, если и есть что пожелать новымъ народамъ, если и не достаетъ имъ какого нибудь блага, въ особенности теперь, когда они уже завоевали себѣ гражданское равенство, такъ это уже никакъ не власти, а свободы!

Отъ чего страдаютъ, на что жалуются на континентѣ, какъ не на пути, стѣсняющіе промышленность, торговлю, мысль и совѣсть? Обвиняютъ не образъ правленія, а деспотизмъ, все равно, исходитъ ли онъ отъ одного человѣка или отъ большинства, обвиняютъ централизацію, предупредительные законы, однимъ словомъ, все то, что стѣсняетъ полное и свободное развитіе человѣка. Задача состоитъ не въ томъ, чтобъ изобрѣсти новую конституцію; мы уже слишкомъ много разъ обманывались въ нашихъ надеждахъ, для того чтобы вѣрить, что счастье народа зависитъ отъ магической силы куска бумаги; задача состоитъ въ томъ, чтобы вытянуть изъ правительствъ, такихъ, какія существуютъ теперь, всѣ тѣ права, которыя правительство можетъ и должно дать; воздать должное государству и человѣческой личности, уважать и даже, въ случаѣ надобности, усиливать истинныя преимущества власти, но и требовать отъ нея взамѣнъ, чтобъ администрація не выходила изъ предѣловъ своей сферы и не захватывала-бы достояніе гражданина.

Не слѣдуетъ думать, что только въ одной Франціи обезпокоены этимъ важнымъ вопросомъ, онъ стоитъ на очереди во всей Европѣ, въ Англіи имъ также занимаются, какъ и въ Германіи, въ Испаніи, какъ и въ Италіи, вслѣдствіе чего взглянемъ на разрѣшеніе вопроса и въ чужихъ государствахъ. Во Франціи, когда кто нибудь заговоритъ о свободѣ, всегда находятся люди,

которые приходятъ отъ этого въ безпокойство и стараются заглушить вашъ голосъ. Сейчасъ же начнутъ предполагать въ васъ вѣроломныя намѣренія, кричать о несправедливости, обвинять партіи; но гораздо труднѣе употреблять такой рыцарской способъ полемики съ людьми, которые пишутъ на другомъ языкѣ и для другой страны. Можно говорить, что они ошибаются, но во всякомъ случаѣ нужно выслушать ихъ; мы не желаемъ большаго для себя: если заблужденіе на нашей сторонѣ — пускай намъ укажутъ его и дадутъ себѣ трудъ разсудить о немъ.

Лучшее изъ сочиненій, которыя были когда либо писаны объ истинныхъ принадлежностяхъ государства, написано Вильгельмомъ Гумбольдтомъ. Трудно найдти во Франціи человѣка, который бы не слышалъ объ Александрѣ Гумбольдтѣ, этомъ всемірномъ геніѣ, недавно утраченномъ наукой; но гораздо менѣе извѣстенъ его старшій братъ, въ Германіи же ихъ обоихъ ставятъ рядомъ на одну доску. Творецъ новѣйшей филологіи, христіанскій философъ, замѣчательный государственный человѣкъ, защитникъ конституціонной свободы въ то время, когда презрѣніе къ этой свободѣ вело къ почестямъ и богатству, Вильгельмъ Гумбольдтъ былъ однимъ изъ тѣхъ оригинальныхъ умовъ, которые постоянно отыскиваютъ причину вещей, и глубоко изслѣдуютъ все, съ чѣмъ соприкасаются. Въ 1792 году, по просьбѣ барона Дальберга, Майнцскаго коадъютора,

онъ написалъ свой *„Опытъ о предѣлахъ дѣятельности государства“*. Революціонныя войны помѣшали Гумбольдту напечатать это сочиненіе, потому что въ то время она не нашла бы себѣ читателей; о свободѣ въ то время вспоминали только для того, чтобы проклинать ее. „Опытъ“ былъ положенъ въ ящикъ и позабытъ, и только въ 1851 году, шестнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти автора, возымѣли счастливую мысль напечатать его. Странное дѣло! оказалось, что эта книга, написанная шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, была совершенной новостью.

Впрочемъ, это объясняется довольно легко. Идеи, защищаемыя Гумбольдтомъ въ 1792 году, были идеями конституціонной школы, впервые обратившей на себя сочувствіе общественнаго мнѣнія въ 1789 году; Гумбольдтъ былъ ученикомъ Неккера и Мирабо. Девизъ и основную мысль своего сочиненія онъ заимствовалъ изъ знаменитой рѣчи *„О публичномъ воспитаніи“*, которая можетъ считаться политическимъ завѣщаніемъ Мирабо: „Вся трудность заключается въ томъ, чтобъ издавать только дѣйствительно необходимые законы, всегда оставаться вѣрнымъ этому истинно конституціонному принципу общества, и постоянно остерегаться страсти управлять, этой роковой болѣзни новѣйшихъ правительствъ.“ Революція подавила эти плодотворныя идеи, имперія презирала ихъ, а Реставрація не обращала на нихъ вниманія; но такъ какъ онѣ ис-

тины, то онѣ всегда снова появляются, и бываютъ минуты, когда онѣ подобно мечу пронзаютъ нашу душу: мы переживаемъ теперь одну изъ такихъ минутъ.

Главная заслуга Гумбольдта состоитъ въ томъ, что онъ облекъ эти идеи въ философскую форму, привелъ свободу къ нравственному принципу, и показалъ, что эта свобода, не признаваемая тѣми, которые имѣютъ интересъ клеветать на нее или бояться ея, эта свобода есть ничто иное, какъ самая жизнь людей, самая сила общества.

По мнѣнію Гумбольдта, самая возвышенная цѣль, какою человѣкъ можетъ задаваться на землѣ, и которую предписываютъ ему непреложные законы разума,— состоитъ въ развитіи совокупности всѣхъ его способностей; усовершенствовать себя, даже цѣною страданія, вотъ оно, истинное дѣло человѣка, христіанина, гражданина. Чтобъ это улучшеніе было полнымъ, чтобъ это развитіе было гармоническимъ, необходимы два условія: свобода дѣйствій и разнообразіе положеній.

Это послѣднее условіе вызываетъ удивленіе, можетъ быть даже его и не поймутъ съ перваго раза. А, между тѣмъ, эта самая оригинальная часть теоріи, одинъ изъ самыхъ глубокихъ взглядовъ, которые когда либо имѣли государственные люди; этимъ пунктомъ Гумбольдтъ цѣлымъ полустолѣтіемъ опередилъ своихъ современниковъ.

Средневѣковымъ идеаломъ, какъ и идеаломъ вѣка

Людовика XIV, было единство, единство во всемъ: въ религіи, нравственности, наукахъ, промышленности. Этого единства стремились достигнуть искуственными средствами, его внушало и поддерживало государство. Но вслѣдствіе такой политики, достигли не того истиннаго единства, которое проистекаетъ изъ согласія умовъ, а *единообразія*, т. е. внѣшняго правила, безсодержательной формулы, которую насильно заставляли принимать, сокрушая всякую оппозицію. Народъ не вѣритъ въ это однообразіе и молчитъ — это царство молчанія и неподвижности. Совсѣмъ другое дѣло теперь: болѣе точное и истинное понятіе о человѣческой душѣ дало намъ и болѣе вѣрную идею о единствѣ. Въ человѣкѣ, какъ и въ природѣ вообще, мы усматриваемъ безконечное разнообразіе; совокупность же и гармонія этого разнообразія производятъ то живое единство, которое мы ищемъ.

Кольберъ думалъ возродить промышленность, узаконивая качество, ширину и цвѣтъ какой нибудь матеріи, мы же знаемъ теперь, что для этого возрожденія не нужно никакихъ подобныхъ законовъ, а необходимо предоставить промышленность самой себѣ: достаточно одного личнаго интереса фабриканта, чтобъ отвѣчать всѣмъ ея нуждамъ. Слѣпая политика Людовика XIV, стремившагося подавить горсть протестантовъ, раззорила монархію: мы же не думаемъ быть мудрѣе Бога, мы терпимъ то, что Онъ допускаетъ, и опытъ ежедневно

научаетъ насъ, что свобода церкви не вредитъ государству и приноситъ пользу религіи. Католицизмъ имѣетъ гораздо болѣе жизненной силы въ еретической Англіи, чѣмъ въ вѣрной Испаніи. Мы видимъ, что въ германскихъ университетахъ, каждый, кто пожелаетъ, можетъ сдѣлаться профессоромъ и объяснять что ему угодно: надъ нимъ не ставятъ начальника, не обязываютъ его какимъ либо методомъ, и, не смотря на это, по какую сторону Рейна процвѣтаютъ науки и ихъ изученіе? Вездѣ слѣдовательно, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, жизнь и прогрессъ производятся разнообразіемъ.

Эти новые взгляды привели къ совершенному паденію древней политики. Наконецъ поняли, что внушать однообразіе деспотизмомъ закона — дѣло дурное и безплодное. Для того, чтобъ страна была богата, промышленна, нравственна и религіозна, нужно, чтобъ ничто не стѣсняло безконечнаго развитія человѣческихъ способней, другими словами, нужно прежде всего охранять и уважать свободу каждаго отдѣльнаго человѣка.

Въ чемъ же должна состоять роль государства? Гумбольдтъ приводитъ ее къ двумъ положеніямъ: извнѣ — это защита національной независимости, внутри — поддерживаніе мира. Вотъ предѣлы государства. Гумбольдтъ отдаетъ въ вѣдѣніе государства армію, флотъ, дипломатію, финансы, высшую полицію, судъ, покровительство немощныхъ и сиротъ; но онъ отнимаетъ отъ него религію, воспитаніе, нравственность, торговлю и про-

мышленность, и это онъ дѣлаетъ въ силу двухъ своихъ принциповъ: свободы дѣйствій и разнообразія положеній. Изслѣдуйте, въ самомъ дѣлѣ, каково вліяніе государства, даже тамъ, гдѣ оно не встрѣчаетъ сопротивленія совѣсти. Что другое можетъ сдѣлать администрація, какъ не установить, при посредствѣ своихъ учрежденій, только механическое однообразіе, вычисленное по самымъ низкимъ среднимъ числамъ? Но дѣйствовать такимъ образомъ, не значитъ ли ослаблять индивидуальную энергію, усыплять мысль, обезсиливать характеръ, уничтожать нравственную отвѣтственность? Укладывая общество на это ложе Прокруста, что выигрываютъ этимъ, какъ не отягощеніе государства бременемъ, которое раздавливаетъ его своею тяжестью? Вмѣшивать правительство рѣшительно во всѣ дѣла, дѣлать его въ одно и то же время деспотическимъ, задирчивымъ и дорогимъ, значитъ-ли это укрѣплять его или ослаблять? И если это справедливо, когда дѣло идетъ объ однихъ только матеріальныхъ интересахъ, то что же это такое въ томъ случаѣ, если душа человѣческая страдаетъ и волнуется подъ гнетомъ, ничѣмъ не оправдываемаго давленія?

Но слѣдуетъ ли отсюда, что Гумбольдтъ отрицаетъ у государства нравственный характеръ и сводитъ власть къ ремеслу жандарма, поддерживающаго уличный порядокъ? Нисколько; какимъ образомъ подобная идея могла бы придти въ голову автору прекрасныхъ „*Пи-*

семъ къ подругѣ", такой честной и религіозной душѣ? Общество не можетъ жить безъ религіи, нравственности, воспитанія, промышленности и торговли, но оно можетъ очень хорошо жить безъ установленной законами церкви, офиціальной нравственности, офиціальнаго воспитанія, безъ промышленныхъ кастъ и торговой монополіи. Что такое религіозная и нравственная страна? Та-ли это страна, гдѣ граждане чистосердечны и благочестивы? Та-ли, гдѣ государство предписываетъ правила вѣры и образъ жизни, и обрекаетъ гражданъ на лицемѣріе? Что производитъ добродѣтель, истину, науку? Указъ-ли государя или свободная работа человѣческаго духа? Въ этомъ-то и заключается весь вопросъ. Гумбольдтъ не уничтожаетъ и не ослабляетъ ни одного изъ общественныхъ элементовъ; напротивъ, онъ хочетъ придать имъ болѣе силы и дѣятельности. Сжатымъ силамъ онъ хочетъ возвратить ихъ упругость, онъ хочетъ, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ большую силу, чтобъ энергіей всѣхъ увеличивалось могущество государства.

Идеи Гумбольдта внушили Д. С. Миллю его книгу „*О Свободѣ*". Смѣлый экономистъ, даровитый философъ, глубокій логикъ, Джонъ Стюартъ Милль расширилъ задачу. Не только государство, но и общество хочетъ онъ заключить въ ихъ естественные предѣлы. По ясности изложенія въ немъ сейчасъ узнается англичанинъ, а не нѣмецъ, чувствуется, что онъ живетъ въ такой странѣ, гдѣ каждый ставитъ свою мысль прямо,

освѣчиваетъ ее всю дневнымъ свѣтомъ; но это только внѣшнія отличія, и если форма у нихъ не одинакова, за то основаніе у Милля тождественно; какъ и Гумбольдтъ, Милль приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, но только другимъ путемъ.

Предметъ сочиненія Милля, какъ онъ самъ это объясняетъ, есть изслѣдованіе природы и предѣловъ той власти, какую законно можетъ имѣть общество надъ отдѣльною личностью. „Это, прибавляетъ онъ, вопросъ, который ставили очень рѣдко и почти никогда не разбирали въ его общемъ значеніи; но, вслѣдствіе своего постоянно скрытаго существованія, онъ имѣетъ глубокое вліяніе на современныя политическія состязанія, въ немъ скоро признаютъ жизненный вопросъ будущаго. Онъ далекъ отъ того, чтобы казаться новымъ, и еще въ самыя отдаленнѣйшія времена его, въ нѣкоторомъ смыслѣ, раздѣляло все человѣчество; но въ періодъ прогресса, который уже наступилъ для народовъ цивилизованныхъ, этотъ вопросъ представляется обставленнымъ новыми условіями и требуетъ иныхъ способовъ обсужденія, которое должно касаться самой сущности его“.

Гдѣ же тотъ предѣлъ, у котораго общество должно остановиться, гдѣ само общественное мнѣніе должно наконецъ признать свою исключительность? Слѣдуя Миллю, его легко опредѣлить. Единственное основаніе, на которомъ можно дозволить человѣку, или со-

бранію людей, стѣснять свободу другаго лица, заключается въ необходимости собственной защиты, self protection. Въ цивилизованномъ обществѣ государство можетъ вмѣшиваться въ жизнь индивидуума только для того, чтобы воспрепятствовать ему вредить другимъ. Но нельзя-ли пойдти дальше? Нельзя-ли обязать гражданина въ извѣстныхъ случаяхъ къ дѣйствію, а въ иныхъ къ удержанію себя, потому что его собственный интересъ требуетъ слѣдованія тому или другому направленію, потому что отъ этого зависитъ его счастіе, потому, наконецъ, что общественное мнѣніе находитъ справедливымъ и благоразумнымъ повиноваться въ этомъ случаѣ власти? Нѣтъ, отвѣчаетъ Милль, эти частныя причины могутъ имѣть свое достоинство, но у нихъ нѣтъ диплома, которымъ бы разрѣшалось государству подобное вмѣшательство. Единственная сторона нашего поведенія, которая дѣлаетъ насъ отвѣтственными предъ обществомъ, это та, которая касается другихъ; а то, что касается только насъ самихъ, не подлежитъ никакой другой юрисдикціи, какъ только нашей собственной. Человѣкъ есть хозяинъ самого себя, своего тѣла и своей души, онъ представляетъ собою такую верховную власть, къ которой ничто чужое прикасаться не имѣетъ права.

И такъ, у каждаго изъ насъ есть своя особенная область, куда общество можетъ войдти только однимъ путемъ несправедливости; это вся та сторона нашей

жизни, которая касается только насъ самихъ, или касается другихъ посредственно. Вотъ гдѣ полное царство свободы. Слѣдовательно, ничто не должно стѣснять ни мысль, ни совѣсть, которыя всегда субъективны; ничто не должно препятствовать человѣку выражать свои мнѣнія о какихъ-бы то ни было предметахъ, ничто не должно сопротивляться тому, чтобы каждый избиралъ себѣ занятіе по своей волѣ и устраивалъ свою жизнь по своему разумѣнію; болѣе того, ничто не должно препятствовать гражданину соединяться съ другими гражданами, чтобы сообща пользоваться этими личными правами. Пусть нѣкоторыя лица, пусть даже большинство общества находитъ наше поведеніе глупымъ, развратнымъ, опаснымъ, — все вздоръ, пока мы не касаемся свободы другихъ, каждый имѣетъ право порицать насъ, никто не имѣетъ права сказать намъ: *„ты будешь дѣлать то-то“* или *„ты не сдѣлаешь этого“*.

Какова бы ни была форма правительства въ какомъ-нибудь обществѣ, но она не будетъ свободна, если не будетъ уважать всѣхъ этихъ правъ; никакое общество не можетъ быть вполнѣ свободнымъ, если эти права не будутъ въ немъ абсолютны и безусловны. Преслѣдовать наше собственное благо тѣмъ именно путемъ, который намъ болѣе нравится, и ничего не бояться, если мы не вторгаемся въ чужую область, — вотъ единственная свобода, которая заслуживаетъ быть названа этимъ именемъ. Все остальное — пустой призракъ,

годный развѣ для забавы тѣхъ, которые вполнѣ удовлетворяются одними словами.

Въ теоріи не оспариваютъ этотъ принципъ, а между тѣмъ, какъ замѣчаетъ Милль, въ настоящее время у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ существуетъ какое-то стремленіе подчинять человѣка обществу, столько же силою общественнаго мнѣнія, сколько и силой закона. Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ кажется, даже болѣе нетерпимости, нежели въ старой Европѣ. Когда демократія думаетъ, что она права, она легко становится деспотической и не терпитъ разнообразія даже въ чувствахъ. Въ этомъ явленіи заключается зародышъ тираніи, указываемый Миллемъ, и противъ этого-то общественнаго деспотизма онъ протестуетъ со всею силой своего таланта.

Прежде всего онъ защищаетъ свободу мысли и слова. Повидимому, это ничто иное какъ философскій тезисъ; въ сущности-же, это великій современный вопросъ, вопросъ по преимуществу практическій, ибо эта свобода обнимаетъ свободу религіозную, свободу преподаванія и свободу печати, которая въ свою очередь есть основное условіе и гарантія всѣхъ правъ. Милль разбираетъ задачу столь же рѣшительно, сколько и тонко. По его мнѣнію, свобода мысли и слова есть абсолютное право. Если на сторонѣ одного какого либо мнѣнія было бы все человѣчество, а на сторонѣ противуположной всего одинъ человѣкъ, то и тогда не

имѣли бы права принудить его къ молчанію, потому что, высказываясь, онъ употребляетъ свои собственныя способности и не завладѣваетъ ничѣмъ чужимъ. Милль идетъ еще дальше: по его мнѣнію, не только индивидуальное право, но даже интересъ всего общества связанъ съ этимъ. Чтобы доказать эту слишкомъ мало понимаемую истину, Милль разбираетъ три гипотезы, путемъ чего приходитъ къ тому заключенію, что ни въ какомъ случаѣ не бываетъ выгодно заставить молчать того, кто хочетъ заявлять предъ публикой свои мнѣнія.

Во-первыхъ, очень возможно, что это мнѣніе истинно; отрицать это предположеніе, даже какъ предположеніе, значило бы приписывать намъ непогрѣшимость. Напрасно употреблять громкія фразы, взывать къ религіи, нравственности и интересамъ общества. Вѣдь казнили же Сократа, какъ атеиста и развратителя юношества, и распяли же Іисуса Христа за богохульство. Чтожъ, умнѣе-ли мы аѳинянъ? Религіознѣе-ли іудеевъ? Кто былъ однимъ изъ первыхъ гонителей христіанства? Св. Павелъ, до своего обращенія. Кто мучилъ христіанъ, какъ нечестивыхъ и возмутителей? Маркъ-Аврелій. Послѣ подобныхъ примѣровъ, что остается намъ дѣлать, какъ не быть скромными и положиться на свободное разбирательство, это лучшее средство выясненія истины? Сколько древнихъ истинъ, которыя для насъ не болѣе, какъ грубыя нелѣпости? А чрезъ двадцать

лѣтъ, сколько мнѣній, нынѣ мудрыхъ и несомнѣнныхъ, сдѣлаются старыми и опасными глупостями.

Предположимъ теперь другой случай, что запрещаемое мнѣніе дѣйствительно ошибочно; тѣмъ не менѣе, оно можетъ заключать въ себѣ долю истины, и это самая обыкновенная исторія въ знаніяхъ человѣческихъ. Заблужденіе есть вообще ничто иное, какъ неполный взглядъ на вещи, одна изъ сторонъ истины, чрезмѣрно преувеличенной. Политическая наука, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, загромождена мнимыми аксіомами, которыя не вполнѣ ложны и не вполнѣ истинны; онѣ обманываютъ насъ этимъ самымъ смѣшеніемъ справедливости и заблужденія; препятствовать же свободному спору у нихъ, значитъ осудить насъ никогда не выходить изъ этого смѣшенія лжи съ истиной.

Наконецъ, предположимъ третій случай: принятое мнѣніе есть совершеннѣйшая истина; предположимъ сверхъ того (гипотеза очень смѣлая), что мы имѣемъ полную достовѣрность постоянства этой истины, и все таки нужно допустить критику. Зачѣмъ-же? а затѣмъ, что истина не есть что либо внѣшнее, магическая формула, одно имя которой производитъ чудеса. Для того, чтобъ истина дѣйствовала на нашъ разумъ, нужно, чтобъ она была нашимъ убѣжденіемъ, нужно, чтобы наше сердце проникнулось ею и составило бы изъ нея часть нашей жизни. А эту услугу можетъ оказать намъ только одно противорѣчіе. Не показываетъ-ли намъ

исторія, что вѣра ослабѣваетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ преслѣдуются ереси? Не видимъ-ли мы, что вездѣ, гдѣ пресса нѣма, наступаетъ развратъ, а затѣмъ разрушеніе? Нѣтъ истины безъ заблужденія, какъ нѣтъ свѣта безъ тѣни: потушить одно изъ нихъ, значитъ потушить обоихъ вмѣстѣ.

Мимоходомъ, Милль обличаетъ одинъ софизмъ, который, хотя и въ большой модѣ, тѣмъ не менѣе ложенъ. Говорятъ, споръ можетъ быть допущенъ, но подъ условіемъ быть умѣреннымъ. Прекрасно; но въ чемъ же состоитъ умѣренность? Не пренебрегать никакимъ аргументомъ, не скрывать ни одного факта, не извращать противуположное мнѣніе, не лжеумствовать, все это превосходныя условія, при нахожденіи истины; но должно признаться, что во всякой полемикѣ ихъ забываютъ обѣ стороны съ одинаковымъ чистосердечіемъ. По крайней мѣрѣ, уважайте личность, не пускайте въ ходъ сарказмовъ и оскорбленій. Очень хорошо, отвѣчаетъ Милль, но пусть же и оружіе у обѣихъ сторонъ будетъ равное, пусть то, что у однихъ называютъ ревностью, благочестивымъ жаромъ или святымъ негодованіемъ, не называютъ у другихъ — крайностью, невоздержностью и вѣроломствомъ. Кто не видитъ, что во всемъ этомъ можетъ быть только одинъ компетентный и подходящій судья, и этотъ судья не есть даже законъ, а публика.

От свободы мысли и слова, Милль переходитъ къ

свободѣ дѣйствій; здѣсь таже задача и тѣже условія ея рѣшенія. Если полезно допустить существованіе различныхъ мнѣній, то не менѣе необходимо существованіе различныхъ положеній, а чтобы сохранить право третьихъ, слѣдуетъ дать полную волю какъ капризамъ, такъ и талантамъ.

Индивидуальность, иначе выражаясь — своеобразность, есть условіе, необходимый элементъ всего того, что мы называемъ науками, искуствами, воспитаніемъ, цивилизаціей. Этого не видятъ соціалисты, которые хотятъ вылить все человѣчество въ одну форму; этого не понимаютъ политики, всегда считавшіе мудрыми однихъ себя, но которые охотно сдѣлали-бъ изъ общества полкъ солдатъ; этого не сознаетъ само общество, которое удивляется тому, что не всякому нравится проторенная уже дорога, и которое чувствуетъ ужасъ къ оргинальнымъ умамъ, хотя только этими умами оно и подвигается впередъ.

Самая важная вещь, говоритъ Милль со своимъ обычнымъ глубокомысліемъ, состоитъ не въ томъ, что дѣлаютъ люди, а въ томъ, что они суть такое. Изъ всѣхъ дѣлъ, которыя выходятъ изъ нашихъ рукъ, величайщее — это самъ человѣкъ. Еслибы завтра изобрѣли такихъ автоматовъ, которые бы сѣяли хлѣбъ, сражались, жаловались и разбирали тяжбы, строили церкви и стояли тамъ на колѣнахъ, однимъ словомъ, дѣлали бы то, что дѣлаемъ мы,—стоили бы тѣ авто-

маты послѣдняго изъ человѣческихъ существъ? Отвѣтъ ясенъ. Слѣдовательно, въ человѣкѣ есть нѣчто поважнѣе производимаго имъ дѣйствія, въ немъ есть сила, производящая это дѣйствіе, а это сила есть ничто иное, какъ индивидуальность, иначе — свобода. Человѣческая природа не есть неизмѣнная въ своемъ ходѣ и работѣ машина, это нѣчто живое, которое растетъ и измѣняется не переставая; природѣ нужна независимость, для того чтобъ она свободна могла развиваться во всѣ стороны.

Но, говорятъ политики, почему бы не предоставить регулированіе этого развитія государству, располагающему всѣмъ просвѣщеніемъ и всѣми средствами общества? Почему? Потому что оно не знаетъ и не можетъ знать какое направленіе приметъ этотъ жизненный сокъ, струящійся въ древесномъ стволѣ. Человѣчество и машина не одно и тоже. Въ машинѣ извѣстенъ ходъ каждой изъ отдѣльныхъ ея частей, но кому можетъ быть извѣстенъ процессъ того броженія, которое происходитъ въ человѣческомъ духѣ? Государство живетъ прошедшимъ, оно ничего не знаетъ о будущемъ; все, что оно можетъ сдѣлать своею мнимой мудростью, это заставить общество идти избитымъ путемъ и обречь его на неподвижность, что для живаго существа равносильно смерти.

„Берегитесь примѣра Китая, прибавляетъ Милль; китайцы — народъ, надѣленный многими талантами и,

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, очень мудрый; судьба имъ на столько благопріятствовала, что уже въ древнѣйшія времена они имѣли очень хорошіе обычаи и многія творенія своихъ соотечественниковъ, которымъ никакъ нельзя отказать въ званіи философовъ. Китайцы изобрѣли превосходную систему; для того чтобы напечатлѣвать свою мудрость и свои знанія въ умѣ и душѣ каждаго гражданина, они обезпечили всѣ должностныя мѣста, почести и власть за тѣми, которые наилучше владѣютъ этимъ древнимъ знаніемъ. Но народъ, который дѣлалъ это, открылъ, безъ сомнѣнія, законъ человѣческаго прогресса; онъ долженъ стоять во главѣ цивилизаціи? Ничуть не бывало: онъ неподвиженъ, онъ остановился на одной точкѣ уже цѣлыя тысячи лѣтъ, и если онъ когда либо возвысится, то этимъ будетъ обязанъ не самому себѣ, а иностранцамъ. Китайцы свыше всякихъ надеждъ преуспѣли въ достиженіи той цѣли, которую такъ ревностно преслѣдуютъ англійскіе филантропы: они сдѣлали всѣхъ равными, одни и тѣже правила, одни и тѣже обычаи заправляютъ мыслью и поведеніемъ каждаго китайца. Плодъ такой системы виденъ каждому, пусть же ошибаются на счетъ ея. Деспотизмъ общественнаго мнѣнія, вотъ основа, базисъ китайскаго правленія, или по крайней мѣрѣ его организаціи. Если индивидуальность не сброситъ съ себя ярма, Европа, несмотря на свое благородное прошед-

шее, хотя она и называетъ себя христіанской, непремѣнно кончитъ подобно Китаю".

И такъ, Милль удерживаетъ *общество* въ тѣхъ предѣлахъ, какіе Гумбольдтъ полагаетъ *государству*, и онъ правъ. Пускай я буду благочестивъ, образованъ, честенъ, трудолюбивъ, это безъ сомнѣнія, въ интересѣ всѣхъ, но даетъ ли этотъ интересъ какое нибудь право моему сосѣду диктовать мнѣ мое поведеніе и мои идеи? Имѣю-ли я, съ своей стороны, право обязывать кого либо думать и дѣйствовать по моему? Если же отдѣльно взятый человѣкъ вовсе не имѣетъ этой власти, то на какомъ основаніи она можетъ принадлежать, во-первыхъ, обществу, которое есть ничто иное, какъ собраніе независимыхъ лицъ, и, вовторыхъ, государству, которое есть органъ того общества? Обладаетъ-ли сумма этихъ независимыхъ единицъ какой либо мистической силой, какимъ либо такимъ правомъ, которымъ не обладаетъ ни одна изъ этихъ единицъ, взятая отдѣльно? Перечитайте исторію. Во имя чего, какъ не общественнаго интереса, государство взяло въ свои руки религію, нравственность и промышленность, а куда оно пришло этимъ путемъ? Чтобы сдѣлать людей религіозными, нужно было прибѣгнуть къ помощи костровъ, изгнанію и инквизиціи, въ результатѣ же получали невѣріе, суевѣріе, невѣжество. Попеченіе о нравственности привело къ одному изъ самыхъ безнравственнѣйшихъ учрежденій — полиціи. Безъ сомнѣнія,

наиболѣе просвѣщенныя націи суть тѣ, гдѣ правительство уничтожаетъ распутство прессы и одно надѣляетъ всѣхъ истиной?.... Посмотрите на какую угодно страну, въ которой національный трудъ покровительствуемъ запрещеніями и монополіями, что вы тамъ найдете: богатыхъ-ли и дѣятельныхъ гражданъ, или же, напротивъ, лѣнивый и несчастный народъ? Причина этихъ вѣчныхъ ошибокъ слишкомъ ясна: природу вещей нельзя насиловать. Религія, нравственность, истина, искуства и науки, это вовсе не какія нибудь кокарды, которыя носятъ на шляпахъ по приказанію высшаго начальства; это чувства, идеи и желанія, имѣющія свое пребываніе въ сердцѣ и умѣ человѣка. Одна свобода порождаетъ и питаетъ ихъ. Принуждать людей вѣрить, чувствовать и желать, это значитъ принуждать ихъ быть свободными. Руссо, не боявшійся парадоксовъ, дошелъ до этого въ своемъ *«Общественномъ Договорѣ»*, не замѣчая ни логической, ни матеріальной невозможности такого порядка, и того, что нельзя примирить два состоянія, одно другому противорѣчащія и взаимно другъ друга исключающія. Эти истины очевидны, но во Франціи они имѣютъ противъ себя трехсотлѣтнія привычки и предразсудки.

Есть еще одинъ пунктъ, на который Гумбольдтъ не обратилъ вниманія, и котораго Милль коснулся весьма легко. Опредѣлить область владѣнія государства и индивидуума еще недостаточно; между ими обоими есть

еще средняя область, гдѣ государство помѣстилось съ давняго времени. Милль хочетъ удалить оттуда администрацію, чтобы дать больше мѣста свободѣ. Вотъ весьма оригинальныя и заслуживающія вниманія возраженія, которыя онъ приводитъ противъ вмѣшательства государства.

„Во-первыхъ, говоритъ онъ, всегда, когда дѣло можетъ быть лучше сдѣлано частными лицами, чѣмъ государствомъ, а это почти всегда такъ бываетъ, то положитесь на частную промышленность. Эту экономическую задачу сто разъ разбирали, и опытъ сто разъ рѣшалъ противъ администраціи; безполезно было бы настаивать на противномъ“.

Второе возраженіе ближе всего касается нашего предмета. Въ обществѣ есть дѣла, которыя частными лицами будутъ, быть можетъ, сдѣланы не такъ хорошо, какъ чиновниками, но тѣмъ не менѣе желательно, чтобъ и эти дѣла были предоставлены гражданамъ. Милль приводитъ для примѣра гражданскій судъ присяжныхъ, муниципальное управленіе, благотворительныя заведенія, приказы общественнаго призрѣнія, сберегательныя кассы. Сюда же можно было-бы присоединить и нѣкоторые другіе роды дѣятельности, какъ напр., страховыя общества, банки, большія общества желѣзныхъ дорогъ и пароходства. Въ этомъ заключаются не только вопросы свободы, но и вопросы воспитанія и развитія. Община и ассоціація, вотъ тѣ двѣ школы, въ которыхъ гражда-

нинъ долженъ научаться и привыкать къ общественной жизни, вотъ то занятіе, которое не позволяетъ ему заключиться въ своемъ эгоизмѣ, или узкомъ семейномъ кругѣ; тутъ-то онъ научается дѣйствовать подъ вліяніемъ мотивовъ общаго интереса, находитъ и чувствуетъ отечество. Отнимите эти привычки, и свободное учрежденіе перестаетъ не только развиваться, но и существовать, чему видимъ опытныя доказательства во Франціи. Когда вся политическая жизнь сосредоточена на трибунѣ, страна дѣлится на двое: оппозицію и правительство. Эта оппозиція, въ соединеніи съ частными неудовольствіями, честолюбіемъ и непріязнью мелкихъ общинъ, приводитъ государство, позже или раньше, къ слѣпому сопротивленію, всегда впрочемъ безсильному. Раздѣлить потокъ на тысячи каналовъ, которые понесутъ всюду плодородіе, вотъ единственное средство воспрепятствовать тому, чтобы, въ какой либо день, накопившіяся въ потокѣ воды не унесли съ собой и не опустошили все.

Послѣднее, и не менѣе сильное основаніе, по которому слѣдуетъ ограничить вмѣшательство государства состоитъ въ томъ, что увеличеніе безъ надобности силы администраціи, вредно. Всякая-же новая функція, присвоиваемая себѣ правительствомъ, увеличиваетъ оказываемое имъ вліяніе и призываетъ къ нему честолюбіе и алчныя стремленія. „Если бы, говоритъ Милль, пути сообщенія, желѣзныя дороги, банки, страховыя общества, большія акціонерныя компаніи, университеты,

богадѣльни, сдѣлались правительственными отраслями; еслибы, кромѣ того, городскія общества и зависящія отъ нихъ судебныя мѣста сдѣлались департаментами центральной администраціи; еслибы служащіе во всѣхъ этихъ различныхъ учрежденіяхъ были назначаемы и содержимы государствомъ; еслибы, наконецъ, отъ одного только государства пришлось имъ ожидать движенія впередъ и благосостоянія, то ни свобода печати, ни народное устройство нашего законодательства не помѣшали бы Англіи сдѣлаться страной свободной только по названію. Чѣмъ замысловатѣе и сильнѣе была бы административная машина, тѣмъ болѣе разрушала бы она энергію и единомысліе общества, и тѣмъ зло становилось бы бо̀льшимъ.“

„Если бы возможно было, чтобы всѣ таланты страны состояли на государственной службѣ, еслибы всѣ общественныя дѣла, требующія правильнаго въ нихъ участія, широкихъ взглядовъ и глубокаго пониманія, были въ рукахъ государства, еслибъ общественныя должности исполнялись людьми самыми способными, то весь разумъ и всѣ способности страны, исключая развѣ чистаго умозрѣнія, были бы сосредоточены въ рукахъ многочисленной бюрократіи, къ которой постоянно были бы устремлены взоры всей страны. Это составило бы толпу людей, получающую отъ этой бюрократіи приказанія и направленіе, людей способныхъ и алчныхъ достигать только личнаго возвышенія. Вступить въ кругъ

администраціи и, разъ вступивши, подниматься все выше и выше, сталобъ единственнымъ предметомъ честолюбія. При подобномъ управленіи не только всегда неопытная публика бываетъ поставлена въ такія условія, что она не можетъ ни остановить, ни даже отнестись критически къ этимъ дѣйствіямъ бюрократовъ; но если обстоятельства предоставятъ власть даже такому лицу, которое жаждало бы преобразованій, то не пройдетъ никакая его реформа, если она будетъ противорѣчить интересамъ этой пошлой бюрократіи“.......

„Въ болѣе передовыхъ и менѣе терпѣливыхъ странахъ, гдѣ публика свыклась съ тѣмъ, чтобы все дѣлалось государствомъ, или, по крайней мѣрѣ, привыкла ничего не дѣлать, не спросивъ у государства позволенія, тамъ естественно склонны считать правительство отвѣтственнымъ за все то зло, отъ котораго страдаютъ; когда же это зло пересиливаетъ терпѣніе, тогда возстаютъ наконецъ, и происходитъ то, что зовется революціей. Затѣмъ, какое нибудь новое лицо возсядетъ опять на королевскомъ тронѣ, опять посылаются указы канцеляріямъ и все идетъ по прежнему: канцеляріи не измѣняются, и не оказывается на лицо ни единаго человѣка, способнаго измѣнить ихъ.“

„Народъ-же, привыкшій самъ заниматься своими дѣлами, представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище. Оставьте американцевъ безъ правительства, и они тотчасъ же импровизируютъ себѣ новое, поведутъ общественныя

дѣла разумно, съ порядкомъ и рѣшительностью. Вотъ какимъ долженъ былъ свободный народъ, и тотъ народъ, который способенъ быть такимъ, можетъ быть увѣренъ въ своей свободѣ; онъ никогда не допуститъ себя служить одному какому нибудь человѣку или какой либо корпораціи, потому что онъ всегда съумѣетъ взять и держать вожжи центральной администраціи. Но въ той странѣ, гдѣ дѣло ведется канцеляріями, никогда не сдѣлаютъ оппозиціи противъ нихъ. Сосредоточить опытность и способность націи въ одномъ тѣлѣ, которое управляетъ остальной націей — это гибельная организація, и чѣмъ совершеннѣе такая система, чѣмъ болѣе успѣваютъ дрессировать и вербовать въ нее способныхъ людей, тѣмъ большимъ становится рабство всѣхъ, не исключая и самихъ чиновниковъ. Администраторы настолько же рабы своей машины, насколько и управляемые рабы администраторовъ. Китайскій мандаринъ есть настолько же орудіе деспотизма, какъ и самый покорный крестьянинъ. Іезуитъ есть рабъ своего ордена, хотя самъ орденъ существуетъ для коллективнаго могущества и власти всѣхъ его членовъ.“

„Опредѣленіе достоинства государства сводится всегда къ стоимости индивидуумовъ, его составляющихъ. То государство, которое жертвуетъ интеллектуальнымъ развитіемъ своихъ гражданъ ради немного большей административной способности, или того подобія способ-

ности, которая всегда дается практикою, государство, при самыхъ благодѣтельныхъ взглядахъ, умоляющее своихъ членовъ сдѣлаться болѣе послушными орудіями, — увидитъ нѣкогда, что съ маленькими людьми нельзя дѣлать великія дѣла. Механическое усовершенствованіе, ради котораго государство жертвовало всѣмъ, въ концѣ концевъ не послужитъ ему ни къ чему, потому что у него не будетъ того жизненнаго элемента, который оно изгнало для того, чтобы придать болѣе легкій ходъ машинѣ.

Таково заключеніе Милля: это изобличеніе современной мудрости во лжи; авторъ становится противъ теченія, сопротивляется всемогущему на континентѣ мнѣнію, которое дѣлаетъ завоеванія даже въ самой Англіи. Онъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ политиковъ: на всѣ тоны станутъ повторять, что народы не способны сами вести себя, провозгласятъ его теоретикомъ. Но все это не очень устрашаетъ: разъ зло намѣчено, разъ истина сдѣлалась извѣстной,—и успѣхъ становится уже вопросомъ только по отношенію ко времени его совершенія; эти теоретики, презираемые ограниченными и надменными умами, суть всегда тѣ, которые пишутъ свои пьесы для будущихъ актеровъ.

Единственный упрекъ, который можно бы сдѣлать Миллю, оставляя на его отвѣтственности нѣкоторыя частныя идеи, это тотъ, что его книга показываетъ только одну сторону вопроса: въ ней видна свобода, но не

видно государства. Правительство является въ ней въ видѣ какого-то непріятеля, съ которымъ еще нужно сражаться, администранія въ видѣ какой-то язвы, которую еще нужно уничтожить. Такъ тоже думали французскіе экономисты начала нынѣшняго столѣтія, но теорія ихъ не имѣла успѣха, потому что заходила слишкомъ далеко; нынѣ имѣли несчастье броситься въ крайность противуположнаго направленія, но не все можно въ подобномъ стремленіи.

Это почувствовалъ баронъ Этвешъ (Eoetvoes), и вслѣдствіе этого написалъ книгу подъ заглавіемъ: „*О вліяніи господствующихъ идей XIX-го столѣтія на Государство.*“ Этвешъ мало извѣстенъ во Франціи, а, между тѣмъ, это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и славнѣйшихъ людей Венгріи. Поэтъ, романистъ, политическій писатель, онъ игралъ довольно значительную роль въ послѣдней революціи и даже былъ министромъ народнаго просвѣщенія; нынѣ онъ президентъ Академіи въ Пештѣ. Онъ былъ призываемъ также въ императорскій совѣтъ и, безъ сомнѣнія, его политическая дѣятельность еще далеко не окончена. Во всякомъ случаѣ, если Этвешъ и суевѣренъ, онъ должно быть имѣетъ очень огромное честолюбіе. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрить легендѣ, которую Пульшки (Pulszky) поставилъ во главѣ англійскаго перевода „*Деревенскаго Нотаріуса*“, одного изъ лучшихъ романовъ Этвеша, то одна французская ворожея извлекла большія выгоды

изъ политики венгерцевъ въ 1837 году; она сказала Этвешу: „теперь богатый, ты будешь бѣденъ; женишься на богатой женщинѣ; будешь министромъ и умрешь на эшафотѣ.“ Предсказаніе, какъ говорятъ, исполнинилось, исключая послѣдняго пункта, который, нужно надѣяться, окажется лживымъ. Но когда вспоминаешь мученичество благороднаго Батьяни (Bathyani), друга Этвеша, то нельзя не признать того, что при австрійскомъ правительствѣ, ни умѣренность, ни патріотизмъ не могутъ гарантировать честнаго человѣка отъ смерти изъ рукъ палача.

Впрочемъ, каково бы ни было это пророчество, Этвешъ написалъ замѣчательную книгу, которая подъ своей немного ученой формой, содержитъ весьма справедливые взгляды на три великіе вопроса, волнующіе современные народы: это *народность, равенство* и *свобода.* Задача свободы, которую авторъ ставитъ на первомъ планѣ, связывая съ нею двѣ остальныя, представлена болѣе широкимъ образомъ, нежели въ сочиненіи Милля. Помѣстившись на совсѣмъ другомъ театрѣ, Этвешъ лучше опредѣлилъ роль государства; политика, которую онъ защищаетъ, не будучи на самомъ дѣлѣ различна отъ политики Милля, болѣе умѣренна и болѣе пригодна для континента.

Опираясь на исторію, Этвешъ доказываетъ, что въ настоящее время необходимо существованіе обширныхъ государствъ, въ этомъ заключаются гарантіи народно-

сти и независимости; но огромныя имперіи невозможны безъ того, чтобы государство не имѣло великой силы. Средневѣковыя идеи, муниципальныя и федеральныя, уже отжили свой вѣкъ; въ настоящее время задача состоитъ не въ томъ, чтобы сломить центральную силу мѣстными привилегіями, а въ томъ, чтобы благопріятствовать развитію человѣка, не ослабляя законной власти государства.

Вотъ каковы идеи автора объ этой задачѣ, идеи столь же остроумныя, сколько новыя и хорошо объясненныя.

Цѣль государства — покровительство нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ всѣхъ гражданъ. Слѣдовательно, поддержаніе государства есть первая гарантія свободы, безъ чего нѣтъ безопасности.

Для того, чтобъ извнѣ защищать національную независимость, для того, чтобы внутри охранять право, каждому государству нужна значительная сила. Сила же только тамъ, гдѣ средства соединены съ желаніемъ. Но съ умноженіемъ и усложненіемъ элементовъ, изъ которыхъ складывается современная цивилизація, время героевъ, которые все сами видятъ и сами дѣлаютъ, эти времена прошли; теперь есть только одна организація, одна система, которая можетъ дать единство средствъ и желанія: — это централизація. Чтобы государство могло отправлять свою функцію, которую никто у него и не оспариваетъ, нужно чтобъ оно опиралось на энергическую централизацію.

Но эта централизація имѣетъ свои предѣлы, она не обнимаетъ собой все. Какіе же это предѣлы? Тѣже, что и для законной дѣятельности государства. Задача тождественна. Государство не есть ни общество, ни индивидуумъ, слѣдовательно существуетъ общественная и индивидуальная жизнь, которая не подлежитъ его вѣдѣнію; но вездѣ, гдѣ государство должно дѣйствовать, нужно, чтобы за нимъ оставалось послѣднее слово. Его власть должна быть абсолютна или, другими словами, централизована. Imperium nisi unum sit, esse nullum potest, говорилъ Сципіонъ въ Республикѣ Цицерона [1]).

Въ этомъ отношеніи теорія Руссо справедлива. Съ того времени, какъ народная независимость и миръ обезпечены, ужъ имѣютъ полное право говорить, что государство есть сумма всѣхъ гражданъ, что общественное благо есть благо всѣхъ, что общее желаніе есть желаніе каждаго. Въ самомъ дѣлѣ, наступаетъ война или возмущеніе, — кому они не угрожаютъ?

Но не такъ бываетъ, когда становятся на другую почву и говорятъ только во имя общаго интереса; здѣсь система Руссо не выдерживаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣло идетъ о внутреннихъ интересахъ, которые не касаются общественной безопасности, очевидно, что даже въ странѣ со всеобщей подачей голосовъ, воля государства есть ничто иное какъ голосъ большинства. Этотъ

---

1) De rep. I., 30, 60.

голосъ, какъ доказываетъ опытъ, часто бываетъ несправедливъ, онъ легко сворачиваетъ къ угнетенію меньшинства и отдѣльныхъ лицъ.

Гдѣ же найдти обезпеченіе противъ этой тираніи большинства? Въ конституціонномъ правительствѣ? Нѣтъ, это правительство большинства, оно тоже можетъ являться криводушнымъ и насильственнымъ. Это не значитъ впрочемъ, что Этвешъ мало уважаетъ конституціонныя учрежденія, онъ защищаетъ ихъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, и нельзя не признать, что въ Венгріи, и притомъ въ наше время, это постоянство предполагаетъ искреннюю любовь; но Этвешъ не требуетъ отъ этихъ учрежденій того, чего онѣ не могутъ дать. Національное представительство, свободная пресса и трибуна умѣряютъ правительство внутри и дѣлаютъ его всемогущимъ для защиты національной чести противъ враговъ; но какъ бы необходимы и велики ни были эти гарантіи, они не достаточны для охраненія индивидуума. Когда религіозныя или политическія страсти воспламеняютъ страну, кто воспрепятствуетъ общественному мнѣнію быть жестокимъ, а палатамъ подавать голосъ за преслѣдованія и гоненія? Въ семнадцатомъ столѣтіи англійскіе законы противъ католиковъ были столь же жестоки, какъ и французскіе для протестантовъ, а между тѣмъ англійскіе законы издавались парламентомъ. Мы выбрали этотъ примѣръ изъ временъ немного отдаленныхъ отъ насъ для того, чтобъ избѣгнуть слиш-

комъ живой критики, но не слишкомъ долго нужно рыться въ своей памяти, чтобъ убѣдиться, что въ нѣкоторые моменты пресса не непогрѣшима, и что не всегда можно требовать отъ палатъ безпристрастія.

Гдѣ же найдти однако дѣйствительныя гарантіи, которыя охраняли бы человѣка противъ администраціи и политическаго большинства? Есть только одно средство, это ограничить государство, опредѣлить ту среду, гдѣ оно можетъ пользоваться своей абсолютной властью, но изъ которой оно не должно выходить. Другими словами: централизаціи, благодѣтельной и законной, когда она защищаетъ независимость страны, деспотической и революціонной, когда она выходитъ изъ своей области, этой централизаціи нужно противоставить свободное самоуправленіе человѣка, self governement. У французовъ нѣтъ этого слова, потому что у нихъ нѣтъ и того предмета, для котораго это слово служитъ названіемъ.

Свобода индивидуальная, религіозная, свобода преподаванія, печати, свобода муниципальная, ассоціаціи, являются тотчасъ же за самоуправленіемъ, какъ неизбѣжныя и естественныя слѣдствія его. Въ этомъ пунктѣ Этвешъ совпадаетъ съ Миллемъ и Гумбольдтомъ; а это уже вѣрный признакъ истины, если различные умы, отправляющіеся отъ разныхъ направленій, встрѣчаются, не отыскивая другъ друга.

Освящены-ли эти идеи опытомъ? Стоитъ только от-

крыть глаза, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Какія изъ государствъ страдаютъ революціонной болѣзнью? Англія ли это, или Австрія? Франція ли, или Америка? Неаполь или Бельгія? Можно сказать, что централизація и революція призываютъ одна другую взаимно.

Теряя опасныя и отяготительныя преимущества, въ замѣнъ ихъ пріобрѣтая истинное вліяніе и силу, кто сопротивляется этой реформѣ, отъ которой государство страдать не можетъ? Сопротивляется этому предразсудокъ. Мы упоены греческими и римскими идеями, онѣ находятся во главѣ демократическихъ и соціальныхъ теорій. Но всѣ эти мнимо-либеральныя теоріи даютъ народу воображаемую верховную власть, а въ дѣйствительности основываютъ лишь деспотизмъ государства. Если хотятъ, чтобы цивилизація шла по пути прогресса, если хотятъ обезоружить революцію, нужно освободить человѣка, нужно развить его личныя права.

Люди, имѣющіе много вѣры и бодрости, безпрестанно повторяютъ намъ, что въ настоящее время прогрессъ невозможенъ. Наше время сравниваютъ съ послѣдними временами римской имперіи, толкуютъ объ упадкѣ, происходящемъ отъ успѣховъ цивилизаціи; намъ говорятъ: у насъ, какъ и у римлянъ, тоже стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, тоже отсутствіе убѣжденій какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у массъ, тоже подличанье предъ какою бы то ни было властью, тоже презрѣніе къ тому, что уважалось вѣками, наконецъ, таже пустота въ

человѣческой душѣ. Эти взгляды поверхностны; къ нашему счастью, въ дѣйствительности, между современнымъ обществомъ и римскимъ, цѣлая пропасть. Когда погибла древняя цивилизація, то дѣло ея было уже покончено: она сдѣлала человѣка рабомъ государства. Всѣ эти знаменитые правовѣды: Папініанъ, Павелъ, Ульпіанъ, никогда не учили тому, что гражданинъ, въ качествѣ человѣка, имѣетъ права, которыя и самъ императоръ обязанъ уважать, эта святость человѣка есть чисто христіанская идея, которую язычество даже и не подозрѣвало. Въ настоящее же время эта идея составляетъ основу нашей цивилизаціи. Быть можетъ догматъ ослабѣлъ, но чувства гуманности, братства и равенства, составляющія сущность христіанства, теперь болѣе жизненны, чѣмъ когда либо.

Въ послѣднія времена римской имперіи, объятія деспотизма задушили любовь къ отечеству и свободѣ, и душа древней цивилизаціи исчезла. Въ настоящее же время, страсть къ свободѣ, но притомъ къ свободѣ гражданской, индивидуальной и христіанской, растетъ и захватываетъ все большую и большую область. Путемъ всѣхъ революцій, подъ именемъ равенства, національности, конституціи, чего ищутъ, чего требуютъ народы, какъ не свободы? Общество, которое имѣетъ подобныя желанія, не есть потухающее общество. Цивилизація падаетъ тогда, когда ей недостаетъ той идеи, которая давала ей жизнь; мы же, напротивъ, находим-

ся въ трудныхъ родахъ новой идеи, мы преслѣдуемъ эту идею, и никакія неудачи насъ не утомляютъ, никакія бѣдствія не останавливаютъ насъ. Не допустимъ же себя устрашаться неосновательнымъ наружнымъ сходствомъ. Старое вино, которое начинаетъ портиться, и новое въ состояніи броженія, одинаково мутны; но отъ одного исходитъ дѣйствительная порча, а изъ другаго вкусная жидкость. Станемъ же вѣрить въ будущее.

День пасмуренъ и борьба трудна. Континентъ возмущенъ не борьбою двухъ партій, сражающихся за власть, а борьбой между двумя цивилизаціями. Римъ и Германія снова напоминаютъ свой вѣчный поединокъ; еще разъ идея языческая и идея христіанская, деспотизмъ и свобода, вступаютъ въ битву за обладаніе міромъ; но, какъ бы ужасно ни было испытаніе, успѣхъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Когда истина появляется на свѣтъ, когда глаза обращаются къ новому восходящему свѣтилу, успѣхъ становится только вопросомъ времени. Страсти старѣютъ и измѣняются, партіи ослабѣваютъ, истина же никогда не умираетъ. Безъ сомнѣнія, въ такой странѣ, какъ Франція, (говорю устами Этвеша), гдѣ уничтожены всякія частныя организаціи, гдѣ гражданина пріучили къ государственной опекѣ, гдѣ, такъ сказать, у человѣка отняли способность управлять самимъ собой, въ такой странѣ нельзя въ одинъ день измѣнить устарѣвшую систему. Дерево, которое въ теченіи

полустолѣтія подрѣзывали à la française, не можетъ за одну ночь распустить свободныя и сильныя вѣтви, оно заставитъ долго дожидаться своей покровительственной тѣни, но что за важность? Идея совершитъ свой путь, она пойдетъ своей дорогой, она овладѣетъ умами; государство пойметъ наконецъ свой истинный интересъ, послѣ чего революція будетъ уже невозможна: какъ только государство перестанетъ давить гражданина, свобода выйдетъ изъ подъ земли съ чудесной энергіей.

„Смѣлѣе!“ заключаетъ Этвешъ; „мы идемъ не къ разрушенію, но къ довершенію христіанства; чѣмъ болѣе потокъ имѣетъ угрожающій характеръ, чѣмъ сильнѣе онъ бьетъ въ судно, тѣмъ болѣе мы увѣрены, что приближаемся къ гавани. Постигавшія насъ обольщенія, утомлявшія насъ революціи, были необходимыя испытанія. Для того, чтобъ извлечь насъ съ ложнаго пути, по которому шла политика, нужно еще немного энергіи и пожертвованій. Когда обязанности разъяснены, побѣда несомнѣнна. Въ мірѣ идей она всегда принадлежитъ истинѣ и храбрости, служащей истинѣ. На христіанствѣ и его нравственности чистыя руки воздвигнутъ жилище, въ которомъ будутъ обитать наши дѣти.“

Этвешъ писалъ эти краснорѣчивыя строки шесть лѣтъ тому назадъ; тогда онъ былъ мечтатель, въ то время Австрія думала возвеличиться, принуждая двадцать раз-

личныхъ народностей подставить свои шеи подъ ярмо централизаціи; теперь-же идеи этого пренебреженнаго мечтателя торжествуютъ. Дай Богъ, чтобы Венгрія только послушалась его мудрыхъ совѣтовъ, и поняла, что въ наше время существуютъ другія условія свободы, чѣмъ какія были во времена старыхъ феодальныхъ государственныхъ учрежденій; теперь, какъ справедливо говоритъ Этвешъ, задача состоитъ не въ томъ, чтобъ ослабить государство, а въ томъ, чтобъ укрѣпить человѣческую личность.

III.

Обращаясь къ Франціи, мы видимъ тоже направленіе идей. Можетъ быть у французовъ еще нѣтъ такого яснаго убѣжденія въ индивидуальныхъ правахъ, но у нихъ есть сознаніе, что отцы ихъ шли ложнымъ путемъ. Шестьдесятъ лѣтъ Франція жила революціонной темой; теперь начинаютъ дѣлать необходимую сортировку: осторожно собираютъ тѣ догматы, которые въ теченіе долгаго времени было запрещено даже разбирать. Этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія въ особенности замѣтенъ въ историческихъ трудахъ за послѣднее время. Тьерри, имя котораго пользуется такимъ справедливымъ уваженіемъ, видитъ во всей исторіи Франціи только одно непреодолимое движеніе къ единству; онъ всегда готовъ простить всѣхъ государственныхъ людей, которые все подводили подъ одинъ уровень. Теперь-же отличаютъ цѣль отъ ея средствъ; теперь спрашиваютъ, не было-ли это единство, установленное королевскою властью въ свою пользу, слишкомъ дорого продано странѣ. Людовикъ XI становится въ нашихъ глазахъ тираномъ, мы близки къ тому, чтобы судить о Ришелье такимъ образомъ, какимъ судилъ о немъ Монтескье:

ужасный министръ теперь ничто иное, какъ человѣкъ съ деспотизмомъ въ головѣ и въ сердцѣ. Во времена Реставраціи, Людовикъ XIV былъ еще полу-богомъ, теперь же къ нему болѣе жестоки, чѣмъ самъ Сенъ-Симонъ; противъ великаго короля существуетъ реакція, жестокая до несправедливости. Время даетъ себя знать; исторія, подобно галереѣ, въ которой собраны всѣ портреты предковъ: каждое поколѣніе выставляетъ тамъ на показъ похожаго на себя предка и оставляетъ въ тѣни тѣ изображенія, гдѣ оно не узнаетъ себя болѣе. Назовите мнѣ тѣ имена, которыя вы уважаете въ прошедшемъ, и я вамъ скажу какіе въ вашемъ сердцѣ находятся пороки или добродѣтели.

Эта перемѣна мыслей произошла очень недавно, и я не думаю, чтобъ она восходила дальше Токвиля. Не нужно забывать того эфекта, который 25 лѣтъ тому назадъ произвело его сочиненіе *„О Демократіи въ Америкѣ“*. Сочиненіе это обязано своимъ успѣхомъ не только таланту автора и новости предмета, но и тому, что въ сюжетѣ его видѣли существованіе общества, которому принадлежитъ будущее. Токвиль, болѣе нежели кто другой, имѣлъ это предчувствіе. Будучи дворянскаго происхожденія, имѣя изящныя наклонности, онъ не чувствовалъ никакой слабости къ толпѣ, скажу болѣе — онъ боялся демократіи; и, между тѣмъ, его влекла къ ней какая-то неизъяснимая прелесть; это объясняется тѣмъ, что древняя аристократія и амери-

канская демократія имѣютъ одинъ общій пунктъ сходства: величіе человѣка.

Странная вещь! Токвиль не умѣлъ отдѣлаться отъ того чувства, которое безпокоило его. Причину чудеснаго зрѣлища, представившаго его глазамъ, онъ поочередно ищетъ во вліяніи расы, страны, вѣрованій, воспитанія и учрежденій, тогда какъ одинъ и тотъ же принципъ, одинъ и тотъ же законъ объясняетъ все. Въ Америкѣ все отправляется отъ индивидуума, а въ нашей старой Европѣ все исходитъ отъ государства. Тамъ, общество, вышедшее изъ пуританской церкви, знаетъ только человѣка, и оставляетъ на его попеченіе какъ жизнь, такъ и совѣсть; здѣсь же мы заключены въ узкомъ и измѣнчивомъ кругѣ, который около насъ власть начерчиваетъ. Разъ признавши эту истину, все становится яснымъ въ мнимомъ неустройствѣ Америки; тутъ-то и нужно искать настоящаго порядка, того порядка, который порождается общностью идей и взаимнымъ уваженіемъ индивидуальной свободы. Во Франціи съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ указываютъ на безпорядки, существующіе въ городѣ безъ полиціи, какъ напр. въ Нью-Йоркѣ, или на жестокости нѣсколькихъ плантаторовъ, затерянныхъ въ пустыняхъ юга; но вѣдь о странѣ нужно судитъ по всей совокупности происходящихъ въ ней явленій. Гдѣ жизнь болѣе сильна, а прогресъ очевиднѣе? Съ правильными и искуственными пріемами, что основала Франція въ Ал-

жирѣ за тридцать лѣтъ? А посмотрите, напротивъ, что сдѣлала въ нѣсколько лѣтъ горсть американцевъ, собранныхъ вмѣстѣ случаемъ на пустынныхъ берегахъ Калифорніи.

Между тѣмъ, какъ Токвиль искалъ ощупью законъ новѣйшей цивилизаціи, замѣчательный моралистъ, Чанингъ, сдѣлалъ блескъ его яснымъ для всѣхъ. Чанингъ отправлялся отъ евангелія. Онъ показалъ, что христіанство, по самой сущности своей, есть религія чисто индивидуальная; но онъ пошелъ еще дальше: онъ провозгласилъ, что если міръ желаетъ избѣгнуть паденія, то ему необходимо напитать духомъ христіанства нравы свои и учрежденія. Прочитайте то, что онъ писалъ противъ рабства и войны, и вы почувствуете, что новѣйшая политика найдена; чтобы достигнуть ей торжество, нужно только немного вѣры и энергіи.

Послѣднее сочиненіе Токвиля, «*Старый порядокъ и Революція*», есть одна изъ самыхъ живыхъ атакъ противъ централизаціи. Доказать, что эта слишкомъ превознесенная администрація есть просто даръ, завѣщанный монархіею, а вовсе не завоеваніе революціи, значило разрушить пагубный предразсудокъ и лишить централизацію той популярности, которая ей покровительствовала. Ударъ нанесенъ; теперь партизаны централизаціи доведены до необходимости защищаться противъ безпрестанно повторяющихся приступовъ на нее. Положеніе очень трудно, ког-

да мѣсто слабо; можно предвидѣть, что вскорѣ нужно будетъ уступить общественному мнѣнію; нельзя долго держать въ опекѣ народъ, который чувствуетъ себя совершеннолѣтнимъ и хочетъ пользоваться своими правами. . . . .

На ряду съ Токвилемъ можно поставить Жюля Симона. Его сочиненіе *„О Свободѣ"* имѣетъ огромную заслугу въ отношеніи полноты; нравственность, исторія, юриспруденція, взгляды на будущее—все въ немъ находится; этимъ сочиненіемъ можно хорошо измѣрить, какъ пройденный уже нами путь, такъ и остающійся еще. Единственный упрекъ, который можно бы сдѣлать Симону, это тотъ, что его первые принципы не такъ ясны, какъ принципы Милля или Этвеша. Если вы мнѣ говорите, что совѣсть, мысль, воля, дѣятельность, суть вещи индивидуальныя, и что государство можетъ касаться ихъ только въ томъ случаѣ, если онѣ посягаютъ на свободу другихъ, то эта идея прямо входитъ въ мой разсудокъ. Какъ только администрація становится на мое мѣсто, я вижу въ этомъ узурпацію. Если-же, напротивъ, мнѣ толкуютъ, какъ это дѣлаетъ Симонъ, о естественномъ законѣ, который долженъ управлять обществомъ, я уже не вижу такъ ясно, какъ въ предъидущемъ случаѣ, на что я могу претендовать, ибо каждый по своему понимаетъ этотъ естественный законъ. Кто помѣшаетъ государству объявить себя его толкователемъ и исполнителемъ? Не такимъ-ли образомъ

обратили религію въ орудіе деспотизма и заставили ее служить въ угоду правительствамъ?

Не болѣе того мнѣ нравится, когда мнѣ говорятъ, что „права государства, порождаясь единственно соціальной необходимостью, должны быть строго измѣряемы этой необходимостью; такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ необходимость эта уменьшается съ успѣхами цивилизаціи, на обязанности государства лежитъ соотвѣтственно — уменьшать свою собственную дѣятельность и давать болѣе мѣста свободѣ. Другими словами: въ теоріи человѣкъ имѣетъ право наивозможно большей свободы, но въ дѣйствительности право существуетъ для него по мѣрѣ его способности къ нему.“ Если моя способность быть свободнымъ служитъ свободнымъ мѣриломъ моего права, и если судьей этой способности является государство, то мнѣ долго придется ожидать полученія независимости. Государство подобно опекунамъ и отцамъ: тѣ, которыхъ оно воспитало, остаются всегда для него дѣтьми; насъ заставляютъ состарѣться въ вѣчномъ малолѣтствѣ. Вотъ уже тридцать лѣтъ, всякій разъ, какъ начинаютъ требовать свободы, я слышу всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: государство ничего болѣе не желаетъ, какъ даровать ее, но народъ еще не созрѣлъ. Нужно ожидать той мудрости, которая никогда не приходитъ. Это же самое говорили неграмъ, для того чтобы не освободить ихъ. Во сколько разъ справедливѣе и истиннѣе доктрина Милля и Этвеша!

Она справедливѣе, потому что, заключая государство въ его необходимыхъ предѣлахъ, она покончиваетъ съ вредной опекой; истиннѣе, потому что то положеніе ложно, будто успѣхи цивилизаціи уменьшаютъ дѣятельность государства. И мы въ этомъ смыслимъ кое-что. По мѣрѣ того, какъ людскія отношенія развиваются и усложняются, трудъ правительства неизбѣжно становится болѣе значительнымъ; все дѣло въ томъ, чтобъ это увеличеніе происходило не выходя изъ сферы государства. Жизнь народовъ не есть постоянное количество, которое не можетъ быть увеличено съ одной стороны, если съ другой соотвѣтственно не уменьшено, — это сила, возрастающая неопредѣленно; не нужно особеннаго труда, чтобы понять, что въ передовой цивилизаціи народъ очень свободенъ, а правительство очень занято.

Между тѣмъ, какъ такой политическій философъ, какъ Жюль Симонъ, собираетъ въ одинъ пукъ всѣ вольности и показываетъ намъ общую связь, ихъ соединяющую, публицисты съ менѣе широкими взглядами, сражаются отдѣльно за каждое изъ этихъ правъ. Тутъ усилія различны, неравны, которыя, даже самымъ своимъ разнообразіемъ, даютъ намъ точное указаніе общественнаго мнѣнія.

Но замѣчательнѣе всего то, что уже не говорятъ болѣе о политическихъ правахъ. Я указываю лишь на этотъ фактъ, не вдаваясь въ его сужденіе. Тридцать

лѣтъ тому назадъ трудно было найдти хорошо образованнаго человѣка, который бы не сочинилъ своей конституціи. Очередными вопросами дня были: естественная сущность королевской власти, право мира и войны, инициатива палатъ, отвѣтственность министровъ и правительственныхъ дѣятелей, административная юрисдикція; нынѣ-же подобныя разсужденія не имѣютъ никакого отголоска. Этому равнодушію можно найдти много причинъ, но одна изъ нихъ особенно поражаетъ меня: мы испытали такъ много обмановъ, что теперь даемъ малую цѣну политическимъ теоріямъ. Мы инстинктивно чувствуемъ, что при двухъ палатахъ, прессѣ и трибунѣ—народъ всегда будетъ свободенъ, если народный духъ жизненъ, если общественное мнѣніе активно; мы также чувствуемъ, что депутаты и журналы не послужатъ ни къ чему такому народу, который отказывается отъ самаго себя и не имѣетъ болѣе склонности къ свободѣ.

И такъ, теперь больше не пристращаются къ этимъ политическимъ гарантіямъ, которыя, между тѣмъ, заслуживаютъ вполнѣ интереса со стороны гражданина, и часъ которыхъ еще разъ прійдетъ; за то, теперь болѣе чѣмъ прежде озабочиваются гражданскими и индивидуальными правами, тѣми правами, которыя имѣютъ самую тѣсную связь съ нашею вседневною жизнью. Такимъ образомъ, безъ всякаго условнаго соглашенія, пришли къ разбору, одна за другой, тѣхъ проблемъ, которыми занимались Милль и Этвешъ.

Между всѣми этими правами съ наибольшей живостью требуютъ религіозной свободы. Тридцать лѣтъ прошло съ того времени, когда Винетъ требовалъ политическаго раздѣленія церкви и государства, а Самуилъ Винцентъ излагалъ свои глубокія взгляды на *французскій протестантизмъ*, и тогда голосъ ихъ терялся въ пустынѣ; теперь совсѣмъ другое, теперь каждый слушаетъ де-Пресансé, Жюля Симона и Парадоля; всѣ сознаютъ, что находятся въ переходномъ состояніи, и вслѣдствіе того въ ложномъ положеніи. Хотятъ покончить съ остатками системы, ниспроверженной революціей. Прежде, когда церковь и государство были соединены настоящимъ брачнымъ союзомъ, когда король Франціи былъ священное лицо, помазанникъ божій, старшій сынъ католической церкви, понятно, что религія была поддержкой королевской власти, и что королевская власть защищала религію. Это было заблужденіе, но заблужденіе логическое. Когда же духъ правительства становится свѣтскимъ, мірскимъ, то законъ дѣлается индеферентнымъ по отношенію къ религіи. Чѣмъ другимъ можетъ быть покровительство, которымъ покрываютъ всѣ эти различныя церкви, какъ не административнымъ рабствомъ? Для государства такой порядокъ невыгоденъ: своимъ вмѣшательствомъ оно ободряетъ притязанія, которыхъ не можетъ удовлетворить, и заваливаетъ себя затрудненіями, которыхъ не можетъ избѣжать. Взгляните на разнообраз-

ныя движенія и жгучія страсти, возбуждаемыя итальянскими дѣлами. Внутри еще болѣе неудобствъ: законы не согласуются болѣе съ великимъ принципомъ религіозной свободы, который составляетъ славу новѣйшихъ временъ. И протестанты, и католики отстаютъ отъ утвержденной церкви и соединяются для того, чтобы вмѣстѣ читать евангеліе. Ихъ ведутъ въ исправительную полицію за такое дѣйствіе, которое законъ называетъ именемъ проступка, а всякій честный человѣкъ уважаетъ. Осужденная судомъ, получившая всепрощеніе отъ общества, новая церковь снова начинаетъ свои соединенія: заключаютъ въ тюрьму и пасторовъ, и вѣрныхъ. При этомъ соблазнѣ, народный духъ пробуждается, и когда мнимо-виновные проигрываютъ свой процессъ, правительство даритъ имъ позволеніе, котораго они напрасно добивались. Кто же выигрываетъ отъ такого образа дѣйствій? Религія, магистратура, власть? Не проще-ли и справедливѣе было бы оставить каждаго хозяиномъ своей вѣры, довѣривъ попеченію юстиціи наказаніе тѣхъ, которые, что однакожъ невозможно, устроили мнимую церковь, чтобы скрыть въ ней политическій клубъ. По истинѣ, подобная реформа не ослабила-бы нисколько государства, и, тѣмъ не менѣе, имѣла бы громадную важность. Не знаютъ, до какой степени религія управляетъ и господствуетъ надъ всѣми нашими идеями. Сколько бы падшей ее не считали, она все-таки царица нашихъ душъ, и чтобы снова

вступить въ полное обладаніе ими, ей нужна только свобода. Сверхъ того, эта эмансипація была бы полезна не только для однихъ христіанъ: признавши за вѣрными право собираться и соединяться, какъ отказали бы въ этомъ правѣ всѣмъ гражданамъ?

Свобода собраній и ассоціацій неизвѣстна во Франціи, и до такой степени неизвѣстна, что объ ней едва думаютъ. Послѣ кратковременнаго своего существованія, она была уничтожена въ послѣднее царствованіе суровымъ закономъ, который не долженъ былъ бы пережить обстоятельства. Гизо, въ одномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ, гдѣ онъ строго осуждаетъ самого себя, сожалѣетъ, что безконечно опутали одно изъ драгоцѣннѣйшихъ гражданскихъ правъ, одно изъ существеннѣйшихъ условій новѣйшей цивилизаціи. Достаточно взглянуть на Англію, чтобъ увидѣть какія чудеса производитъ ассоціація. Это сила свободныхъ странъ; она болѣе, чѣмъ все остальное, содѣйствуетъ сдерживанью государства въ его предѣлахъ, заставляя общество добровольно дѣлать то, что администрація дѣлаетъ безъ насъ, иногда вопреки намъ и всегда на наши деньги. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, ассоціація удовлетворяетъ всему. Религія, воспитаніе, словесность, науки, искуства, богадѣльни, благотворительныя учрежденія, сберегательныя кассы, страховыя общества, банки, желѣзныя дороги, промышленность, мореплаваніе, — все это живетъ и процвѣтаетъ свободными усиліями граж-

данъ. Видно-ли, чтобы церкви тамъ были малочисленнѣе и беднѣе, миссіонерство менѣе пламенно, благотворительность менѣе дѣятельна, и духъ предпріятія менѣе распространенъ? Противники централизаціи и не думаютъ ослаблять то, что я называю соціальнымъ дѣломъ; напротивъ, они желаютъ его укрѣпить и возвеличить. Требуя, чтобы власть дѣйствовала меньше, они хорошо понимаютъ, что тогда общество будетъ дѣйствовать больше.

Франція, скажутъ мнѣ, привыкла полагаться во всемъ на государство: я это знаю, въ этомъ наша слабость. Но подъ предлогомъ дурнаго воспитанія, которое намъ дали, и печальныхъ привычекъ, которыя намъ внушили, все-таки не слѣдуетъ объявлять насъ неспособными. Компаніи желѣзныхъ дорогъ и пароходства имѣли же успѣхъ, общество взаимнаго вспоможенія въ полномъ ходу; мы никогда не пренебрегали свободой, если намъ предоставляли ее. Положиться на нашу страну можно было-бы нѣсколько и болѣе. Государство, скажутъ намъ, никогда не отказываетъ въ своемъ позволеніи тому, что хорошо, честно, и разумно; пусть такъ, но все-таки это опека и, притомъ, опека, которую ничто не оправдываетъ. Для того, чтобы просвѣщать своихъ согражданъ или служить имъ, чтобъ основать школу, богадѣльню или церковь, чтобъ издержать на собственный рискъ свое богатство, мнѣ нужно добиваться дозволенія канцелярій и склоняться предъ ихъ

предразсудками. И я буду еще очень счастливъ, если послѣ тысячи отсрочекъ и заботъ мнѣ дозволятъ, какъ милость, то, что мнѣ принадлежитъ какъ право. Администрація, присовокупляютъ они, состоитъ изъ людей талантливыхъ, воодушевленныхъ наилучшими намѣреніями; соглашаемся и съ этимъ; но, не говоря уже о томъ, что они не непогрѣшимы, и что ихъ предшесвенники ошибались не разъ, уже болѣе двадцати вѣковъ тому назадъ древніе опредѣляли свободу, какъ такое управленіе, гдѣ повинуются не человѣку, а законамъ.

Католики, нападая на монополію университета, кончили тѣмъ, что повредили ему. Во время монархіи 1830 г., ихъ притязаніямъ сопротивлялись; въ этомъ видѣли маневръ партіи и, что случается не рѣдко во Франціи, отвергнули свободу, изъ боязни, чтобъ ею не пользовался кто-либо другой, кромѣ друзей. Если бы палаты имѣли болѣе довѣрія къ странѣ, то Гизо докончилъ бы реформу, которую онъ такъ счастливо началъ; мы пользовались-бы въ настоящее время такими учрежденіями, которыя были бы намъ чрезвычайно необходимы, хотя общественное мнѣніе совсѣмъ не обращаетъ на нихъ вниманія. Мы не имѣемъ вѣдь ни малѣйшаго понятія о томъ, чѣмъ должно быть высшее преподаваніе у цивилизованнаго народа, а, между тѣмъ, поколѣнію, которое современемъ будетъ управлять дѣлами, приходится черпать широкія и здоровыя идеи въ

нашихъ факультетахъ. Заключается-ли какая-либо политическая опасность въ эмансипаціи профессоровъ и студентовъ? Бельгія предоставила же духовенству основать свободный университетъ въ Лувенѣ (Louvain), а либераламъ другой — въ Брюсселѣ: видно-ли, чтобы духъ безпорядка царствовалъ у нашихъ дверей? Въ Германіи профессоръ вдесятеро независимѣе, чѣмъ во Франціи: тамъ обо всемъ говорятъ съ удивительною смѣлостью. Каковъ же результатъ этого мнимаго своевольства? Тотъ, что, благодаря ему, Германія до сихъ поръ не имѣетъ той политической свободы, потребность которой волнуетъ ее съ 1815 года; правда, въ университетахъ постоянная революція, но то, что они ниспровергаютъ тамъ, не суть правительства, а философскія системы. Когда же минуется первый бурный періодъ юношества, въ дѣйствительную жизнь вступаютъ съ склонностью къ наукѣ и съ любовью къ отечеству. Но то ли самое выносимъ мы изъ нашихъ учебныхъ заведеній, такъ старательно регламентированныхъ?

Свобода печати есть одно изъ тѣхъ завоеваній, которымъ обязана Франція хартіи 1830 года, и это одна изъ величайшихъ причинъ французскаго вліянія въ Европѣ. Благодаря ясности французскаго языка, таланту писателей, наши идеи вкрадываются въ правительства, наиболѣе насъ боящіяся, въ народы, наименѣе намъ сочувствующіе. Но свобода печати дотолѣ останется не полной, пока не будетъ существовать полнѣйшая свобода

журналистики. Я знаю, что журналистику отличаютъ отъ прочей литературы и что изъ нея дѣлаютъ родъ политическаго орудія, привилегированный органъ, монополію, уступаемую государствомъ, и которую оно имѣетъ право регулировать. Это до такой степени замысловатыя и тонкія теоріи, что достоинство ихъ не дается моему простому пониманію, ускользаетъ отъ меня, и я не вижу въ нихъ ничего другаго, какъ только ложь и гибель. Журналъ для новѣйшихъ народовъ тоже, что для древнихъ былъ forum, публичное мѣсто, гдѣ каждый имѣетъ право предлагать свои идеи и высказывать свои жалобы. Если журналъ бываетъ не такимъ, то это уже не по его винѣ, а по винѣ ревнивыхъ законовъ, которые въ теченіе тридцати лѣтъ дозволяли только полу-свободу. Введеніе штемпельнаго налога, залоговъ, административнаго разрѣшенія, предостереженій, привилегіи издателей и типографовъ, уменьшивъ число журналовъ, не привело-ли къ тому, что заставляло всѣ партіи соединиться вокругъ небольшаго числа знаменъ? Имъ нужно позабыть свои междоусобныя распри, уничтожить всѣ раздѣляющіе ихъ оттѣнки, принять одно общее направленіе, надѣть одну кокарду, получать приказанія отъ одного лица, словомъ, дѣйствовать подобно арміи. Эта дисциплина, это единство, устрашающее государство, устроены имъ же самимъ. Государство пугается въ журналистикѣ той искуственной силы, которую оно же само создало.

Въ Англіи, гдѣ пресса совершенно свободна, раздѣленія ея безконечны. Это не то, впрочемъ, что одна партія, имѣющая свой одинъ органъ,—эта каждая изъ маленькихъ церквей, которыя по имени принадлежатъ къ той же партіи. Нѣтъ ни одного религіознаго, политическаго или литературнаго оттѣнка, который не имѣлъ бы у себя представителемъ журнала. Что же выходитъ изъ того? То, что пресса тамъ не есть политическая сила. Газета „Times“ ни создаетъ, ни разрушаетъ министерства, а между тѣмъ, печать болѣе чѣмъ четвертая власть въ государствѣ, это голосъ самаго общественнаго мнѣнія, который правительству всегда необходимо слушать. Каждое утро тысячи печатныхъ листовъ возвѣщаютъ всей Англіи то, что думаютъ, чего хочетъ, что дѣлаетъ, отъ чего страдаетъ самый младшій изъ ея дѣтей. Это самая лучшая полиція, которая притомъ ничего не стоитъ; это вообще даровое воспитаніе, гарантія всѣхъ правъ, и притомъ такая, которую ничто не можетъ замѣнить; короче, это дѣйствительно свобода. Тоже самое представляютъ намъ Соединенные Штаты. И тогда, какъ во Франціи журналистика образуетъ общественное мнѣніе, и слѣдовательно есть сила, на которую нельзя не обратить вниманія, въ Америкѣ общественное мнѣніе образуетъ журналистику, и журналъ самъ по себѣ ничего не значитъ. Такъ будетъ вездѣ, гдѣ за небольшую плату каждый гражданинъ въ состояніи будетъ свободно обращаться

къ публикѣ. Впрочемъ, я избѣгаю касаться горячихъ сторонъ вопроса, но было бы легко доказать, съ исторіей въ рукахъ, что свободная печать есть сила для государства, между тѣмъ какъ пресса, подчиняющаяся администраціи, компрометируетъ государство въ глазахъ другихъ, и печать остается безполезной. Она обманываетъ правительство и упояетъ его, но не обманываетъ она публику. Когда-же наконецъ мы поймемъ, что истина въ отношеніи къ разуму тоже, что свобода для человѣческой дѣятельности? Все, что давитъ ее, ослабляетъ человѣка, а то, что ослабляетъ гражданина, не можетъ укрѣпить государство.

Индивидуальная свобода была предметомъ страстнаго одушевленія нашихъ отцовъ, теперь же ею занимаются почти одни только правовѣды; мы привыкли къ управленію, которое часто восхваляютъ, какъ одно изъ завоеваній революціи. Почтенный характеръ нашихъ судей, ихъ мягкость, которую я не слишкомъ-то одобряю, снисходительность, а иногда и слабость присяжныхъ, къ счастью, скрываютъ отъ насъ недостатки нашихъ уголовныхъ законовъ. А духъ этихъ законовъ все тотъ-же старый духъ инквизиціи: они болѣе ищутъ виновныхъ, чѣмъ невинныхъ. Предупредительное заключеніе въ тюрьму имѣетъ въ нихъ широкое мѣсто, а тайное слѣдствіе лишаетъ подсудимаго всякихъ гарантій, за исключеніемъ честности и просвѣщенія судьи. Въ ассизномъ судѣ — президентъ единственное лицо,

управляющее допросомъ подсудимыхъ и свидѣтелей; онъ, посредствомъ доклада процесса, держитъ въ своихъ рукахъ обвиняемаго; все это прямо противуположно англійскимъ и американскимъ законамъ. Тамъ доставляютъ подсудимому свободу, подъ условіемъ поручительства, тамъ даютъ публичность всѣмъ частямъ уголовной процедуры, изъ президента ассизнаго суда дѣлаютъ покровителя обвиняемаго. Въ Англіи нѣтъ ни одного обвиняемаго, который могъ-бы пожаловаться на учрежденія или на людей; если онъ падаетъ, то подъ тяжестью собственнаго проступка. Какъ было-бы желательно, чтобъ общественное мнѣніе еще разъ воодушевилось, какъ нѣкогда оно уже воодушевлялось этими великими реформами! Судьи, я въ этомъ увѣренъ, присоединились бы къ нимъ охотно; государство ничего непотерялобъ отъ нихъ въ своемъ могуществѣ, ибо тріумфъ правосудія и гуманности есть въ тоже время и его тріумфъ.

Говорить-ли мнѣ о промышленной и торговой свободѣ? Особенной надобности не имѣется: дѣло это уже выиграно. Изъ всѣхъ видовъ индивидуальной свободы, этотъ видъ лучше всего понимается государствомъ. Финансовый интересъ сдѣлалъ его ясновидящимъ. Теперь наконецъ познали ту истину, что богатство частныхъ людей составляетъ богатство націи, и что это богатство всегда пропорціонально свободѣ. Венеція, Голландія, Англія представляютъ намъ разительные примѣры этой

истины. А сколько времени нужно было, чтобы придти къ ней! Въ теченіи скольвихъ вѣковъ администрація, ослѣпляемая собственной мудростью, смотрѣла на человѣка, какъ на неспособнаго безъ помочей шагу ступить! Сколько издано было правилъ, которыхъ наименьшій порокъ заключался въ ихъ безполезности! Были во Франціи законы, касавшіеся и земледѣлія, и фабричной промышленности, и мореплаванія; ничего-то не оставила въ покоѣ несчастная ревность королей и ихъ совѣтниковъ. Съ полнѣйшимъ добродушіемъ и искреннѣйшею любовью къ добру увѣковѣчивали они невѣжество, рутину, нищету. Но, наконецъ, извнѣ пришелъ къ намъ свѣтъ и озарилъ насъ. Поняли, что ни знаніе, ни искуство администраціи, не могутъ стать, въ дѣлѣ промышленности и торговли, выше частнаго интереса; мнимый безпорядокъ, устрашавшій нашихъ отцовъ признанъ болѣе плодотворнымъ, чѣмъ безплодное однообразіе, которымъ восхищалось благоразуміе государственныхъ людей. Великій урокъ, и жаль, что не имѣли на столько храбрости послѣдовать принципу, имѣющему приложеніе и не въ одной промышленности. Воздадимъ же должную дань справедливости французскимъ экономистамъ: Дюнуайе (Dunoyer), Мишелю Шевалье, Пасси, Воловскому и Бодрильяру; всѣ они сознавали, что политическая экономія есть не столько наука о богатствѣ, сколько наука о человѣческой дѣятельности: самая богатая страна та, которая больше трудится и больше

производитъ. Вслѣдствіе этого, они связали политическую экономію съ нравственными науками, а свободу промышленную со всѣми прочими видами свободы. Можетъ ли что нибудь представлять для государства большій интересъ, какъ народное пропитаніе? Не дрожалъ ли Тиверій, этотъ единственный владыка всего міра, при одной мысли, что одинъ день запозданія его флота изъ Александріи можетъ ниспровергнуть имперію и испепелить Римъ? А у нашей древней Франціи не было-ли самой жгучей заботой постоянное бдѣніе надъ этой трудной задачей? [1]). Не она-ли была одной изъ тѣхъ, которыя наиболѣе занимали Конвентъ? Съ какихъ же поръ перестали бояться голода, какъ не съ тѣхъ, когда государство представляло эту затруднительную заботу частной промышленности? Съ того дня, какъ власть перестала вмѣшиваться въ это дѣло, вопросъ былъ разрѣшенъ. Но, если граждане способны сами, безъ вмѣшательства государства, прокармливать себя, то почему бы они могли быть менѣе способны сами познать Бога, которому они покланяются, богослуженіе, которое бы болѣе всего соотвѣтствовало потребностямъ ихъ души, и истину, которая просвѣтила бы ихъ разумъ? Страдаетъ ли хоть сколько нибудь религія въ Соединенныхъ Штатахъ, потухло-ли знаніе въ Германіи, менѣе-ли мудро общественное мнѣніе въ Англіи, чѣмъ на кон-

[1]) См. двѣ превосходныя статьи Шарля Луандра о *Народномъ пропитаніи во время древней монархіи.* Magasin de Librairie, т. X и XI.

тинентѣ? Когда же, наконецъ, будемъ имѣть мы вѣру въ человѣчество?

Давно уже требуютъ муниципальной свободы, въ которой Франція сильно нуждается. По отношенію къ этой свободѣ, я совершенно схожусь съ Этвешемъ, и думаю, что здѣсь имѣются два элемента въ виду одинъ другаго, которые часто смѣшиваются и партизанами и противниками централизаціи. Нападаютъ и защищаются на дурно опредѣленной почвѣ.

Будучи убѣжденъ въ томъ, что во имя самаго интереса свободы нужно дать государству энергическую власть, и въ томъ, что эта власть можетъ существовать только при условіи централизаціи, я нахожу, что намъ невозможно возвратиться къ средневѣковымъ муниципальнымъ идеямъ. Необходимо, чтобы политическая дѣятельность правительства доходила до самой послѣдней общины; ничто не должно ослаблять того единства, которое составляетъ силу и величіе Франціи, но политическое единство и административное однообразіе — вещи совершенно различныя. Обременять государство заботами о мѣстныхъ дѣлахъ, заваливать его вопросами, которые вовсе не касаются его и могутъ обсуждаемы только на мѣстѣ, значитъ ослаблять его, обязывая его въ тоже время безполезной отвѣтственностью. Измѣнить этотъ порядокъ—реформа возможная, требуемая всѣми мнѣніями, и настолько же полезная самому правительству, насколько и гражданамъ.

Та истина, что община есть школа свободы, стала въ настоящее время тривіальной, а въ этой школѣ формируются практическіе умы, въ ней вблизи можно увидѣть каковы тѣ дѣла, которыхъ условія и трудности извѣстны. Тамъ живутъ вмѣстѣ съ своими согражданами, привязываются къ своему маленькому отечеству и научаются любить великое, тамъ достойно удовлетворяется законное честолюбіе. Достаточно сорока тысячъ муниципалитетовъ, чтобы заинтересовать дѣлами общины двѣсти тысячъ человѣкъ; ими вполнѣ можно былобъ удовлетворить той потребности политической дѣятельности, которая волнуетъ пламенныя души и благородныя сердца. Теперь эти люди приходятъ въ Парижъ и теряются тамъ или производятъ безпорядки, а въ своихъ маленькихъ городкахъ они были бы почтенными мэрами или полезными совѣтниками.

Что же приводятъ въ опроверженіе этой реформы? А то, что общины будутъ сосредоточіями революціи. Совершенно напрасная боязнь; революціи производились соединеніемъ вмѣстѣ всѣхъ недовольныхъ. Вотъ почему централизованныя страны наиболѣе подвержены возмущеніямъ и смѣлымъ поступкамъ. Тамъ же, гдѣ сильна муниципальная жизнь, тамъ никогда не бываетъ этихъ ужасныхъ болѣзней. Не долженъ-ли этотъ фактъ служить хорошимъ урокомъ? Раздѣлять для того, чтобы владычествовать—принципъ гнусный, когда онъ примѣняется къ дурнымъ страстямъ людей; раздѣлять же

интересы, то есть удовлетворять ихъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ и держать въ своихъ рукахъ только политическую верховную власть, это, напротивъ, принципъ превосходный. Имъ-то объясняется сила и прочность британскихъ учрежденій. Въ глазахъ француза, съ дѣтства напитаннаго предразсудками, что можетъ быть слабѣе этой англійской королевской власти, дѣятельность которой едва чувствуется? Но въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя, что можетъ быть сильнѣе этой власти, которая ничего собой не стѣсняетъ? Стражъ народныхъ правъ, поддерживаемая разумной любовью всѣхъ тѣхъ, которые пользуются этими правами, власть эта есть вся страна. Она можетъ начать войну или какую угодно реформу, безъ всякаго опасенія, что общественное мнѣніе покинетъ ее, или, что по ея стонамъ вспыхнетъ возмущеніе. На континентѣ же, централизація есть нѣчто въ родѣ сословія, я готовъ даже сказать въ родѣ арміи, которая имѣетъ свой особенный духъ и интересы; она имѣетъ свои законы, свои суды, привилегіи, ставящіе ее внѣ и выше общаго права; она также имѣетъ своими врагами всѣхъ тѣхъ, которыхъ стѣсняетъ или оскорбляетъ малѣйшій изъ ея агентовъ; такъ, когда полевая стража поступаетъ съ нами несправедливо, мы обвиняемъ въ этомъ государство. Въ Англіи можно жаловаться на чиновника, какъ бы значителенъ или незначителенъ онъ ни былъ, его можно привлечь къ суду, но на судѣ и ос-

танавливается жалоба и непріязнь государство, не принимавшее никакого участія въ преступномъ актѣ, не отвѣтственно даже въ глазахъ тѣхъ, которые страдаютъ отъ этого дѣйствія. Гдѣ-же тутъ зерно революціи?

Но наши противники пріискиваютъ другое основаніе, уже не политическаго свойства: общины, говорятъ они, будутъ дурно управляемы, онѣ разорятся. Это вѣчный отвѣтъ администраціи на всѣ требованія независимости, но вѣчно изобличаемый во лжи фактами. Если бы государство вмѣшивалось въ наши имущественныя дѣла, то можетъ быть нѣкоторымъ отъ этого и было бы хорошо; но сколькимъ было бы дурно, сколько бы разорились отъ этой ежеминутной опеки! Опять та же задача. Но предоставьте общинамъ и вообще каждому человѣку свободу соединяться, потому что эта самая свобода обогащаетъ ихъ; положитесь на ту могучую силу, отвѣтственность за которую поддерживаетъ человѣка во всѣхъ его благоразумныхъ дѣлахъ и гарантируетъ его отъ собственныхъ глупостей. Обратитесь къ исторіи и посмотрите—какія изъ странъ совершали болѣе великія дѣла и составляютъ славу цивилизаціи? Аѳины, Римъ, Венеція, Флоренція, Фландрія, Голландія, Швейцарія, Англія, Соединенные Штаты — все это страны муниципальныя, гдѣ община, предоставленная себѣ самой, всегда имѣла право разориться. Теперь посмотрите — какія изъ государствъ, не смотря на

свое наружное величіе, опустились, не имѣя возможности никогда подняться изъ своего паденія: Египетъ, Римская Имперія, Византія, Китай: всѣ они правительства безъ муниципальной жизни, государства централизованныя. Но или опытъ ложь, или нужно всегда приходить путемъ его къ свободѣ.

Сдѣлаемъ однако выводъ изъ нашей долгой работы.

Во всей Европѣ чувствуютъ теперь необходимость сильной власти; это гарантія независимости и свободы. Войско, флотъ, дипломатія, финансы, законодательство, отправленіе правосудія, высшая администрація, полиція, всѣ они составляютъ такую гарантію власти, внутри государства и внѣ его, что объ этомъ никто и не споритъ. Но всѣ свободные народы безъ сомнѣнія желаютъ также, чтобъ ихъ представители имѣли дѣйствительный контроль во всемъ, что касается администраціи, налоговъ и войны; потому что не смотря на долгія бѣдствія, мы до сихъ поръ не примирились съ абсолютною властью. Впрочемъ, контроль этотъ ни въ чемъ не ослабляетъ верховную власть государства. Въ самомъ дѣлѣ, разъ постановивъ, что все должно склоняться предъ высшей волей, ибо воля эта есть выраженіе цѣлой страны, мы видимъ, что народъ, обязавшись такимъ рѣшеніемъ, уже легко отдаетъ своего послѣдняго человѣка, свою послѣднюю копѣйку. И такъ, сила государства пропорціональна его свободѣ, а для

того, чтобъ уничтожить всякія сомнѣнія объ этомъ, достаточно бросить одинъ взглядъ на карту Европы.

Говоря это, мы въ тоже время сознали, что, желая дать государству наибольшую степень могущества, намъ не нужно обременять его ничѣмъ болѣе, кромѣ того, что оно непремѣнно должно дѣлать; поступать иначе, значитъ употреблять силы всѣхъ, для того чтобъ парализировать энергію каждаго, и разрушить то, что хотѣли возвысить. Отсюда выходитъ идея опредѣленія естественныхъ предѣловъ государства и заключенія его въ нихъ. Представитель народности и правосудія, не есть ли государство высочайшее и самое святое между человѣческими учрежденіями? Вѣдь это олицетвореніе отечества. Выходя же изъ своей области, государство становится тираніей, оно становится злотворнымъ, разорительнымъ и слабымъ; правда, ничто его не удерживаетъ, но за то ничто уже и не поддерживаетъ.

Какихъ же правъ гражданинъ можетъ требовать себѣ обратно? Мы ихъ перечисляли уже: это всѣ тѣ права, которыя имѣютъ предметомъ совѣсть, мысль и индивидуальную дѣятельность. „Ну, не велико же открытіе, скажутъ намъ; нѣтъ ни одной декларации правъ, которая не заключала бы въ себѣ всѣхъ этихъ правъ, вѣдь это принципы 1789 года." Правда, и это-то служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что всѣми нашими революціями мы всегда добивались *именно*

этихъ правъ; но да позволено будетъ прибавить, что всѣ конституціи только обѣщали ихъ намъ, и ни одна не дала ихъ. Это были великолѣпныя надписи на фронтонѣ зданія, но бога нѣтъ въ томъ храмѣ, который носитъ его имя, но на мѣстѣ его обожаютъ призракъ, ускользающій отъ насъ и насъ обманывающій: верховную власть.

Еще разъ, я не отрицаю дѣла нашихъ отцовъ, они искренно желали свободы, они вѣрили въ ея установленіе. Въ одномъ только я упрекаю ихъ: они съ дурной стороны пристали къ вопросу, и охватили его не весь, а только на половину. Я не нападаю ни на одну изъ конституціонныхъ гарантій, которыя были провозглашены пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я даже думаю, что нужно было идти дальше, и что, именно, безъ дѣйствительной отвѣтственности всѣхъ агентовъ власти, и безъ абсолютной независимости прессы, страна не можетъ вполнѣ обладать политической свободой; но я хотѣлъ бы дать этимъ гарантіямъ прочное основаніе, другими словами, я хотѣлъ бы, чтобъ эти гарантіи не были пустыми формами, и чтобъ онѣ покровительствовали долговѣчнымъ правамъ. Эти-то права и нужно установить. Если же частныя права укоренятся во французскихъ нравахъ, то конституція 1852 года обладаетъ достаточной эластичностью для того, чтобы согласиться со всѣмъ, что потребуетъ отъ нея общественное мнѣніе.

Но дать эти права странѣ, которая никогда ими не пользовалась, не будетъ ли это безпорядокъ? О, маловѣрные! Доказать, что никогда свобода, дарованная искренно и полно, не возмущала Францію, тогда какъ отказъ въ ней былъ причиной почти всѣхъ нашихъ бѣдствій, доказать это чрезвычайно легко. Въ чемъ же заключается это ужасное, что теперь требуютъ? Требуютъ ли анархіи, безнаказанности? Нѣтъ, требуютъ только, чтобы правосудіе замѣнило администрацію, чтобъ опека государства уступила отвѣтственности гражданина. Ссылаться на законы, увеличить магистратуру, какъ мнѣ кажется, значитъ дать общественному миру достаточную поруку. Говорятъ, что лучше предупреждать, чѣмъ укрощать, но это такой парадоксъ, которому нѣтъ теперь мѣста даже въ воспитаніи. Препятствовать добру, для того чтобы препятствовать злу, пригодно было для политики во времена ея дѣтства, и если бы слѣдовать этой звѣрской системѣ, то міръ остановился бы на другой день послѣ своего сотворенія. Нужно, напротивъ, останавливать зло и оставлять полную свободу добру. Развѣ это такъ трудно? Средство найдено давно и его все болѣе и болѣе прилагаютъ въ цивилизованныхъ обществахъ, это средство — отвѣтственность, серьезная отвѣтственность, которая, не останавливая честнаго человѣка, устрашаетъ злаго и, въ случаѣ нужды, поражаетъ его. Пускай эта отвѣтственность будетъ тяжела, пусть законъ будетъ жестокъ и

самый судъ суровъ, — ничего не значитъ: самый жестокій законъ всегда лучше самаго мягкаго произвола. Законъ извѣстенъ, онъ одинаковъ для всѣхъ, онъ оставляетъ гражданину независимость и достоинство, онъ не заставляетъ его интриговать, принуждать другихъ къ чему либо или дѣлать по волѣ другихъ. Вотъ въ чемъ кроется причина слабости либераловъ къ правосудію и ихъ нерасположенію къ администраціи. Свобода и юстиція — суть два нераздѣльные члена, онѣ взаимно предполагаютъ и требуютъ другъ друга: одна — есть право, другая — гарантія. Это двѣ стороны одной и той же медали, онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же центръ, одинъ и тотъ же радіусъ.

Насколько справедливо то, что въ настоящее время общественное мнѣніе, какъ бы слабо оно ни было, начинаетъ заботиться о всѣхъ этихъ индивидуальныхъ правахъ, предоставляемъ судить читателю. Что же до меня, простаго наблюдателя, то мнѣ кажется, что существуетъ какое-то пробужденіе общественнаго духа и, если я не ошибаюсь, это пробужденіе сопровождается поворотомъ въ указанную сторону. Въ продолженіи 12-ти лѣтъ ужъ успѣло выйдти на міровую сцену новое поколѣніе; это поколѣніе не имѣло нашихъ иллюзій и нашихъ омерзеній, болѣе того, оно не имѣетъ нашихъ сожалѣній и воспоминаній. Тридцатилѣтніе люди знаютъ теперь только по наслышкѣ о существованіи той трибуны, которая одушевляла ихъ отцовъ; я не знаю, что

они думаютъ о парламентарномъ правительствѣ, отъ котораго имъ пришлось увидѣть однѣ развалины. Но какихъ бы мыслей они ни были о прошедшемъ, одно несомнѣнно, что при полномъ развитіи цивилизаціи, въ обществѣ, живущемъ знаніемъ своимъ и трудомъ, невозможно, чтобъ эти новые люди не желали свободы. Текущія идеи и интересы дѣлаютъ изъ нея необходимость. Вчера съ восторгомъ привѣтствовали промышленную свободу, завтра потребуютъ свободы муниципальной. Религіозная жизнь повсюду оживляется, и неужели откажутся сломать этотъ остатокъ цѣпи, который столько же мѣшаетъ власти, сколько и гражданину? И если каждый съ своей стороны провозглашаетъ ту свободу, которая ею кажется, то пойдутъ-ли дальше, не замѣчая, что всѣ виды свободы держатся одинъ за другаго, и что общій интересъ требуетъ не отдѣлять ихъ? Возможна-ли большая промышленность, можно-ли затѣвать дѣла, требующія продолжительнато времени для ихъ совершенія, если пресса не имѣетъ возможности смѣло касаться политическихъ вопросовъ, контролировать расходы, подавать голосъ страны о мирѣ или войнѣ, порицать или защищать администрацію и ея проекты? Не влечетъ-ли за собой религіозная свобода свободы воспитанія? И что значатъ эти два вида свободы, если нѣтъ права собранія и ассоціаціи? Къ чему послужатъ они, если община не можетъ интересоваться ни церковью, ни школой? Чѣмъ дальше будутъ подви-

гаться на почвѣ практики, тѣмъ сильнѣе будутъ чувствовать сколько правъ былъ Милль, говоря, что вопросъ объ индивидуальныхъ правахъ лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ заботъ, что онъ жизненная задача будущаго.

Прибавьте къ этому, что народы солидарны между собой, и что никогда эта солидарность не была такъ очевидна, какъ въ наше время. Нѣтъ ни одного открытія въ наукѣ, промышленности, въ военномъ дѣлѣ морскомъ или сухопутномъ, которымъ бы тотчасъ же не позаимствовались цивилизованные народы: этой цѣной они покупаютъ свое величіе. Любить или ненавидѣть своихъ сосѣдей, все равно, нужно жить лишь общей жизнью и идти тѣмъ же шагомъ. Уединиться — одряхлѣть. Не то-ли же самое и съ свободой? Была-ли бы она такимъ орудіемъ, которымъ можно пренебрегать? Посмотрите, что происходитъ въ Австріи: тамъ государственные люди чувствуютъ то, что Наполеонъ справедливо называлъ безсиліемъ силы; для того, чтобъ защититься отъ подымающихся волнъ, Австрія призываетъ на помощь тѣ самыя учрежденія, которыя двѣнадцать лѣтъ тому назадъ она сама уничтожила, и которыя еще вчера она поносила въ своихъ офиціальныхъ и офиціозныхъ журналахъ. Сколькихъ жестокостей, бѣдствій и посрамленій можно былобъ избѣгнуть, еслибъ она раньше поняла то, что теперь требуютъ отъ нея во имя цивилизаціи!

Слѣдуетъ ли государству страшиться подобныхъ реформъ? Опираться на общій интересъ, охранять для себя общественную власть во всей ея полнотѣ, оставаться органомъ народной воли, но предоставить частнымъ интересамъ самимъ отыскивать себѣ удовлетвореніе, котораго не дастъ имъ никогда самая мудрая администрація, неужели государство не можетъ признавать этой программы? Близорукая-ли это политика или политика будущаго? Во Франціи, когда говорятъ о свободѣ, каждый тотчасъ представляетъ себѣ то дикое божество, которое намъ рисуютъ съ краснымъ колпакомъ на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ; но не этого желали наши отцы, не этого мы требуемъ. Пусть каждый изъ насъ будетъ господиномъ своей мысли и своихъ поступковъ, отвѣчая за нихъ предъ судомъ; пусть дадутъ намъ участіе въ дѣлахъ общины, которыя суть наши дѣла; пусть дадутъ нашимъ представителямъ дѣйствительный контроль надъ общественными дѣлами — вотъ нашъ идеалъ, въ немъ нѣтъ ничего революціоннаго. Это идеалъ всѣхъ конституціонистовъ, начиная съ 1789 года, это то, чего желали Мирабо, Малуэ, Клермонъ-Тоннеръ, Ройе-Коларъ, Бенжамэнъ Констанъ, генералъ Фой, все то, что Франція любила, что уважала она? И неужели никогда не будетъ такого правительства, которое бы вняло этому глубокому и законному голосу? У насъ всегда была какая-то воинствен-

ная политика, такъ и кажется, что государство находится въ правильномъ поединкѣ съ партіями, страстямъ и идеямъ которыхъ оно выставляетъ противуположныя идеи и страсти, впрочемъ нѣтъ — это остервенѣлая битва, которая обыкновенно оканчивается общимъ разореніемъ сражающихся. Не такимъ образомъ устанавливаютъ прочное зданіе и обезпечиваютъ будущее. Оставьте партіямъ ихъ страсти, пользуйтесь ихъ идеями, если онѣ благородны и справедливы, и вы вскорѣ обезоружите и благородно побѣдите тѣхъ, которыхъ теперь боитесь. Отчего не выйдти на этотъ благодѣтельный путь и сдѣлать, наконецъ, изъ Франціи одинъ народъ, одну страну? *„Я всегда защищалъ свободу другихъ,“* говоритъ Бёркъ (Burke), и этимъ благороднымъ девизомъ не мѣшало-бы позаимствоваться всѣмъ государственнымъ людямъ. Спору нѣтъ, что прекрасно быть представителемъ въ мірѣ богатой и промышленной страны, героической арміи, могущественнаго флота, красивыхъ городовъ и блестящихъ памятниковъ; но есть нѣчто болѣе удивительное и болѣе великое, чѣмъ всѣ эти чудеса, — это сила, ихъ производящая.... Сила эта, которую нельзя слишкомъ беречь, (въ этомъ-то и заключается весь секретъ политики), которой многія изъ правительствъ не признаютъ и пренебрегаютъ ею, эта сила есть личность человѣка, и если есть еще какая нибудь истина, которую доказываетъ наука и

провозглашаетъ исторія, то — что въ религіи и нравственности, въ политикѣ и промышленности, въ искуствахъ и наукахъ, человѣкъ безъ свободы ничего не значитъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

во Франціи наканунѣ первой революціи.

Взглянемъ теперь на исторію правленія и законодательства въ царствованіе Людовика XVI, со времени вступленія его на престолъ, въ 1764 г., до созванія états généraux въ 1788 г., т. е. до событій, предшествовавшихъ революціи.

Эпоха эта чрезвычайно любопытна, хотя революція и отодвинула ее на второй планъ, заставивъ забыть великодушныя попытки Людовика XVI для отвращенія приближавшейся грозы.

Первыя провинціальныя собранія, уничтоженіе пытки, преобразованіе системы налоговъ, возвращеніе гражданскихъ правъ протестантамъ, и проч.. словомъ все, что совершили Тюрго и Неккеръ, заслуживаетъ большаго вниманія.

Часто повторяютъ, что революція была необходима. Но я не люблю этого слова *„необходимость“*, которое,

узаконяя прошедшее, въ тоже время какъ будто оправдываетъ могущее совершиться въ будущемъ. Мнѣ кажется, что революція также необходима какъ и болѣзнь. Нужно, слѣдовательно, тщательно изучать прошедшее зло, для того чтобы предупредить его наступленіе въ будущемъ.

Обзоромъ избраннаго нами времени занимались уже многіе историки, между которыми, на первомъ планѣ, за честность и скромность, слѣдуетъ помѣстить Дроза (Droz), автора „Исторіи Людовика XVI“. Но историки, и этого нельзя имъ поставить въ упрекъ, изучаютъ событія съ нравственной ихъ стороны и, очень часто, со стороны театральной; напротивъ, наша задача, задача юристовъ, совершенно другая, мы тоже занимаемся людьми, но, по преимуществу, изучаемъ ихъ дѣла.

Если учрежденія, которыя тогда предлагались, были хороши и могли предупредить грозу, мы ихъ похвалимъ; если же, напротивъ, они были только безсильными попытками, хотя бы и происходящими изъ честности монарха и добрыхъ намѣреній министровъ, мы ихъ осудимъ.

Между историческимъ методомъ оцѣнки событій и нашимъ существуетъ такая-же разница, какъ между взглядомъ поэта и анатома. Юристъ забывъ вражду и любовь, изучаетъ вещи для нихъ и въ нихъ самихъ, лекарство занимаетъ его болѣе, чѣмъ лекарь. Историкъ же смотритъ больше на актеровъ, чѣмъ на пьесу: если

найдетъ достойнаго человѣка, онъ его хвалитъ, если же попадется ему личность недостойная, онъ порицаетъ ее. Впрочемъ, я далекъ отъ того, чтобъ осуждать этотъ методъ, достоинства котораго болѣе нравственныя, чѣмъ поучающія: совѣсть, заставляя насъ исполнять наши обязанности, не всегда диктуетъ намъ въ чемъ онѣ заключаются, и вотъ почему мы очень часто ошибаемся, и, не смотря на честныя намѣренія, часто идемъ по ложной дорогѣ. Подвиги, совершенные подъ вліяніемъ благородныхъ побужденій, не мало надѣлали зла человѣческому роду. Подтвердимъ это примѣромъ. Когда Филиппъ II, движимый любовью къ католицизму, посылалъ на костеръ испанскихъ протестантовъ, одинъ изъ его старыхъ слугъ, виновный въ сочувствіи новымъ идеямъ, идя на смерть, приблизился къ королю и, показывая ему свои руки, изувѣченныя пыткою, сказалъ: „взгляни, король, какъ вознаграждаютъ усердіе твоихъ вѣрныхъ слугъ.„ Филиппъ, присутствовавшій при исполненіи казни, отвѣчалъ ему: „еслибъ и сынъ мой былъ отступникъ, я собственною рукою подкинулъ бы дровъ на костеръ.“ И вотъ, историкъ, который долженъ произнести судъ надъ подобными людьми, старается сбросить съ себя это тяжелое бремя, объявляя, что такія личности—чудовища. Нѣтъ, это не чудовища, а только люди, слѣдовавшіе своимъ убѣжденіямъ, но убѣжденія ихъ были невѣжественны и извращены.

Огромная разница между тѣмъ, что хорошо для отдѣльной личности и тѣмъ, что хорошо для всего народа, между закономъ и личной добротой государя. Мы, юристы, оставляя исторію и выставляемыя ею нравственныя причины, мы стараемся изучать по нимъ одни лишь законы.

Для насъ необходимъ *критерій.* Чтобъ оцѣнить законы, слѣдуетъ ихъ измѣрить, а для измѣренія нужна опредѣленная единица мѣры. Но когда дѣло коснется революціи, поневолѣ приходится пробираться ощупью. Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ и послушайте, что толкуютъ сегодня: сколько лицъ, столько же и различныхъ сужденій о революціи. Одни говорятъ, что она была преступнымъ разрущеніемъ старой монархіи, которая создала величіе Франціи, другіе, что революція разрушила вѣковыя заблужденія. Въ обоихъ случаяхъ сужденія добросовѣстны, но каждая сторона мѣряетъ на свою мѣрку. Какой же мѣры мы будемъ придерживаться? Есть одна только: она состоитъ въ искуствѣ составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, что годится для народа вообще и для французскаго народа по преимуществу. Вотъ щекотливая работа, которая требуетъ времени, потому что здѣсь ничего нельзя основывать на догадкахъ, какъ и вообще знаніе пріобрѣтается изученіемъ и наблюденіемъ. Остановимся же на подробномъ изслѣдованіи политическихъ идей, господствовавшихъ во Франціи съ 1774 г.

Подъ именемъ политическихъ идей, я понимаю не всевозможныя системы, которыя каждый могъ изобрѣтать и для обозрѣнія которыхъ, даже поверхностнаго, потребовалась бы гораздо болѣе года, — нѣтъ, я разумѣю тѣ политическія идеи, на которыхъ лежала санкція общественнаго мнѣнія. И, давая настоящее значеніе слову *политическій*, я понимаю подъ нимъ не разнообразныя формы правленій, наслѣдовавшія одна другую, но тѣ разнообразныя понятія, которыхъ придерживались государство, общины, каждый отдѣльный человѣкъ. Разбирая эти идеи, мы разрѣшаемъ политическую задачу, и, будемъ ли мы разсматривать государство какъ власть чисто народную или монархическую, вопросъ измѣниться не долженъ. Сдѣлаемъ же подробное обозрѣніе и станемъ на ту точку, съ которой смотрѣлъ напр. Паскье. Представимъ себѣ человѣка, родившагося въ царствованіе Людовика XV. Человѣкъ этотъ, положимъ, былъ совѣтникомъ парламента въ 1787 г., прожилъ времена учредительнаго собранія, законодательства, конвента, который служилъ первой имперіи, потомъ реставраціи, Карлу X, Людовику-Филиппу, который видѣлъ наконецъ революцію 1848 г. и новую имперію, и спросимъ его, какія идеи господствовали въ теченіе этого времени?

Если мы обратимся къ 1766 г., а это будетъ прекрасно выбранное время, потому что исходный пунктъ даетъ намъ возможность прослѣдить тотъ путь, кото-

рый мы прошли впродолженіи столѣтія, и такъ, если мы обратимся къ избранному нами времени, то найдемъ Людовика XV въ распрѣ съ парламентами и предсѣдательствующаго для того только, чтобы проповѣдывать слѣдующія истины: „король даетъ отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ только одному Богу, только ему одному принадлежитъ власть неограниченная и безусловная“. А нѣсколько лѣтъ спустя, при Людовикѣ XVI, увидимъ съѣздъ духовныхъ, напоминающій о своей наслѣдственной преданности королямъ и проповѣдующій истины такого рода: „король есть помазанникъ Божій, намѣстникъ Бога, Его подобіе. Священная особа короля представляетъ намъ сугубое величіе; повиновеніе, которое мы обязаны ему оказывать, есть своего рода религія, король царствуетъ во имя Бога и властью, данною ему свыше“.

И такъ, по мнѣнію самого Людовика XV, правда, авторитета нѣсколько подозрительнаго свойства, и по убѣжденію тогдашняго духовенства, высказавшагося въ этомъ отношеніи самымъ точнымъ образомъ, король представляетъ Бога на землѣ, слѣдовательно никто другой, въ присутствіи короля, подобныхъ правъ не имѣетъ, да и то сказать, можно ли имѣть какія нибудь права предъ лицомъ намѣстника Бога?

Впрочемъ, теорія эта не была присуща одной Франціи. Это была теорія англиканской церкви, когда лесть духовенства погубила Стюартовъ; это была теорія ко-

ролей испанскихъ, гдѣ можетъ быть такъ продолжается и въ настоящее время. Это была теорія Филиппа II, когда онъ хотѣлъ поработить Нидерланды, что дало намъ прекрасную фразу Бальзака: „О, освобожденные голландцы! Вы заслужили имѣть Бога королемъ, потому что не хотѣли имѣть короля, который былъ Богомъ.“

Теорія эта выражена въ прекрасной книгѣ Боссюэта, La politique tirée de l'Ecriture sainte. Вручить королю всемогущество государства, все направленіе и всю администрацію его, отдать тѣло и душу королю, какъ отцу своихъ подданныхъ, какъ пастырю овецъ, какъ особѣ священной, такое понятіе не очень древне во Франціи и существуетъ не далѣе какъ съ царствованія династіи Валуа. По мнѣнію же Боссюэта, не только политическое общество, но и общество гражданское представляетъ намъ ту странную іерархію, въ которой у всѣхъ есть обязанности и ни у кого нѣтъ правъ. Отецъ долженъ заниматься своимъ сыномъ, но сынъ не имѣетъ никакихъ правъ на отца, мужъ покровительствуетъ своей женѣ, но жена не имѣетъ никакихъ правъ на своего мужа; король покровительствуетъ своимъ подданнымъ, но подданные ничего не имѣютъ права требовать отъ короля. И если король уже слишкомъ дуренъ, то Боссюэтъ указываетъ намъ на единственное средство, къ которому можно прибѣгнуть въ этомъ случаѣ: „просить Бога, да измѣнитъ

сердце его.“ Ропотъ, жалобы, Боссюэтъ положительно запрещаетъ, такъ какъ это уже начало возмущенія.

То было хорошее время, если вѣрить нѣкоторымъ, достойнымъ уваженія особамъ, тогда, говорятъ намъ, царствовала добродѣтель, которая ужъ исчезла съ лица земли, это именно почтеніе. Да, дѣти почитали своего отца, жены почитали своихъ мужей... въ *то* время.

De facto, мнѣ кажется, что это неправда; de jure, мнѣ кажется самымъ страннымъ то понятіе, что эти деспотическія и теократическія власти имѣютъ границы только въ самихъ себѣ. Въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ, мнѣ также трудно понять обязанность безъ права или право безъ обязанности, какъ свѣтъ безъ тѣни или тѣнь безъ свѣта. Такое понятіе для меня совершенно неуловимо.

Неограниченная власть заимствовала изъ древности римское управленіе. Французскіе короли, которые вообще не были злыми людьми, нужно отдать имъ эту справедливость, чувствовали хорошо, что они не могли деспотически управлять народомъ, который если и не имѣлъ политическихъ гарантій, то тѣмъ не менѣе сохранялъ въ своихъ нравахъ чувство свободы. Они не имѣли претензіи управлять по образцу восточному, имъ нужно было управленіе, которое бы постоянно занималось направленіемъ и благосостояніемъ націи.

Все давалось этой администраціи, потому что не было ничего внѣ королевской власти. Администраціи

принадлежало рѣшеніе вопросовъ вѣры, потому что ересь не болѣе какъ претензія думать иначе, чѣмъ этого желалъ король, она была государственнымъ преступленіемъ, и никто не сомнѣвался, что власть короля имѣла право изгонять еретиковъ. Воспитаніе также принадлежало государству или церкви, которой король предоставлялъ право образованія. Даже частный трудъ принадлежалъ королю: онъ рѣшалъ все, что касалось благосостоянія его подданныхъ. Законы опредѣляли, должна ли быть такая-то матерія составлена изъ того или инаго сорта шерсти, и въ теченіи долгаго времени было запрещено дѣлать ткани изъ шерсти и хлопчатой бумаги, такъ какъ, по мнѣнію правительства, въ этомъ было бы незаконное сочетаніе, прелюбодѣйство (une alliance adultère). Всегда и вездѣ власть вела людей точно дѣтей малыхъ, и подъ такимъ-то управленіемъ состарились отцы наши! Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что привычка, относительная мягкость нравовъ, дѣлали то, что отцы наши были не очень несчастливы, и было бы крайнимъ самообольщеніемъ предполагать, что въ ту эпоху они слишкомъ страдали отъ извѣстнаго порядка вещей. Но это вѣдь не оправданіе. Уже давно было сказано, что рабство имѣетъ привилегію опошлять людей до такой степени, что заставляетъ даже любить себя. Въ самомъ дѣлѣ, въ воспитаніи, въ предразсудкахъ, привычкахъ, есть какая-то скрытая, тайная сила, которая въ одинъ прекрасный день заставляетъ наконецъ сказать чело-

вѣку: „я буду жить какъ жилъ мой отецъ, я не буду ни счастливѣе, ни несчастнѣе его“, и вслѣдствіе этого чувства инерціи, нація спускается мало по малу по лѣстницѣ цивилизаціи безъ ропота, безъ страданія. Это родъ истомы, безсилія, а не какая нибудь острая болѣзнь, которая можетъ убить больнаго, но отъ которой онъ иногда излечивается и возраждается.

Такова была первая теорія, первая идея древняго правленія: король отвѣтственъ предъ однимъ Богомъ и управляетъ помощію администраціи.

Рядомъ съ этой школой, находится другая, еще древнѣйшая, защищающая преданіе. Это парламентская школа, которая одно время восторжествовала во Франціи, въ 1787 и 1788 годахъ.

Идеи парламентской школы собраны въ обширномъ сочиненіи, изданномъ въ Амстердамѣ въ 1774 г. подъ заглавіемъ: Maximes du droit public français.

Переносясь ко времени, предъидущемъ XIV столѣтію, а слѣдовательно до воцаренія династіи Валуа, парламентаристы находили свободу въ древнихъ обычаяхъ Франціи. Теперь этой свободы не хотятъ болѣе признавать въ древней исторіи Франціи, — ошибаются, она существовала. Правда, что она была исключительною привилегіею небольшаго числа людей, но тѣмъ не менѣе это была для нихъ свобода. Мы знаемъ, что тамъ, гдѣ есть свобода только для нѣкоторыхъ, другихъ гнететъ рабство; но тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ

закрывать глаза на эти привилегіи, которыя все-таки составляли свободу, хотя бы и для немногихъ. Такъ, когда въ среднихъ вѣкахъ мы находимъ правило, что нужно быть судимымъ только равными себѣ, тамъ было уже то, что мы называемъ теперь судомъ присяжныхъ. Для дворянъ, горожанъ и крестьянъ присяжный судъ составлялъ большое преимущество, въ сравненіи съ участію тѣхъ несчастныхъ, которыхъ въ XVI и XVII стол. влекли предъ королевскій судъ и пытали страшною пыткою. Парламентаристы имѣли за собою глубокое основаніе, возвращая свободу въ средніе вѣка, и если можно въ чемъ обвинить ихъ, то развѣ въ молчаніи, что свобода ихъ раздавалась только избраннымъ.

Роясь въ преданіяхъ, перелистывая древніе акты и хартіи, парламентаристы пришли къ убѣжденію, что слѣдуетъ измѣнить государственное право, и въ то время имѣвшее свое относительное достоинство. По ихъ мнѣнію, или, еще лучше, по обычному праву Франціи, никто не можетъ быть судимъ обыкновеннымъ судомъ, какъ никто не можетъ быть заключенъ въ тюрьму безъ предварительнаго обвиненія. Каждый французъ долженъ быть обезпеченъ притомъ въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ, и никто не можетъ быть лишенъ владѣнія своимъ имуществомъ посредствомъ конфискаціи. На основаніи этого принципа, парламентаристы, какъ въ наше время англичане, создали право

вотированія налоговъ и, по нашему мнѣнію, они были совершенно справедливы. Извѣстно, что налогъ, какъ жертва съ доходовъ и жалованья, не мыслимъ безъ утвержденія и согласія на него самихъ заинтересованныхъ. Для англичанъ и американцевъ, имѣющихъ національное представительство, вотированіе налоговъ, по своей важности, сдѣлалось теперь постояннымъ правиломъ; у нихъ ничто не можетъ быть обложено податью, не бывъ предварительно разсмотрѣно и утверждено представительнымъ собраніемъ. Парламентаристы воскресили это право, дѣйствовавшее во Франціи въ продолженіе среднихъ вѣковъ и, какъ въ Англіи, оно привело наконецъ къ сознанію государственныхъ чиновъ. Впрочемъ, короли французскіе затѣмъ только и созывали среднее сословіе, чтобы требовать денегъ.

Парламентаристы говорили: нужно созвать представительное собраніе для разсужденія о податяхъ, но, прибавляли они, если вы не хотите созывать собраніе, то у васъ есть парламентъ, тоже въ своемъ родѣ собраніе, изображающее собою весь народъ. Отсюда возникло, что каждый проектъ о какомъ бы то ни было новомъ налогѣ король прежде всего обязанъ былъ представить на разсмотрѣніе парламента. Правда, гарантія была слаба, но она доставляла каждому болѣе нежели удовольствіе.

Школа парламентаристовъ говоритъ еще: король Франціи не есть монархъ всѣхъ провинцій своего го-

сударства. Вотъ мысль, которая уже не возродится теперь, но которая въ 1774 году не составляла вопроса. Эльзасъ, напр., пріобрѣтенный Людовикомъ XIV посредствомъ извѣстнаго договора, имѣлъ учрежденія вовсе несходныя съ остальными провинціями. Лютеране, жители Эльзаса, положительно были увѣрены, что имъ будетъ предоставлена полная свобода отправленія ихъ религіи, и когда Людовикъ XIV высылалъ всѣхъ протестантовъ изъ другихъ провивинцій королевства, эльзаскіе не были потревожены: ихъ защищало слово короля. Съ другой стороны, мы видимъ, что провинціи пользовались правомъ распредѣленія налоговъ. Впрочемъ, по поводу часто встрѣчавшихся противорѣчій, парламенты требовали пересмотра этихъ правъ, въ особенности же, если провинціи состояли подъ ихъ управленіемъ.

Таковы формы правленія, подъ которыми сохранились еще древнія французскія права и которыя объясняютъ намъ доброе имя, оставленное прежнимъ парламентомъ, доброе имя, заслуженное достойными его членами, и наконецъ то, что въ этихъ учрежденіяхъ Франція видѣла уже послѣднихъ защитниковъ своего права.

Революція уничтожила эти противорѣчія съ прошедшимъ. Но странное дѣло однакоже. Въ 1796 году мы находимъ еще человѣка, памятнаго и теперь по своей любви къ ближнему, мы встрѣчаемъ Монтійона,

совѣтника короля Людовика XVII, для котораго въ изгнаніи онъ велъ дневникъ. Въ этихъ запискахъ Монтійонъ силится объяснить, какимъ образомъ и изъ чего составилось прежнее государственное устройство Франціи, въ тоже время порицая всѣ преданія о прежнихъ парламентахъ. Когда-то этотъ дневникъ предлагали даже Франціи для оправданія контръ-революціи, но опытъ не удался. Школа парламентаристовъ исчезла тотчасъ же, какъ скоро она почувствовала въ революціи присутствіе новаго духа.

Между тѣмъ, какъ Людовикъ XV безстрастно относился къ памяти и послѣднимъ средствамъ управленія своего дѣда, говоря вовсе несвойственнымъ ему цинизмомъ: *«міръ просуществуетъ вѣроятно и безъ меня»*, и *«не знаю какъ мнѣ быть»*, между тѣмъ, какъ существовали старыя формы и старыя злоупотребленія, во Франціи появился новый духъ, духъ революціи, принадлежавшій народу, задыхавшемуся подъ гнетомъ правительственныхъ формъ.

Что въ особенности обрисовываетъ эту идею XVIII вѣка, это глубокое презрѣніе ко всему существующему и полная вѣра въ будущее, къ тому, о чемъ всякій мечтаетъ. Въ глазахъ людей этой эпохи, и я говорю не объ однихъ философахъ, средневѣковая, и даже Франція XVI вѣка была скопищемъ варваровъ. Мы знаемъ, впрочемъ, что Вольтеръ также называетъ насъ варварами, и вѣроятно презрѣніе къ прошедшему было

очень сильно, если героинею срамной поэмы Вольтеръ могъ избрать Іоанну Даркъ, съ цѣлью обезчестить ее. Да, положеніе тогдашняго времени должно было быть исключительнымъ, и, слава Богу, оно болѣе уже не повторится. Предположите, что кто нибудь сегодня осмѣлился бы обидѣть такую чистую добродѣтель, если онъ будетъ даже и величайшій поэтъ Франціи, онъ подвергнется общему презрѣнію.

Эта страсть къ новизнамъ приняла весьма различныя направленія, и во Франціи были три большія партіи, изъ которыхъ каждая по очереди играла во время революціи важную роль.

Первая школа, появившаяся раньше всѣхъ другихъ, есть та, которую я назову англійскою школою и къ которой принадлежатъ Вольтеръ и Монтескье. Вольтеръ, какъ мы знаемъ, ѣздилъ въ Англію, а Монтескье прожилъ въ ней два съ половиною года. Въ это время почти не было никакихъ сношеній съ Англіею, и французскій философъ, переѣзжающій проливъ, представлялъ явленіе несравненно болѣе рѣдкое, чѣмъ путешествіе Токвиля, отправлявшагося, тридцать четыре года тому назадъ, въ Соединенные Штаты, что впрочемъ и въ то время считалось явленіемъ рѣдкимъ. Казалось страннымъ, что философъ ѣхалъ изучать учрежденія другаго народа, ибо французы слишкомъ увѣрены, что весь свѣтъ беретъ съ нихъ примѣръ, и что имъ никѣмъ не нужно вдохновляться.

Вольтеръ издалъ потомъ свои Lettres anglaises. Онъ возвращался съ философіею и политикою Локка, и затѣмъ послѣдовала его борьба на смерть противъ господства духовенства и варварства уголовныхъ законовъ. Но кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, въ которыхъ Вольтеръ удивителенъ, о всемъ другомъ онъ выражается хотя и очень свободно, но не указываетъ какихъ именно перемѣнъ онъ желаетъ.

Монтескье поступилъ иначе. Въ своемъ „Духѣ Законовъ,“ кн. XI, гл. VI, онъ представилъ намъ замѣчательное изслѣдованіе объ англійской конституціи. Указанная нами глава составляетъ, можно сказать, славу всей книги Монтескье, потому что онъ въ первый разъ заставилъ французовъ подумать, давая имъ понятіе о политической свободѣ. Къ несчастію, Монтескье имѣлъ желаніе издать свою книгу во Франціи, а для этого нужно было не возбуждать чьей либо ненависти. Въ то время, все, что называлось книгопечатаніемъ во Франціи, было подчинено тремъ особымъ лицамъ и тремъ судьямъ: королю, который просто повелѣвалъ посадить васъ въ Бастилію, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ; Сорбоннѣ, предававшей васъ свѣтскому суду, и парламенту, имѣвшему право издать постановленіе о заарестованіи васъ, о сожженіи книги рукою палача, и, въ случаѣ нужды, по указу 1747 года, взять автора подъ стражу и приговорить его къ смерти. Вслѣдствіе этого, Монтескье такъ написалъ свою книгу, что положи-

тельно всѣхъ обезоружилъ; но такъ какъ онъ не могъ притомъ успокоить боязни цензуры, то принужденъ былъ издать *Духъ Законовъ* въ Женевѣ, безъ имени автора. Впрочемъ, нѣтъ ни одной замѣчательной книги, которая бы въ это время не была напечатана за границею.

Генріада, напримѣръ, на которую нельзя смотрѣть какъ на вредную книгу, была тайно напечатана въ Руанѣ, а чтобы выпустить ее вторымъ изданіемъ, Вольтеръ счелъ благоразумнымъ отправиться въ Англію. Его единственная месть состояла въ окрещеніи своего книгопродавца именемъ Авраама Bold Truth, или *отважная правда.* Такого книгопродавца во Франціи не существовало.

И такъ Монтескье, былъ вынужденъ прибѣгнуть къ двумъ тактикамъ; первая состояла въ употребленіи сослагательнаго наклоненія въ рѣчи, вторая же въ пріисканіи средствъ, чтобы не оскорбить кого бы то ни было. Отсюда слѣдуетъ, что изложеніе Монтескье заключаетъ въ себѣ много истинъ, но, чтобы найдти ихъ, приходится дѣлать нѣкоторое усиліе, нужно обнажить, размотать его фразы, чтобы дойдти до того, что онъ старается доказать; но если эта работа уже сдѣлана, тогда ясно видно къ чему онъ стремится.

Это онъ научилъ насъ понимать различіе между тремя властями: законодательною, исполнительною и судебною. Это онъ сказалъ намъ, что власть законодательная должна состоять изъ двухъ палатъ: первой,

палаты господъ, и второй, палаты общинъ. Онъ первый заговорилъ съ нами о судѣ присяжныхъ и о томъ, что въ Англіи habeas corpus служитъ ручательствомъ личной свободы. Онъ первый показалъ намъ исполнительную власть, переданную королю съ правомъ на veto и отвѣтственностью министровъ. Онъ высказалъ даже мысль, превосходящую во многомъ наши современныя идеи, именно: что не исполнительной власти, а палатамъ принадлежитъ инціатива всевозможныхъ мѣръ.

Впрочемъ, я не настаиваю больше на мысляхъ Монтескье. Вѣдь ихъ упрекали въ томъ, что онѣ англійскія, а во Франціи, какъ я полагаю, можно было-бъ убить самую правду, давъ ей иностранное названіе. Крикните, что вотъ это англійское или американское, изъ Испаніи или изъ Швейцаріи, тотчасъ же цѣлая толпа патріотовъ воскликнетъ за вами прежде всего: „да, мы хотимъ быть французами.“ Монтескье предвидѣлъ это возраженіе. Онъ сказалъ, что англичане почерпнули свою систему изъ глубины лѣсовъ Германіи, и что еще въ Тацитѣ находится зародышъ англійскаго управленія. Это можетъ быть вѣрнѣйшая истина, чѣмъ предполагалъ о ней самъ Монтескье. Въ самомъ дѣлѣ, смотря на Францію XIII и XIV столѣтій, замѣчаешь, что и Англія, которая въ то время была не болѣе какъ колонія Франціи, идетъ тѣмъ же путемъ, потому что народъ той и другой страны управляется феодальными учрежденіями, и только, начиная

съ XIV вѣка, обѣ страны пошли совершенно различными дорогами.

Франція и Англія, обѣ имѣли тождественные обычаи и сословныя привилегіи, дворянство ихъ, духовенство, общины, были сходны между собою. Но въ Англіи дворянство присоединилось къ общинамъ, и привилегія становится общей свободой, что прежде было правомъ дворянъ, стало правомъ вообще гражданъ. Дворянство и духовенство соединились тамъ въ верхней палатѣ, общины же остались въ нижней, и, вмѣсто трехъ, образовалось такимъ образомъ только два сословія. Во Франціи, напротивъ, королевская власть исключительно оперлась на народъ, становясь въ оппозицію дворянству. Эта власть обѣщала отнять всякія привилегіи, и она въ самомъ дѣлѣ исполнила это. Тогда прекратилась свобода для нѣкоторыхъ, но рабство осталось для всѣхъ. Между тѣмъ, часто слышишь, что французскую монархію хвалятъ именно за установленіе у себя всеобщей свободы, по нашему же мнѣнію эта похвала требуетъ нѣсколькихъ изъятій. Еслибы французамъ дѣйствительно дали равенство, какъ напр. въ Англіи, давъ имъ притомъ общую свободу, то, я понимаю, это стоилобъ одобренія; но установленіе общаго равенства, чтобы наложить общее униженіе, это кажется мнѣ не болѣе, какъ удачею, могущею развѣ дать величіе какому-нибудь Людовику XIV, но въ тоже время составляющую разореніе народа.

Англійская школа блеснула во Франціи во время начала собранія государственныхъ чиновъ, такъ что едва тотчасъ же не устроили конституцію по образцу Англіи, едва не учредили двухъ палатъ и чуть не послѣдовали тому способу правленія, который насчитывалъ себѣ поклонниковъ между наиболѣе образованными людьми. Но молніей блеснула популярность этой системы, и хотя она должна была показаться во Франціи еще разъ, но спустя уже много лѣтъ и при другихъ условіяхъ. Въ 1789 году, она была затерта французскою мыслью людей, не желавшихъ ничего принять отъ Англіи, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были болѣе проникнуты англійскими идеями, чѣмъ они предполагали.

Я назову эту школу школою естественнаго права. Представителемъ ея были съ одной стороны Сіэйсъ (Sièyès), съ другой Лафайетъ (Lafayette). Въ сущности, школа эта состояла изъ двухъ весьма различныхъ началъ: Сіэйсъ, какъ философъ, за основу своихъ принциповъ бралъ природу; Лафайетъ же и его друзья заимствовали идеалъ свой отъ американцевъ, которые, въ свою очередь, взяли его отъ англичанъ. Всѣмъ извѣстно, что англичане кончили свою революцію, заставивъ короля Вильгельма признать права гражданъ и каждой отдѣльной личности, тѣмъ, что вообще въ исторіи называется *„Биллемъ правъ“* 1689 года. Американцы же, измѣняя свои различныя конституціи по-

слѣ 1786 года, поставили во главѣ ихъ декларацію правъ гражданъ, и такъ какъ Франклинъ около 1780 года распространилъ по всей Европѣ экземпляры этой американской конституціи, то идеи ея были близко извѣстны людямъ образованнымъ въ 1789 году. И это важнѣйшая часть принциповъ 1789 года, теорія которыхъ была составлена Сіэйсомъ. Я не питаю къ этому человѣку большаго уваженія за дальнѣйшее поведеніе его во время революціи. Такъ напр., во время Конвента онъ оставался неподвиженъ на своей скамьѣ, подавая лишь голосъ въ пользу того, о чемъ его просили, и когда у него спросили наконецъ, что онъ дѣлалъ во время революціи, то онъ отвѣчалъ: *„я жилъ“*. Грустный отвѣтъ, потому что въ собраніяхъ присутствуютъ не для того, чтобы жить, а для того чтобы защищать права своего народа. Тѣмъ не менѣе, чтобы не погрѣшить противъ справедливости и правды, нужно также сказать, что Сіэйсъ обладалъ умомъ очень тонкимъ и гибкимъ; онъ понялъ, что изъ этихъ англійскихъ положеній можно было извлечь политическую философію, и вотъ эта философія:

„Человѣкъ является на землю съ нуждами, подлежащими удовлетворенію, и способностями для удовлетворенія этихъ нуждъ. Слѣдовательно, каждый человѣкъ имѣетъ право жить, работать, владѣть плодами своей работы и развиваться. Если право это не принадлежитъ всѣмъ людямъ, оно никому не принадле-

жить. Если я не имѣю права дѣлать то, что нужно для моего существованія, мой сосѣдъ тоже не имѣетъ этого права. Но если сосѣдъ имѣетъ одинаковое со мною право, то я обязанъ уважать его свободу, равно какъ и онъ обязанъ уважать мою. Моя свобода останавливается на той именно границѣ, гдѣ она завладѣваетъ свободою сосѣда, но до этого времени ни государство, ни законъ не имѣютъ права къ ней прикасаться, иначе этимъ нарушалось бы мое право жить. Полное развитіе жизни, вотъ, по моему мнѣнію, истинное опредѣленіе свободы".

Принявъ эти основанія, легко замѣтить, что въ человѣкѣ есть не только потребность работать, производить, владѣть, но въ немъ есть и совѣсть, душа, и что свобода совѣсти принадлежитъ къ тому разряду, къ которому относятся и другія свободы, составляющія развитіе каждой отдѣльной личности. Если я не пользуюсь правомъ вѣрить во что мнѣ угодно, то и сосѣдъ мой, также какъ и я, не долженъ пользоваться этимъ правомъ, а если онъ имѣетъ право вѣрить во что ему угодно, то я не имѣю права вмѣшиваться въ его вѣрованіе. Изъ этого принципа выводится самая полная религіозная свобода, свобода слова, свобода печати, свобода воспитанія, свобода самой человѣческой натуры. И этотъ выводъ мнѣ кажется неопровержимымъ.

Однакоже, какъ ни были справедливы и хороши эти идеи, онѣ имѣли весьма ограниченное вліяніе на

революцію. Правда, онѣ произвели *Декларацію правъ человѣка и гражданина*, но съ тѣхъ поръ эти несчастныя права такъ и забыты, и въ томъ именно положеніи, въ какомъ ихъ оставила сама революція. Между тѣмъ, всѣ говорятъ о принципахъ 1789 года, всѣ ихъ провозглашаютъ, всѣ уважаютъ ихъ, они священны, и до такой степени даже, что никто коснуться къ нимъ не смѣетъ; а эти идеи, эти принципы были немедленно же затерты ученіемъ, совершенно имъ противнымъ, которое было пріобщено къ объявленію принциповъ конституціи 1791 года, и которое между тѣмъ разрушаетъ принципы 1789 года,—это ученіе о верховной власти народа.

Объяснимся. Что народъ долженъ имѣть верховную власть тамъ, гдѣ онъ судитъ о своихъ нуждахъ, это такая истина, которую въ настоящее время никто и не оспариваетъ. Дѣйствительно, если въ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ, не положиться на большинство, то остается лишь прибѣгнуть къ силѣ или хитрости. Верховная власть народа, приложенная къ общимъ интересамъ, кажется мнѣ принципомъ непогрѣшимымъ. Но эта не та верховная власть народа, которая обнимаетъ все, которая ко всему приложима и которую Руссо опредѣлилъ въ своемъ „Общественномъ Договорѣ." Подобную власть мы найдемъ исключительно во Франціи. Если же мы обратимся къ союзной конституціи Соединенныхъ Штатовъ, то увидимъ, что она,

съ точностію опредѣляя права Конгресса и вообще власть правительства и законодательства, отнимаетъ у нихъ всякую возможность вліять и дѣйствовать на совѣсть, слово, воспитаніе, на право сходокъ, право ношенія оружія, подачу просьбъ, на судъ присяжныхъ и вообще гарантіи свободы. Это такія права, которыя американскій народъ выставляетъ внѣ конституціи, чувствуя хорошо, что они неоспоримы, такъ какъ они представляютъ личность и, слѣдовательно, никто къ нимъ прикасаться не можетъ. Напротивъ, Франція всегда жила подъ господствомъ идей Руссо, который изъ верховной власти народа выводитъ выраженіе общаго желанія, и предполагаетъ, что этому общему желанію возможно все.

Разумѣется, если мы всѣ хотимъ одного и того-же, нѣтъ никакой надобности и говорить о верховной власти. Но съ той минуты, какъ начнется споръ, то что бы ни говорилъ Руссо, это единодушіе исчезаетъ и оставляетъ вмѣсто себя слѣдующій вопросъ: положимъ, что всѣ вы составляете большинство, вы всѣ противъ меня, но имѣете ли вы право сдѣлать мнѣ то и другое противъ моего желанія? Вы составляете громадное большинство, но всѣ вы, англійскіе протестанты, имѣете ли вы право меня преслѣдовать, меня, ирландскаго католика? Или же, кромѣ меня, всѣ вы, составляющіе единогласіе въ Испаніи, имѣете ли вы право запретить мнѣ быть протестантомъ и изгнать меня изъ страны за

то, что я хочу исповѣдовать Бога по образцу Кальвина? Смотря по отвѣту на предложенный вопросъ, я скажу, принадлежатъ ли къ ученію Руссо или либераловъ.

Между этими двумя теоріями цѣлая пропасть. Одна изъ нихъ отвѣчаетъ напр. грубымъ фактомъ: мы, сильнѣйшіе; другая же опирается на право. Да, и цѣлый народъ долженъ остановиться предъ совѣстью слабѣйшаго, потому что эта совѣсть принадлежитъ не народу, а личности.

Ученіе Руссо еще преувеличено дѣятелями революціи. Руссо хорошо понялъ какое опасное оружіе можно было сдѣлать изъ верховной власти народа; вслѣдствіе этого онъ придумалъ, что народъ не можетъ уполномочить кого либо своею верховною властью, не отрекшись отъ нея. Его правительство на публичной площади есть копія съ древняго правленія въ Спартѣ или Аѳинахъ, но спрашиваемъ, возможно-ли въ наше время созывать такія собранія? Нужно было допустить назначеніе уполномоченныхъ, вслѣдствіе чего палата представителей, изъ 600, 700, 200, 50 человѣкъ, провозгласила себя органомъ воли народной; верховная власть народа стала верховною властью лишь 700, 600, 200, 50 лицъ, и вотъ какимъ образомъ представители цѣлой страны дали возможность видѣть народъ, по теоріи свободный, угнетеннымъ на дѣлѣ.

Но не будемъ долго останавливаться на этомъ. Какъ только мы допустимъ, что верховная властъ

народа можетъ быть передана представителямъ, мы тотчасъ же прямо дойдемъ до римской идеи, породившей собою Римскую имперію, гдѣ одинъ человѣкъ достигаетъ представительства народа. Въ самомъ дѣлѣ, если народъ можетъ передать представительство 6 или 700 лицамъ, мы не можемъ отказать ему въ правѣ передать свое представительство и одному лицу. Основываясь же именно на этой пердачѣ верховной власти народа, императоры сдѣлались постоянными трибунами народа и основали свой деспотизмъ. Извѣстное преступленіе оскорбленія величества было ничто иное, какъ преступленіе оскорбленія величія народа. Императоры были неприкосновенны только какъ представители народа, и только вслѣдствіе этого всякое нападеніе на нихъ считались святотатствомъ. Таковы опасности разсматриваемаго нами ученія, которое между тѣмъ было ученіемъ всей революціи.

Мы видѣли теперь какъ эти различныя идеи имѣли, каждая, свое время: до созванія чиновъ государства, мы видимъ неограниченную власть короля, управляющаго посредствомъ администраціи, пережившей королевскую власть, чтобы подняться во время имперіи; въ 1788 году мы видимъ теорію парламентаристовъ; далѣе, теорію Монтескьё, которая имѣла своихъ послѣдователей въ 1788 и въ 1814 годахъ, и наконецъ теорію верховной власти народа, утвердившуюся въ теченіи всей революціи.

Принципы 1789 года были единственные, которые, будучи провозглашены, никогда не были примѣняемы. Между тѣмъ, я не боюсь это высказать, въ нихъ заключалась истина, и если они не восторжествовали, то потому лишь, что въ день побѣды всѣ партіи забыли о нихъ. Почему? Потому что старый человѣкъ въ одинъ день не можетъ сбросить своей ветхой оболочки, и въ одинъ день нельзя отказаться отъ предразсудковъ, въ которыхъ человѣкъ былъ воспитанъ. Послѣ неограниченнаго владычества короля, естественно слѣдуетъ такое же владычество народа-короля. Людовику XVI сказали: вы были все, а вы не болѣе какъ человѣкъ; въ свою очередь мы будемъ все, мы, народъ или представители народа-монарха.

Такимъ образомъ объясняется, какъ, съ помощію страстей, могла установиться теорія верховнаго владычества народа. Но что-же было выиграно отъ этой перемѣны верховной власти? Что революція уничтожила привилегіи, ложившіяся тяжестью на часть народа, мы одобряемъ это, но Людовикъ XVI былъ самъ готовъ совершенно уничтожить ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ были полезны лишь нѣсколькимъ лицамъ, но не королевской власти; за то Мирабо и писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Людовику XVI: „учредительное собраніе сдѣлало больше для монархической власти въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, чѣмъ Ришелье въ продолже-

нія всего своего управленія. Теперь остается только народъ и его король.“

Республика не удалась; но еслибъ этому ученію о верховной власти народа и дѣйствительно пришлось осуществить республику по образцу древнихъ, свобода все-таки ничего не выиграла бы отъ этого: власть народа не есть свобода гражданина. Опять нужно было вернуться къ положенію: существуютъ ли такія права, которыя принадлежатъ личности, а не народу? Въ этомъ, а не въ чемъ либо другомъ, заключается вопросъ. Но стоитъ только посмотрѣть на нѣсколько примѣненій системы личной свободы, сдѣланныхъ во Франціи, чтобъ убѣдиться въ ея плодотворности. Напримѣръ, какъ только земля была отдана во владѣніе крестьянъ, развилось земледѣліе; съ уничтоженіемъ запретительной системы и дозволеніемъ рабочему классу трудиться по своему усмотрѣнію, возобновилась промышленность; простая терпимость нѣсколькихъ вѣроисповѣданій пробудила религіозный духъ.

Часто слышишь, какъ нынѣшнее молодое поколѣніе жалуется: „что можно сдѣлать сегодня? говоритъ оно, ничѣмъ нельзя заняться. О, еслибы мы жили въ тѣ времена, когда всѣ сердца въ одинъ ударъ бились за великую идею, это было бы другое дѣло; но въ странѣ, какъ наша теперь, нечего дѣлать.“ Эта жалоба не нова; я самъ произносилъ ее въ моей молодости, когда мы, студенты, мечтали о той совершенной эпохѣ, которая всегда должна наступить и которая никогда не наступитъ.

Помню, ребенкомъ, отправляясь гулять вмѣстѣ съ нянькою, я съ нетерпѣніемъ наблюдалъ за каменьщиками, занятыми работой или починкой. Убѣжденный, что по окончаніи ихъ работы все будетъ уже кончено, я бывалъ очень удивленъ, когда видѣлъ, что работа ихъ опять возобновлялась. Съ тѣхъ поръ я сталъ терпѣливѣе; я увѣренъ, что при жизни мнѣ не видать Парижа оконченнымъ, и это кажется мнѣ естественнымъ.

Тоже бываетъ во всемъ: и въ политикѣ, и въ религіи. Жизнь есть постоянное движеніе. Ни въ какую эпоху люди не были единодушны, ни въ какую эпоху они и не будутъ такими; всегда будетъ необходимо убѣждать другъ друга, мыслить, спорить, дѣйствовать.

Когда вы видите великія творенія рукъ человѣческихъ въ прошедшемъ, въ XIII вѣкѣ напримѣръ, когда вы дивитесь прекраснымъ соборамъ, которые онѣ воздвигли, вспомните, что рядомъ съ этими вѣрными были и невѣрующіе. Теперь, когда намъ извѣстно происхожденіе христіанства, мы видимъ, что и между первыми христіанами бывали расколы. Не бойтесь же этого плодотворнаго волненія: идеи постоянно родятся и умираютъ. Обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать, а не слѣдовать примѣру Горацiева крестьянина, который, чтобы перейдти чрезъ рѣку, остановился и ждалъ пока стечетъ вода. Но для того, чтобы дѣйствовать, нужно вѣрить, нужно имѣть выработанное убѣжденіе, нужно имѣть осмышленную вѣру. Припомню кстати извѣстный стихъ Аріоста, который приводили намъ, какъ заключающій въ себѣ полное описаніе любви. Этотъ молодой влюбленный, говоритъ поэтъ, желалъ мало, надѣялся многаго и не требовалъ ничего.

Brama assai, spera poco, e nulla chiede.

Я же, напротивъ! Я желаю многаго, надѣюсь бо̀льшаго и требую еще бо̀льшаго.

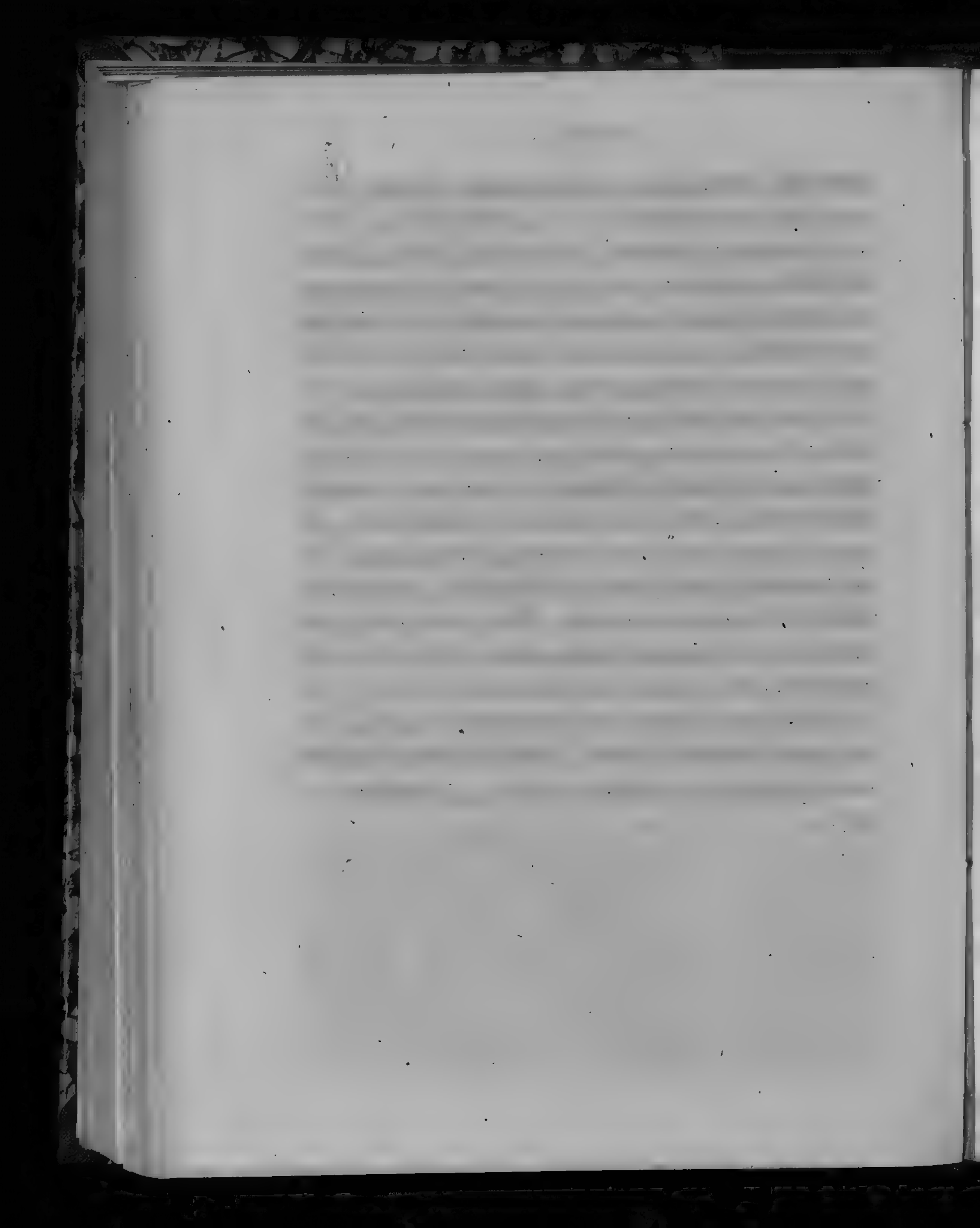
Я желаю многаго, потому что чѣмъ больше старѣю, тѣмъ больше убѣждаюсь по опыту, что новѣйшія государства сдѣлались великими посредствомъ идеи индивидуализма. Такъ это случилось съ Англіею, съ Америкою, съ Швейцаріею, съ Австраліею, которая со-

временемъ, также какъ и Соединенные Штаты, сдѣлается цѣлымъ міромъ.

Я надѣюсь бóльшаго, потому что глаза новыхъ поколѣній не могутъ же остаться навсегда закрытыми для такихъ ясныхъ истинъ, и кончится тѣмъ, что поймутъ наконецъ о необходимости присвоить себѣ эти истины, столь плодотворныя для всѣхъ народовъ.

Пусть молодые люди не приходятъ больше съ словами: я, сынъ крестоносцевъ; я, ученикъ Вольтера; я принадлежу къ партіи Дантона; я, въ свою очередь, послѣдователь Робеспьера. Все это небольше какъ костюмы, годные развѣ для маскарада. Есть занятіе болѣе полезное: нужно стоять въ уровень съ своимъ временемъ, съ своимъ отечествомъ. Нужно говорить, дѣйствовать. Вы, пожалуй, скажите мнѣ, я одинъ. Что-жъ изъ этого, если вы представляете идею!

Не забудьте также, что величайшая услуга, какую одинъ человѣкъ можетъ оказать другому, состоитъ въ дарованіи ему возможности узнать и полюбить истину.



СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ

АДМИНИСТРАЦІИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И

ПОЛИТИКИ.

Государственный строй Франціи.

Приступая къ разсмотрѣнію озаглавленнаго выше предмета, прежде всего рождается вопросъ, имѣла-ли старая Франція конституцію? Вопросъ этотъ весьма избитый; по моему мнѣнію, это лишь одна пустая игра словъ. Все зависитъ отъ того опредѣленія, которое придаютъ слову конституція.

Если разумѣть подъ этимъ словомъ организацію общества, то древняя Франція, конечно, не представляетъ анархіи, тамъ было общество издавна устроенное. Въ ней существовали какъ сословія, такъ и правительственныя власти. Раскройте любое сочиненіе о древней Франціи,—я разумѣю, конечно, сочиненіе, писанное до революціи, — и вы увидите, что французское общество раздѣлялось на три сословія: дворянство, духовенство и среднее сословіе; что дворянство, въ свою очередь, под-

раздѣлялось на два класса: военное или родовое, и гражданское, куда вошло среднее сословіе; что послѣднее состояло изъ буржуа, ремесленниковъ, составлявшихъ корпораціи и сельскихъ жителей, между которыми находились мелкіе собственники болѣе многочисленные, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ.

Это общество имѣло такую ирочпую организацію, что нѣкоторые политики приписывали его устройство Провидѣнію. Возьмите книгу проповѣдей XVII вѣка, Боссюэта или Бурдалу, и вы найдете тамъ мнѣніе, что эти сословныя различія установлены самимъ Богомъ. По господствующему понятію того времени, народу слѣдуетъ трудиться, дворянству — сражаться, а духовенству — молиться. Когда Тюрго пожелалъ замѣнить барщину налогомъ, распредѣленнымъ между всѣми собственниками, то встрѣтилъ оппозицію въ парламентѣ. Генеральный адвокатъ Сэгье объявилъ, что это поведетъ къ ниспроверженію всѣхъ началъ и что только народъ исключительно предназначенъ къ труду. Ремесло считалось занятіемъ подлымъ; всѣ преимущества доставались на долю военнаго сословія. Ничего не дѣлать означало жить благородно.

Общество, раздѣленное такимъ образомъ, нуждалось въ сильной рукѣ, которая соединила бы различные элементы въ одно цѣлое — націю. Такою рукою была рука короля. Вотъ почему Франція сдѣлалась абсолютной монархіей. Король былъ единственнымъ лицомъ въ госу-

дарствѣ, который принадлежалъ всѣмъ сословіямъ. Міропомазаніе придавало ему характеръ религіозный; церковь признавала въ немъ своего свѣтскаго главу; кромѣ того, онъ считалъ за честь быть первымъ дворяниномъ въ государствѣ, и наши короли часто повторяли, что принцъ крови можетъ скрестить шпагу съ родовымъ дворяниномъ. Только въ немъ народъ видѣлъ своего покровителя. Угнетаемый помѣщиками и духовенствомъ, онъ находилъ себѣ защиту только въ королевскомъ всемогуществѣ; потому-то крестьяне наши обыкновенно говорили: „еслибъ объ этомъ зналъ король.“ Итакъ, послѣдній признавался покровителемъ народа. Изъ того же, что народъ возлагалъ подобныя надежды, необходимо слѣдуетъ, что короли ихъ заслуживали; и дѣйствительно, въ теченіи большаго періода времени они очень хорошо понимали, что для обузданія помѣщиковъ и феодальныхъ прелатовъ имъ необходимо опираться на массу, на народъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ имъ было выгодно покровительствовать народу; послѣдній же, не обращая вниманія на то, дѣлалось ли это по расчету или изъ человѣколюбія, привыкъ чтить и любить короля, какъ своего естественнаго защитника.

Такимъ представляется это общество, столь отличное отъ нашего. Какъ общество оно имѣло извѣстную организацію; недоставало только политической конституціи, ибо все зависѣло отъ короля; будучи главою дворян-

ства, арміи, церкви и народа, онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ.

Предлагая же себѣ вопросъ, какова была гарантія для общественныхъ вольностей, тѣмъ самымъ высказываешь понятіе новѣйшаго времени, совершенно неизвѣстное нашимъ предкамъ. Лишь примѣръ Англіи XVIII ст. и новѣйшія потребности вызвали желаніе гарантій. Конституція въ смыслѣ акта, который опредѣляетъ границы общественныхъ властей, распредѣляетъ послѣднія между различными лицами и служитъ оплотомъ гражданской свободы — такая конституція была неизвѣстна дореволюціонной Франціи. Да и даровать гарантіи гражданину противъ короля было мыслію совершенно чуждой нашимъ предкамъ; они смотрѣли на короля, какъ на отца семейства, который имѣлъ право располагать совѣстію, жизнью, счастіемъ и честью своихъ подданныхъ, обходиться съ послѣдними какъ съ дѣтьми, приказывать имъ молчать или говорить, дѣлать то, что онъ хочетъ, и думать такъ, какъ онъ думаетъ. Въ семействѣ, пока ребенокъ еще малъ, подобное обращеніе возможно, но въ государствѣ, гдѣ ребенокъ былъ часто умнѣе своего отца, это не могло продолжаться, и это-то естественное развитіе ума дитяти привело къ революціи. Однако наши отцы не считали себя рабами; толковали постоянно о свободѣ, но послѣдняя, состоявшая изъ привилегій не всегда уважаемыхъ, была весьма далека отъ свободы въ современномъ смыслѣ; по-

тому-то люди, предлагавшіе въ 1789 г. возвратиться къ старинному государственному устройству для достиженія дѣйствительной свободы, гонялись за призракомъ.

Въ древней Франціи власти законодательная, исполнительная, административная и судебная были сосредоточены въ однѣхъ рукахъ. Я употребилъ нарочно эти новѣйшія выраженія, желая показать читателю, что старая монархія не имѣла конституціи въ современномъ смыслѣ.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на власть законодательную. Если вѣрить тѣмъ, которые превозносятъ наше прежнее государственное устройство, власть эта была тогда организована наилучшимъ образомъ. Парламентъ ограничивалъ законодательную власть короля. Но это мнѣніе лишено всякаго основанія. Основное положеніе нашего стариннаго общественнаго права было слѣдующее: король не имѣетъ ни товарища, ни руководителя; какъ желаетъ король, такъ требуетъ законъ; другими словами, воля короля составляла законъ.

Непосредственно ниже королевской власти стоялъ парламентъ, никогда не оспаривавшій всемогущество короля; члены парламента никогда не смѣли сказать ему того, что въ настоящее время говоритъ палата: мы составляемъ часть законодательной власти. Парламентъ обращался къ королю съ такими словами: во всѣ даже самые отдаленные періоды французской исторіи наши короли не желали управлять посредствомъ грубой воен-

ной силы; они всегда признавали, что въ государствѣ должна господствовать справедливость, а не прихоть; оттого-то они постоянно окружали себя совѣтниками; нѣтъ ни одного закона, въ которомъ бы не было упомянуто: „данъ въ нашемъ совѣтѣ“ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ни съ кѣмъ не совѣтовались относительно его изданія. Мы тоже ваши совѣтники, даже болѣе, мы представляемъ феодальныхъ перовъ, слѣдовательно имѣемъ право давать вамъ совѣты. Это такъ, отвѣчалъ король, помогайте мнѣ совѣтами, но если я не хочу васъ слушать, вы должны мнѣ уступить. Тогда парламентъ пускался на хитрости, чувствуя свою слабость. Еслижъ онъ не уступалъ, то король назначалъ торжественное засѣданіе: предсѣдатель говорилъ, совѣтники молчали, королевскій указъ заносился въ реестръ. На слѣдующій день парламентъ снова объявлялъ съ почтительностью, выражающуюся болѣе въ формѣ, чѣмъ въ сущности, что король имѣетъ неограниченную власть, но при этомъ прибавлялъ, что король послѣдовалъ дурнымъ совѣтамъ и что парламентъ обязанъ еще разъ представить ему дѣло въ истинномъ свѣтѣ. Совѣтовать и повиноваться—таковъ былъ девизъ парламента. Въ сущности, сила его опиралась единственно только на общественномъ мнѣніи; онъ не былъ конституціонной властью, но часто служилъ отголоскомъ мнѣнія французскаго общества и имѣлъ въ своей средѣ истинныхъ друзей политической свободы.

Въ XVI ст. король пользовался охотно парламентомъ съ цѣлію противодѣйствія притязаніямъ римскаго двора; Генрихъ IV былъ обязанъ парламенту своею короною; поддерживая законъ салическій, парламентъ разстроилъ честолюбивые замыслы Испаніи.

Но въ царствованіе Людовика XIV съ парламентомъ уже не совѣтуются. Господствующимъ правиломъ является слѣдующее: Богу угодно, чтобы въ монархіи всѣ подданные повиновались королю безъ разсужденія. Поэтому во все царствованіе Людовика XIV парламентъ ни разу не обнаружилъ сопротивленія и это было не его вина; чтобы сопротивляться королю, имѣющему въ своемъ распоряженіи многочисленную армію, законодательное собраніе должно опираться на общественное мнѣніе; иначе это будетъ не законодательное собраніе, а толпа недовольныхъ буржуа, которыхъ иногда выбрасывали за окно.

Представителями же общественнаго мнѣнія были люди въ родѣ Боссюэта. Говоря, что государство — это я, Людовикъ XIV былъ правъ въ нѣкоторомъ смыслѣ; относительно другихъ державъ государь всегда можетъ такъ выразиться. Но когда Боссюэтъ объявляетъ, что государь есть лицо почти божественное, что онъ есть государство, или, другими словами, что власть и ея представитель — одно и тоже, то съ этимъ трудно согласиться. Власть, конечно, имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное, достойное уваженія; но тотъ, кто облеченъ

ею, можетъ быть лицомъ мало почтеннымъ; поэтому весьма заблуждаются говоря, что государство это король. Тоже можно сказать и относительно религіи; религія и священникъ не одно и тоже: первая есть вещь священная, но второй не всегда отличается святостью; однако пороки священника не должны служить причиною ненависти къ религіи.

При Людовикѣ XV парламентъ, поднятый регентомъ (который, конечно, не мало былъ обязанъ парламенту, такъ какъ первое употребленіе, сдѣланное имъ изъ власти, состояло въ уничтоженіи завѣщанія Людовика XIV), вступилъ въ борьбу съ королемъ. Послѣдній, желая спокойно пожить въ Тріанонѣ, не занимался ни съ кѣмъ, ни даже съ своими министрами; общественныя дѣла такъ мало интересовали его, что когда у него просили замолвить слово у министровъ, онъ отвѣчалъ: „я никогда и ничего не прошу у этихъ людей.“ Однако все царствованіе Людовика XV наполнено борьбою съ парламентомъ; это и было время конституціи „Unigenitus“, — споровъ Янсенистовъ; это было царство „lettres de cachet“ (королевскихъ приказовъ объ арестованіи). Парламентъ поддерживало общественное мнѣніе. XVIII ст. прошло въ постоянныхъ спорахъ, въ которыхъ поочередно обсуждались права короля и парламента. Можно сказать даже, что Людовикъ XV и парламентъ, сами того не зная и не желая, дали Франціи политическое образованіе.

Въ 1771 г. парламентъ былъ упраздненъ Людовикомъ XV, а въ 1774 г. снова возстановленъ его преемникомъ Людовикомъ XVI-мъ; послѣ чего онъ опять вступаетъ въ борьбу съ королемъ, которая повлекла за собою паденіе монархіи, а послѣднее — гибель самого парламента.

Парламентъ игралъ великую роль въ исторіи Франціи. Продажность мѣстъ, сосредоточивъ должности въ небольшомъ числѣ семействъ, имѣла тотъ благодѣтельный результатъ, что создала во Франціи наслѣдственную и независимую магистратуру, которая по своимъ обычаямъ и преданіямъ состояло отдѣльно какъ отъ двора, такъ и отъ народа; она одна только писала и говорила среди всеобщаго молчанія. Духовенство было поглощено религіозными раздорами или занято поддержкою своихъ свѣтскихъ привилегій; правда, оно говорило, но только въ защиту себя, а не народа. Парламентъ же, напротивъ, былъ поставленъ такъ, что къ нему можно было обращаться; поэтому естественно, что онъ игралъ большую роль, чему много способствовалъ характеръ его членовъ, которые не склонялись на сторону двора, но, будучи благородными и имѣя въ своихъ рукахъ богатство, старались внушить уваженіе къ правосудію, а строгій образъ жизни этихъ семействъ далъ имъ всеобщее уваженіе. Но эти представители старой магистратуры были римлянами среди монархической Франціи. Одинъ изъ нихъ, Мальзербъ, былъ

республиканецъ: истиннымъ его отечествомъ былъ скорѣе Римъ временъ стараго Катона, нежели Версаль Людовика XV-го.

Но этотъ характеръ представителей магистратуры, хотя и доставилъ парламенту популярность въ обществѣ, однако не далъ ему никакой власти, признанной основными законами. По теоріи, собранію государственныхъ чиновъ принадлежала часть законодательной власти, но французскіе короли хорошо понимали, что ему, какъ собранію представителей Франціи, приходилось бы уступать, а потому короли поступали съ нимъ точно также, какъ папы съ соборами; окружали ихъ глубокимъ почетомъ, но не созывали. Въ 1789 г., т. е. ровно чрезъ 175 лѣтъ, какъ государственные чины были собраны въ послѣдній разъ, ихъ вздумали созвать снова, сдѣлали возваніе къ обществу съ цѣлью узнать, какъ слѣдуетъ поступать въ этомъ случаѣ; до послѣдней минуты не рѣшили даже, слѣдуетъ ли дать среднему сословіе двойное представительство или нѣтъ. Такимъ образомъ во все продолженіе XVII и XVIII ст. собраніе государственныхъ чиновъ было только воспоминаніемъ; да и и созывать ихъ въ 1789 г. было столь же немыслимо, какъ желать въ настоящее время возстановленія учрежденій 1690 г. Между Франціей Людовика XVI и Людовика XIII разница не меньше, какъ между настоящимъ и 1690 г. . . . .

. . . .

Такимъ образомъ власть законодательная принадлежала вполнѣ королю; правда, что иногда, опираясь на общественное мнѣніе и если король соглашался слушать, парламентъ имѣлъ извѣстную долю власти, но при такомъ неограниченномъ королѣ, какъ Людовикъ XIV, всѣ гарантіи исчезали.

Чтобъ имѣть понятіе о королевскомъ всемогуществѣ, необходимо изучить административную организацію. Мы сказали, что король былъ властелиномъ во всѣхъ сферахъ, — арміи, финансовъ и собственно такъ-называемой администраціи. Но вѣдь король — человѣкъ и не можетъ видѣть все самъ собственными глазами; жаль, что этого не понимаютъ защитники патріархальной формы правленія. Патріархальныя правительства начинаютъ тѣмъ, что объявляютъ себя непогрѣшимыми, но ошибаются. Могущество ихъ не имѣетъ предѣловъ, но знаніе весьма ограничено. Но этого мало. Допустивъ даже, что король, какъ необыкновенный смертный, непогрѣшимъ, надобно окружить его непогрѣшимыми людьми, а откуда же взять ихъ, если государство признается неспособнымъ управлять собой?...

Орудіями королевской власти были государственный совѣтъ, министры и интенданты.

Государственный совѣтъ былъ главной пружиной монархіи, но онъ значительно отличался отъ нашего теперешняго, хотя и служилъ ему образцомъ. Такъ какъ онъ представлялъ тогда неограниченнаго монарха, то и

самъ имѣлъ неограниченную власть. Посредствомъ указа государственнаго совѣта король могъ издавать законы, отмѣнять судебные приговоры и дѣлать административныя распоряженія; не было такой мѣры, которую нельзя было принять при помощи указа совѣта. Нельзя не сожалѣть, что въ большинствѣ историческихъ сочиненій не обращено достаточнаго вниманія на эти личныя вмѣшательства нашихъ королей. Не было мѣры, которая не исходилабъ изъ государственнаго совѣта.

Извѣстно, что государственный совѣтъ служилъ орудіемъ монархической власти; нельзя допустить однако, чтобъ онъ долженъ былъ повиноваться и воплощать королевскую волю, вслѣдствіе чего въ свободныхъ странахъ сильно заботятся о томъ, чтобы не было государственнаго совѣта. Въ царствованіе Людовика XIV государстввнный совѣтъ былъ главнымъ агентомъ королевской власти; въ царствованіе же Людовика XV роль эту приняли на себя министры. Государственные секретари или министры были изъ прежнихъ членовъ парламента. Французскіе короли не хотѣли выбирать министровъ изъ дворянскаго сословія; они нуждались въ лицахъ средняго сословія, которыхъ легче было увольнять отъ должности. Министры были сперва простыми секретарями государственнаго совѣта, затѣмъ —докладчиками, а при Людовикѣ XIV они руководятъ уже государственнымъ совѣтомъ. Съ этого времени они по-

лучаютъ власть и дѣйствительно управляютъ государствомъ. Такимъ является Кольберъ, но онъ работаетъ вмѣстѣ съ королемъ. Въ царствованіе же Людовика XV министры, озабоченные тѣмъ, чтобы не стѣснять безпечность короля, управляютъ самовластно.

За министрами слѣдовали интенданты или докладчики государственнаго совѣта. Извѣстно, что въ старой монархіи всѣ должности продавались; богатые люди покупали мѣсто въ парламентѣ, чтò давало имъ потомъ право на покупку мѣста докладчика; слѣдовательно они были сперва судебными должностными лицами. Интенданты посылались намѣстниками въ провинціи.

И тутъ опять встрѣчается тоже самое смѣшеніе власти короля и его представителей. Интенданты были неограниченными уполномоченными неограниченной власти, такъ что ихъ нельзя сравнивать съ нынѣшними префектами не потому, чтобы власть послѣднихъ ограничивалась мѣстными учрежденіями, а оттого, что теперь вошло въ силу новое начало, которое полагаетъ предѣлы этой власти, именно: начало раздѣленія административныхъ аттрибутовъ.

Въ настоящее время, напримѣръ, префектъ не имѣетъ права касаться сбора налоговъ, вмѣшиваться въ дѣла религіозныя; онъ не занимается раздачей жалованья солдатамъ, что относится къ обязанности военнаго интенданта; въ старой же монархіи интендантъ

въ одно и тоже время былъ префектомъ, имѣлъ надзоръ за епископомъ, завѣдывалъ военною частію и былъ даже въ случаѣ нужды судьею; онъ имѣлъ право входить въ мѣстный парламентъ, гдѣ занималъ мѣсто непосредственно за первымъ председателемъ; могъ возбудить дѣло, созвать судъ изъ избранныхъ имъ же самимъ коммисаровъ; словомъ, онъ пользовался всѣми аттрибутами власти. Могущество его встрѣчало препятствія только въ оппозиціи парламента и въ сопротивленіи губернатора, но онъ легко преодолѣвалъ ихъ, если имѣлъ какія-нибудь связи въ Парижѣ; словомъ, онъ былъ неограниченнымъ властелиномъ провинціи. Такимъ является интендантъ Фуко при Людовикѣ XIV и Тюрго, который при Людовикѣ XV сдѣлалъ все, что могъ, для улучшенія провинціи Лиможъ.

Интенданты были всемогущи какъ для добра, такъ и для зла. Вспомнивъ, что Ло, послѣ своего банкротства, сказалъ интенданту Аржансону: „во Франціи нѣтъ губернаторовъ, нѣтъ парламента, нѣтъ епископовъ; все принадлежитъ интендантамъ; они господствуютъ надъ всѣмъ.“ Онъ хотѣлъ польстить Аржансону, но сказалъ правду. Эти тридцать четыре интенданта получали приказанія изъ Парижа; послѣдній ввелъ во Франціи систему централизаціи, сила которой въ то время заключалась болѣе въ ея представителяхъ нежели въ привилегіяхъ. Равенство сдѣлало теперь централизацію болѣе сильпую въ дѣлахъ; что же ка-

сается до лицъ, то нынѣшній префектъ не имѣетъ и четвертой доли той власти, которую имѣлъ интендантъ.

Интендантъ былъ особенно всемогущъ въ отношеніи налоговъ. Старая монархія постоянно находилась въ крайности, постоянно поглащала не только доходы текущаго, но часто даже часть доходовъ будущаго года, постоянно нуждалась въ деньгахъ; тутъ-то и проявлялось съ другой стороны всемогущество интендантовъ. Нѣтъ ничего опаснѣе власти, которая нуждается въ деньгахъ; она постоянно имѣетъ тираническій характеръ. Народъ любитъ скупаго короля и я убѣжденъ, что царствованіе Людовика XI пользовалось популярностью потому только, что по мнѣнію народа этотъ государь берегъ деньги бѣдныхъ; точно также и Сюлли обязанъ своею славою тому, что приверженцы его называли скупостью.

Только бережливое правительство можетъ устроить благосостояніе народа. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно облегченіе бѣдствій народа, если необходимо брать съ него (въ формѣ налога) все, что только можно. Для правильнаго распредѣленія налога правительство должно располагать довольно продолжительнымъ періодомъ времени, въ теченіи котораго оно не нуждалось бы въ деньгахъ. То правительство, которое находится въ критическихъ финансовыхъ обстоятельствахъ, всегда является угнетателемъ народа; между тѣмъ какъ бе-

режливое, напротивъ, всегда дѣйствуетъ въ либеральномъ духѣ, именно вслѣдствіе того, что оно можетъ изыскивать лучшій способъ распредѣленія налога.

Выгоды правительства въ настоящее время состоятъ въ томъ, чтобъ извлекать изъ народа столько денегъ, сколько это возможно, не причиняя слишкомъ большихъ страданій; отличаясь жестокостью въ прежнее время, оно теперь само желаетъ, чтобы всѣ сдѣлались богатыми, въ надеждѣ воспользоваться львиной долей изъ нашихъ достатковъ. Это прекрасная система; да къ тому же сама справедливость требуетъ, чтобы мы платили налоги.

Вѣдь правительство заботится о томъ, чтобъ оказывать намъ услуги; оно совершенствуетъ почты, телеграфы, ибо съ увеличеніемъ нашего благосостоянія увеличивается и его собственное. Но старая монархія, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, не могла думать о томъ, чтобъ увеличить средства своихъ поданныхъ; система ея состояла въ томъ, чтобъ обирать народъ и зажимать ротъ, когда онъ высказывалъ сопротивленіе.

Впрочемъ о налогѣ мы не будемъ распространяться подробно. Вспомнимъ лишь о подушной подати или поземельномъ налогѣ, вспомнимъ о томъ, какъ плоха была комбинація, выведенная изъ римскихъ законовъ для сбора налога. Забота о послѣднемъ была возложена на самихъ крестьянъ, которые были обязаны круговой порукой за взносъ всей суммы налога, слѣдующаго съ из-

вѣстной деревни; а потому, чтобы не платить самимъ они принуждены были продавать у своихъ сосѣдей все имущество, пока налогъ не былъ выплаченъ сполна. Крестьянинъ знаетъ, какъ сильно нужно трудиться, чтобы заработать себѣ дневвое пропитаніе, а ему при этомъ говорятъ: у тебя будетъ отнято все, если ты не позаботишься о взносѣ налога. Поэтому, ради сохраненія собственнаго имущества, онъ продалъ бы домъ сосѣда, да вдабавокъ и его самаго.

Наконецъ, такой способъ взиманія налога послужилъ орудіемъ для раззоренія деревень, ибо крестьяне, чтобы не быть жертвой правительства, бѣжали въ города, гдѣ и приписывались.

Какъ ни стѣснительна была подушная подать, однако она еще ничто въ сравненіи съ другими налогами, къ числу которыхъ надо отнести соляную пошлину, акцизъ, пошлины съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ или таможенные сборы.

Смотря на карту нынѣшней Франціи, удивляешься при видѣ такого удобнаго раздѣленія; ее пересѣкаютъ черныя линія—это рѣки: Рона, Сона, Сена и др. Но если взглянемъ на карту Франціи временъ старой монархіи, со хотя и найдемъ черныя линіи, но онѣ не изображаютъ рѣкъ, — раздѣляя Францію на двадцать частей, онѣ представляли собою разграничительныя линіи таможенныхъ и соляныхъ пошлинъ, для которыхъ сосредоточены были цѣлыя арміи. Такъ, соляное управ-

леніе имѣло въ своемъ распоряженіи 16,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на полки съ цѣлью затруднить добычу соли. Послѣдняя, напримѣръ, не могла быть провезена въ Нормандію безъ уплаты пошлины въ двѣсти сорокъ разъ больше ея цѣнности. Состояніе Франціи въ то время можно сравнить съ положеніемъ человѣка, котораго измучили, связали и посадили въ тюрьму.

Мы не можемъ представить себѣ тѣхъ страданій, которыя выносило наше отечество въ эту эпоху. Надо обратиться къ современникамъ, чтобъ убѣдиться, что галеры были наполнены людьми, вся вина которыхъ состояла лишь въ томъ. что они старались провести соль изъ одной провинціи въ другую. Конечно, это былъ проступокъ, который походилъ скорѣе на кражу, но за него наказывали какъ за убійство.

Но что еще болѣе увеличивало тягость налога,— это неравномѣрность распредѣленія его. Въ настоящее время стараются установить подоходную подать, чтобы всякій платилъ пропорціонально своему состоянію. Намъ кажется, что налогъ этотъ могъ бы имѣть большія неудобства, ибо онъ основанъ безусловно на цифрѣ получаемаго дохода, не принимая въ разсчетъ другихъ обстоятельствъ; между тѣмъ, какъ часто случается, что человѣкъ, имѣющій большіе доходы и много дѣтей въ сущности не богаче другаго, который пользуется малымъ доходомъ, но бездѣтенъ. Въ старой же монархіи кажется все было разсчитано на то только, чтобы за-

ставить платить бѣдняка; такимъ образомъ священникъ, имѣвшій вообще бенефиціи, членъ парламента, дворянинъ, всѣ эти лица не платили налога, тогда какъ крестьянинъ напротивъ. Послѣдняго считали какимъ-то муломъ и даже дошли до утвержденія, что онъ не сталъ бы трудиться, если бы не былъ къ тому понуждаемъ налогомъ. Но крестьянинъ любитъ работать только для себя, а не въ пользу чиновниковъ таможни.

Кромѣ того, и откупная система сбора налоговъ была очень стѣснительна для крестьянина. При взиманіи налоговъ сталкивались интересы человѣка, который желалъ обогатиться, и право гражданина, но перевѣсъ всегда оставался на сторонѣ выгодъ откупщика налоговъ. Если податное лицо выказывало сопротивленіе, то откупщикъ обращался къ правительству съ просьбою поддержать его; послѣднее снабжало его „lettres de cachet“ и тѣмъ самымъ поселяло въ душѣ гражданъ раздоръ и ненависть, которые имѣли своимъ исходомъ революцію.

Я убѣжденъ, что если бы въ нашемъ отечествѣ любили болѣе равенство безъ свободы, нежели свободу безъ равенства, то не пришлось бы испытывать тѣхъ страданій, которыя переносили отъ налога. Крестьянинъ могъ подумать: у меня продаютъ имущество за неуплату налога, но вотъ мой сосѣдъ — богачъ, а между тѣмъ ничего не платитъ; я оплачиваю въ 100 или 200 разъ цѣнность соли, а членъ парламента платитъ

вчетверо менѣе; при всемъ томъ я бѣденъ, а не богатъ. Я убѣжденъ, что такое несправедливое неравенство накопило много ненависти въ сердцахъ нашихъ предковъ.

Почему же въ Америкѣ лицо богатое не только не внушаетъ къ себѣ отвращенія, но тамъ даже его уважаютъ? Потому что тамъ каждый можетъ достигнуть того же самаго состоянія. Но если законъ даетъ право однимъ и заставляетъ страдать другихъ, если это тянется въ продолженіи столѣтій, то народъ становится завистливымъ и проникается революціонными стремленіями; равенство же, напротивъ, пріучаетъ его уважать порядокъ, потому что въ немъ онъ видитъ защиту своего труда и своихъ правъ.

Гражданскій судъ составлялъ лучшую сторону стараго порядка и оставилъ глубокіе слѣды въ нашихъ учрежденіяхъ. Не было большой разницы между аппеляціоннымъ судомъ и парламентомъ, судами первой инстанціи и окружными; но революція уничтожила тѣ злоупотребленія, которыя зависѣли отъ способа образованія государственнаго строя Франціи. Она отмѣнила мелкіе господскіе суды, которые въ самыхъ деревушкахъ притѣсняли крестьянъ самымъ жестокимъ образомъ, — отмѣнила безконечное множество мелкихъ судебныхъ чиновниковъ, обременявшихъ крестьянина; такимъ образомъ одна часть Франціи судила другую. Въ каждой деревушкѣ находилось то, что Луазо называлъ „menagerie de village“, т. е. цѣлая толпа

людей, привыкшихъ извлекать деньги у простака, какъ они обыкновенно называли крестьянина...

Уголовный же судъ составлялъ послѣ налога самую дурную сторону древняго французскаго законодательства. Развѣ нельзя было при лучшемъ способѣ взиманія уменьшить налогъ на половину и получить столько же средствъ,—смягчить уголовное законодательство, не ослабляя степень его репрессивности. Это уголовное судопроизводство, заимствованное отъ инквизиціи, тяготѣло долгое время надъ Европой; — во Франціи, еще до Монтескье, былъ публицистъ, протестовавшій противъ жестокости наказаній. Эйро (Ayrault) въ XVI столѣтіи указалъ на это зло, но заявленіе его не имѣло послѣдствій. Монтескье первый, который раскрылъ общія философскія начала уголовнаго права.

Геній Монтескье внушилъ Беккарію мысль требовать смягченія наказаній. Извѣстно, что сдѣлано Вольтеромъ для несчастнаго Калласа и кавалера де-Ла-Барръ. Смягченіемъ уголовныхъ законовъ мы обязаны французскимъ философамъ, — Беккарія былъ не болѣе какъ ученикъ ихъ. Вотъ чѣмъ поражаетъ насъ восемнадцатый вѣкъ, вотъ причина почему, не смотря на всѣ свои недостатки и ошибки, онъ вызываетъ къ себѣ симпатію тѣхъ, которые его изучаютъ. Онъ не имѣетъ торжественнаго характера вѣка Людовика XIV, гдѣ все отличалось такою правильностью и повсюду замѣтны были величественная поступь и парикъ великаго

короля. Но восемнадцатое столѣтіе оказало міру услугу, которую нельзя забыть; оно внесло идею гуманности въ законы уголовные и идею терпимости въ жизнь гражданскую и политическую. Вольтеръ, король этого вѣка,—хотя мы и не отрицаемъ въ немъ нѣкоторыхъ недостатковъ, — имѣетъ право на признательность потомства за то, что сталъ во главѣ этого умственнаго движенія.

Благодаря этимъ великимъ людямъ восемнадцатаго столѣтія, мы пользуемся въ настоящее время гражданскою и политическою свободой, и все величіе вѣка Людовика XIV ничто въ сравненіи съ подобными благодѣяніями.

Послѣ уголовной юстиціи мы обратимся къ „lettres de cachet“ и полиціи по дѣламъ печати.

„Lettres de cachet“ и полиція по дѣламъ печати стоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Старая монархія чувствовала, что ей угрожаетъ эта новая сила, носящая названіе печати, или вѣрнѣе, сила общественнаго мнѣнія, для которой печать служитъ ораномъ; она желала, чтобы во всей Франціи господствовало одно глубокое молчаніе, чтобы люди не высказывали своихъ мнѣній и даже не думали. Эта свобода безъ отголоска была терпима въ салонахъ, но философы, писавшіе книги для народа, были въ подозрѣніи у правительства. Нѣтъ знаменитаго писателя или замѣчательнаго сочиненія, которыхъ бы не преслѣдовало правительство.

Вольтеръ жилъ въ изгнаніи, Монтескье принужденъ былъ издавать свои сочиненія безъ подписи, Дидро, Руссо преслѣдовались какъ уголовные преступники.

Старая монархія находилась въ заблужденіи; предвидя грозу, вмѣсто того, чтобы возстановить лучшій порядокъ, она вздумала уничтожить своихъ противниковъ и проиграла въ этой неравной борьбѣ. Можно преслѣдовать людей, но не идеи. Чѣмъ болѣе преслѣдуютъ идеи, тѣмъ болѣе они оказываютъ сопротивленіе; какъ бы хороши или дурны онѣ ни были, но, коль скоро ихъ преслѣдуютъ, онѣ тѣмъ болѣе находятъ себѣ защитниковъ. Маколей былъ совершенно правъ, высказывая слѣдующую великую мысль: „предоставьте истинѣ и лжи бороться другъ съ другомъ: первая уничтожитъ вторую; но если вы пособите истинѣ силой, то ложь погубитъ ее.“ Какъ только вы видите силу, вы останавливаете ее и говорите: „Юпитеръ, ты сердишься, слѣдовательно не правъ.“ Дѣло, защищаемое силой кажется вамъ несправедливымъ; совѣсть оборачивается противъ васъ. Пусть идея появится на свѣтъ; если она будетъ негодна, то падетъ сама собою. Во Франціи преслѣдуютъ коммунистовъ; въ Англіи же имъ говорятъ: „излагайте ваши теоріи; вы найдете людей, которые съумѣютъ вамъ отвѣтить,“ и вы можете видѣть, какъ эти странные призраки при свѣтѣ дня исчезаютъ сами собою. Въ этомъ то и состоитъ великое преимущество свободы, которое не было понято старой монархіей.

Мы указали выше, что въ старой монархіи не было гарантій для свободы, слѣдовательно не существовало и конституціи. Но была ли Франція добычею деспотизма? Можно ли думать, какъ утверждаютъ многіе изъ историковъ революціи, что короли сами были тиранами? Нѣтъ! Франція XVII и XVIII ст. не признавала себя рабомъ; хотя нѣкоторые и находятъ правительство прежнее дурнымъ, но не тираническимъ. Наши короли не чувствовали склонности къ тираніи, — это вещь очень трудная, — они стремились только къ отечески самовластному управленію.

Старый порядокъ имѣлъ недостатокъ иного рода. Дворъ, находясь въ Версалѣ, мало интересовался Парижемъ, но если желали говорить о религіи и политикѣ, то надобно было издавать сочиненіе внѣ столицы и, въ случаѣ нужды, удалиться изъ отечества для избѣжанія ареста. Отсюда и происходитъ тотъ легкомысленный и безпокойный духъ, въ которомъ такъ упрекаютъ французовъ и который есть ничто иное, какъ развлеченіе человѣка, обреченнаго на бездѣйствіе...

Старая монархія не заключала въ себѣ ничего совмѣстнаго съ свободою въ современномъ смыслѣ; духовенство не добивалось ее; министры — также; дворянство занято было поддержкою своихъ привилегій; дворъ опасался гласности; словомъ, все, окружавшее короля, противилось свободѣ.

Но была ли необходима революція? Вопросъ этотъ

возбуждаетъ вопросъ о конституціи. Все зависитъ отъ смысла, который придаютъ этому слову. Если подъ революціей разумѣютъ уничтоженіе людей и вещей, то она не была необходима; „въ преступленіяхъ не было нужды“, какъ выразился Ройэ Коляръ, повторяя слова Бенжамэна Констана. Революція пріобрѣла обаяніе только въ весьма недавнее время; когда я воспитывался, то объ ней еще не имѣли понятія; мнѣ кажется, что наши отцы, пострадавшіе во время террора отъ деспотизма революціонеровъ, имѣли поводъ ненавидѣть Конвентъ. Не думаю, чтобы терроръ былъ неизбѣженъ; я полагаю, напротивъ, что только свобода порождаетъ свободу и что тиранія никогда не произведетъ ничего болѣе какъ тиранію. По моему мнѣнію, революція въ такомъ смыслѣ съ ея крайностями не была необходима.

Но если подъ революціей понимать совершенную перемѣну учрежденій, то въ ней была настоятельная потребность. Революція, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, была необходима для достиженія того состоянія цивилизаціи, въ которомъ мы находимся въ настоящее время, ибо прежній порядокъ не могъ удовлетворить дѣйствительнымъ интересамъ страны.

Но что происходитъ въ настоящее время во всѣхъ государствахъ Европы? Что дѣлаютъ наши палаты, ежегодно озабоченныя изысканіемъ законовъ, которые надобно издать или уничтожить? Они поступаютъ подобно домовладѣльцамъ, которые для поддержанія зда-

нія, приходящаго въ вѣтхость, принуждены производить то одну, то другую передѣлку. Но что дѣлалъ Людовикъ XV? Ничего! Онъ имѣлъ одну только мысль, что монархія не можетъ продлиться долѣе, чѣмъ его собственная жизнь.

Извѣстно, что жизнь народа имѣетъ много общаго съ жизнью отдѣльнаго человѣка, что идеи развиваются и что съ каждымъ полувѣкомъ новое поколѣніе имѣетъ идеи часто совершенно иныя, нежели то, которое ему предшествовало. Представьте себѣ, что правительство остановится на пути развитія; нельзя допустить, чтобъ оно могло устоять, ибо невозможно, чтобы, по истеченіи десяти или двадцати лѣтъ, само оно не находило себя очень отсталымъ отъ того общества, которымъ оно руководило, а послѣднее не имѣло бы достаточно сильныхъ желаній, дабы изъ этого разлада возникло то, что обыкновенно называютъ революціей.

Это такъ дѣйствительно и случилось. Какъ ни законны были намѣренія Людовика XVI, но онъ вступилъ на престолъ, обремененный затрудненіями, которыя были порождены бездѣйствіемъ Людовика XV. Революція была законна, потому что въ теченіи шестидесяти лѣтъ отвергали всякую реформу. Все, чего добивались и желали эти люди въ 1789 г., было законно, ибо они стремились къ достиженію того, что составляетъ наше достояніе въ настоящее время.

Судъ и Полицiя во Францiи.

Чтобы составить ясное понятiе о состоянiи правосудiя во Францiи наканунѣ революцiи 1789 г., нужно перенестись въ нѣсколько болѣе отдаленную эпоху, потому что французская администрацiя восемнадцатаго вѣка была въ сущности произведенiемъ предшествовавшаго времени. Старая французская монархiя жила воспоминанiями; то, что въ концѣ прошлаго столѣтiя называли злоупотребленiями, было лишь остатокъ древнихъ обычаевъ, сдѣлавшихся цѣпью для народа, который возмужалъ. Къ несчастiю для государей, утопающихъ въ развратѣ и праздности, каковъ былъ Людовикъ XV, нацiя, возмужавъ, чувствуетъ потребность освободиться отъ всего, что служитъ помѣхой ея развитiю.

Если учрежденія не совершенствуются постепенно, то законодательство становится наконецъ стѣсненіемъ для общества, и народъ задыхается въ той самой атмосферѣ, которая нѣкогда поддерживала его жизнь.

I.

Гражданскій судъ.

На низшей ступени гражданскаго правосудія стояли суды господскіе (justice seigneuriale), остатокъ феодализма. Каждый ленный владѣлецъ былъ полновластнымъ государемъ въ своихъ земляхъ. На него возлагалась мѣстная полиція, администрація и даже національная защита; онъ собиралъ налоги въ свою пользу; наконецъ, въ его рукахъ было правосудіе, которое отправлялось такъ-называемыми бальи (baillis), людьми совершенно преданными ленному владѣльцу.

Господская юрисдикція мало по малу ослаблялась королевской властью; но въ деревняхъ бальи держатся вплоть до самой революціи. Предѣлы власти ленныхъ владѣльцевъ уменьшились; имъ запрещено было творить судъ и расправу по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (la haute et la moyenne justice); но бальи, обычный персоннажъ почти каждой комедіи XVIII столѣтія,

сохранилъ за собой деревенскую полицію и сборъ господскихъ налоговъ. Крестьянинъ не знаетъ о томъ, что происходитъ въ Парижѣ; законодательство, политика не интересуетъ его, но онъ каждую минуту можетъ быть притянутъ къ суду за какую-нибудь пустую ссору въ кабакѣ, или за то, что его скотъ зашелъ на поле сосѣда. Такимъ образомъ до самаго начала революціи онъ находится всецѣло въ рукахъ всемогущаго бальи.

Эта юстиція, отправляемая бальи, которые набирались обыкновенно изъ раззорившихся стряпчихъ (praticiens), или изъ отставныхъ судебныхъ приставовъ (huissiers), была крайне обременительна для народа. Въ XVI вѣкѣ Луазо (Loyseau), сочиненія котораго, къ сожалѣнію, теперь очень мало читаются, написалъ книгу подъ заглавіемъ *„Деревенскіе Суды“* (Justices de village), въ которой представлена наивная картина того, что онъ назвалъ „mangeries de village.“

Во Франціи, говоритъ Луазо, теперь почти всякій дворянинъ, даже самый мелкопомѣстный, утверждаетъ, что ему принадлежитъ отправленіе правосудія въ его селѣ или деревушкѣ. Тотъ, у котораго нѣтъ деревни, а есть только мельница или скотный дворъ, хочетъ пользоваться правомъ суда надъ своимъ мельникомъ или скотникомъ. У иного нѣтъ даже ни мельницы, ни скотнаго двора, но и тому хотѣлось бы творить судъ и расправу хоть надъ своей женой или прислугой...

Вслѣдствіе этого въ правосудіи господствуетъ такая путаница, которую можно сравнить развѣ только со смѣшеніемъ языковъ во время вавилонскаго столпотворенія. Эта путаница заключается не только въ сомнѣніи предѣловъ вѣдомства различныхъ судовъ, но и въ неопредѣленности инстанцій; очень часто случается, что въ извѣстной провинціи есть какой-нибудь деревенскій судъ, на рѣшенія котораго нужно аппелировать въ другую провинцію, гдѣ находится главное помѣстье господина, отъ котораго зависитъ этотъ судъ.

Такимъ образомъ различіе было не только въ органахъ правосудія, но и въ самыхъ законахъ, и въ разныхъ деревняхъ лица и собственность подлежали дѣйствію различныхъ законовъ. Само собою разумѣется, что такой порядокъ вещей представлялъ огромныя неудобства.

Деревенскіе суды занимали низшую ступень правосудія, а потому очень естественно полагать, что существовало право аппеляціи на ихъ приговоры. Но каждый господинъ старался сохранить за собою право рѣшенія дѣлъ въ послѣдней инстанціи и для этого обыкновенно раздроблялъ свой ленъ на нѣсколько помѣстьевъ. Благодаря этому обстоятельству, въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи можно было пять разъ аппелировать по одному и тому же дѣлу, такъ что, напримѣръ, дѣло о вредѣ, причиненномъ коровой на чужомъ полѣ, иногда судилось шесть разъ,—въ шести послѣдовательныхъ

инстанціяхъ. „Что удивительнаго, замѣчаетъ Луазо, что въ такомъ случаѣ съѣдалась не только корова, но и владѣлецъ ея.“ Кромѣ того, судьи въ сабо были народъ нецеремонный; характеристика ихъ, оставленная намъ Луазо, показываетъ, что въ нихъ было очень мало идиллическаго.

„Не слѣдуетъ думать,—говоритъ этотъ писатель,—что отправленіе суда на самомъ мѣстѣ, въ деревняхъ, служитъ облегченіемъ для народа. Издержки въ этихъ маленькихъ „mangeries de village“ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ большихъ городскихъ судахъ, гдѣ во-первыхъ судьи ничего не берутъ за выписки изъ дѣла или копіи съ протоколовъ (expéditions de l'audience); въ деревнѣ же, чтобы получить какую-нибудь ничтожную выписку, нужно угостить на славу судью, повытчика (greffier) и стряпчихъ въ лучшей гостинницѣ, которая обыкновенно служитъ мѣстомъ собранія почетныхъ лицъ деревни, locus majorum, гдѣ совершаются всякаго рода юридическіе акты, и гдѣ очень часто дѣло рѣшается въ пользу того, кто платитъ за угощеніе.“

Прибавимъ къ этому, что ленный владѣлецъ былъ полный господинъ деревенскаго суда; заводить съ нимъ процессъ было безполезно, потому что бальи совершенно зависѣлъ отъ него. Точно также зависѣлъ отъ него и сельскій писарь (tabellion), такъ что владѣлецъ, въ случаѣ надобности, могъ добыть какой угодно документъ, составленный заднимъ числомъ, и получить отъ

нотаріуса подложный актъ, подписанный двумя свидѣтелями, которыхъ невозможно было спросить, потому что они давно уже померли.

Вторую ступень въ системѣ прежняго французскаго правосудія занимали суды городовъ, les échevinages. И тутъ мы должны оставить наши теперешнія понятія. Мы воображаемъ, что въ царствованіе Филиппа Прекраснаго Парижъ, городъ, окруженный валомъ, представлялъ административную единицу: ни чуть не бывало. Каждая часть Парижа принадлежала особому владѣльцу, который имѣлъ свои собственныя силы. Такъ было аббатство св. Женевьевы, аббатство сенъ-жерменскаго предмѣстья, и каждое аббатство имѣло свой судъ, свой позорный столбъ (pilori): это былъ тотъ же ленный владѣлецъ. При Франciскѣ I правительство старалось освободиться отъ всѣхъ этихъ частныхъ судовъ. Вотъ списокъ ихъ (не считая королевскихъ судовъ): „Fort l'Evéque", тюрьма котораго впослѣдствіи служила мѣстомъ заключенія актеровъ, „Chapitre", составлявшій часть стариннаго города, „Cité", „Monmartre", „Sainte-Geneviève", „Saint-Victor", „Saint-Martin", „Temple", „Saint-Eloi", „Sainte-Opportune", „Saint-Magloire", „Saint-Méry". Въ царствованіе Франциска I въ Парижѣ было шестнадцать юрисдикцій, принадлежавшихъ аббатствамъ, и многія изъ этихъ юрисдикцій существовали до самой революціи. Вплоть до 1789 г. Тампль служилъ неприкосновеннымъ мѣ-

стомъ убѣжища (séjour de franchise); лицо скрывшееся въ предѣлахъ Тампля, не могло быть арестовано или подвергнуто преслѣдованію по гражданскому иску.

Городъ, собственно такъ-называемый, тоже имѣлъ свою юрисдикцію: échevinage, происхожденіе которой относится къ весьма отдаленной эпохѣ. Судопроизводство „échevinage“ основывалось на томъ началѣ, что каждый долженъ быть судимъ своими равными, пэрами: ленный владѣлецъ, зависимый отъ короля,—ленными владѣльцами той же степени; мѣщанинъ—мѣщанами; крестьянинъ — крестьянами. Судъ присяжныхъ есть ничто иное, какъ примѣненіе этого принципа. Города до самой революціи сохраняли за собой право суда по уголовнымъ дѣламъ. Королевская власть отняла у нихъ гражданскую юрисдикцію, но оставила за ними уголовную, какъ будто охраненіе жизни и свободы людей менѣе важно, чѣмъ охраненіе ихъ собственности.

Внѣ городовъ, надъ господскими судами возвышалась королевская юстиція. Въ началѣ она отправлялась королевскими намѣстниками — бальи, или сенешалами, которые всегда назначались изъ военныхъ. Этотъ бальи, или сенешалъ, былъ нѣчто въ родѣ римскаго проконсула: онъ командовалъ войсками, находящимися во ввѣренной емъ провинціи, разбиралъ жалобы, творилъ судъ и расправу, и предсѣдательствовалъ въ ассизахъ.

*

Впослѣдствіи администрація бальи ослабѣваетъ, появляются гражданскіе губернаторы (intendants civils); бальи, однакоже, сохранилъ за собой начальство надъ войскомъ, что видно изъ того, что онъ всегда величаетъ себя: „officier d'épée." По отправленію правосудія онъ почти вездѣ былъ замѣненъ двумя намѣстниками — однимъ по гражданскимъ дѣламъ (lieutenant civil), и другимъ—по уголовнымъ (lieutenant criminel), а также президіалами.

Ниже суда бальи (baillage) былъ судъ прево (prevôté), и иногда судъ сенешала (sénéchaussée), которые судили извѣстнаго рода преступленія. Судъ прево былъ только для людей незнатныхъ, такъ что въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Анжерѣ, для отправленія гражданскаго и уголовнаго правосудія, существовало четыре различныхъ суда: „prèsidial", „baillage", „sénéchaussée" и „prévôté", Границы юрисдикціи каждаго суда были до того дурно опредѣлены, что эти четыре суда вели между собой вѣчныя пререканія о подсудности.

Въ XVI вѣкѣ, именно въ 1551 г. король Генрихъ II учредилъ правильные трибуналы, такъ-называемые „présidiaux, которые составляли нѣчто среднее между судомъ бальи и парламентомъ. Эти президіалы, число которыхъ простиралось до 60, походили на теперешніе суды первой инстанціи. Они рѣшали окончательно дѣла на сумму до 250 ливровъ, или иски объ имуществѣ, приносившемъ до 10 ливровъ ежегод-

наго дохода, и въ первой степени (par provision) — дѣла на сумму до 500 ливровъ. Въ 1774 г. предѣлы юрисдикціи ихъ были расширены, такъ что они могли рѣшать безапелляціонно дѣла на сумму до 2000 ливр. Въ числѣ членовъ этихъ низшихъ судовъ мы встрѣчаемъ лицъ, пользовавшихся большой извѣстностью въ свое время; такъ Дома былъ адвокатомъ въ клермонскомъ президіалѣ, Потье, Летронь (Le Trosne), Жуссъ и прево ла-Жаннэ были совѣтниками орлеанскаго президіала.

Таковы были до революціи низшіе суды во Франціи; высшія судебныя учрежденія составляли парламенты.

Наканунѣ революціи всѣхъ парламентовъ было 14. Парламенты: парижскій, тулузскій, гренобльскій, бордосскій, руанскій, эсскій и дижонскій были древнѣйшіе между ними; затѣмъ слѣдовали парламенты провинцій завоеванныхъ или присоединенныхъ къ французскому королевству: Ренна, Кольмара, Дуэ, Безансона, Нанси, Метца и По; сверхъ того, въ Артуа, Эльзасѣ и Руссильонѣ, въ уваженіе къ особеннымъ привилегіямъ этихъ провинцій, сохранены были высшіе судебные совѣты (conseils supérieurs).

Эти парламенты отличались между собой по предѣламъ своего вѣдомства. Кругъ вѣдомства парижскаго парламента обнималъ двѣ пятыхъ всей французской территоріи съ 10,000,000 жителей. Между тѣмъ пар-

ламентъ По, имѣвшій подъ своимъ вѣдѣніемъ только 250,000 жителей, пользовался юрисдикціей въ 40 разъ меньшей, чѣмъ парижскій парламентъ, которому подчинены были, въ судебномъ отношеніи, города Амьенъ, Труа, Ліонъ, Пуатье, Туръ, и т. д. Такой кругъ вѣдомства былъ чрезмѣрно обширенъ, особенно въ ту эпоху, когда не существовало желѣзныхъ дорогъ, когда сообщеніе было крайне затруднительно, когда дилижансъ шелъ только днемъ, употребляя двое сутокъ на проѣздъ изъ Орлеана въ Парижъ, а по меньшей мѣрѣ девять сутокъ изъ Парижа въ Страсбургъ. На это-то неудобство и спекулировалъ главнымъ образомъ Мопу, когда, желая доставить популярность своимъ реформамъ, онъ раздѣлилъ парижскій парламентъ на шесть высшихъ совѣтовъ. Но всѣ эти государственные люди, дѣйствующіе съ задней мыслью, горько ошибаются, воображая, что можно купить сочувствіе народа грошовыми реформами, что можно сказать недовольной націи: „мы отнимаемъ у тебя твои вольности, но взамѣнъ даемъ тебѣ юстицію, болѣе удобную и менѣе дорогую.“ Величіе человѣческой природы въ томъ и состоитъ, что человѣкъ отдаетъ идеямъ первенство передъ интересами.

Всѣмъ извѣстно какимъ образомъ назначались члены парламента; они просто покупали свои мѣста, которыя, вслѣдствіе этого, сдѣлались собственностью нѣсколькихъ семействъ. Эти мѣста приносили покупщи-

камъ отъ 2½ до 3 процентовъ, слѣдовательно покупка такого мѣста была денежной жертвой.

За нѣкоторыя изъ парламентскихъ должностей брали огромныя цѣны, такъ мѣсто перваго президента стоило отъ 700 до 800 тысячъ ливровъ, мѣсто совѣтника — 300,000 ливр. Почти всѣ парламентскія семейства принадлежали къ дворянству; остальныя составляли цвѣтъ бржуазіи. Нѣкоторые члены парламента были герцоги, напримѣръ Потье, Сэгье. Но никогда членъ парламента не носилъ своего дворянскаго титула; онъ называлъ себя просто: „президентъ" или „совѣтникъ". Это высокое мнѣніе членовъ парламента о своемъ судейскомъ званіи доставило большую силу и популярность самому учрежденію. Члены парламента составляли своего рода дворянство, которое считало за честь носить судейскую тогу, подобно тому какъ обыкновенные дворяне гордились тѣмъ, что носятъ шпагу.

Парижскій парламентъ состоялъ изъ десяти департаментовъ или палатъ: гражданская палата (Tournelle civile), уголовная палата (Tournelle criminelle), пять слѣдственныхъ палатъ (chambres des enquêtes), двѣ аппеляціонныя палаты (chambres de requêtes), и, наконецъ, такъ-называемая „Большая Палата" (Grande Chambre). Весь составъ парламента состоялъ изъ 210 судей, и въ числѣ ихъ встрѣчаются имена, которыя французъ произноситъ съ уваженіемъ, — имена Сэгье, Ламуаньона, Агессо, Молэ. Во французской исторіи

мало найдется великихъ людей, которые не служили въ парламентѣ.

Къ парламенту примыкала королевская адвокатура (parquet), состоявшая изъ генералъ-прокурора, четырехъ генералъ-адвокатовъ и двѣнадцати помощниковъ (substituts). Прокуроръ не принималъ участія въ судебныхъ преніяхъ; рѣчи говорили адвокаты. Замѣтимъ, что и мѣсто адвоката тоже покупалось. Продажность должностей, конечно, представляла страшное зло; но она имѣла ту хорошую сторону, что должность, разъ проданная, становилась собственностью купившаго ее, такъ что, напримѣръ, королевскій адвокатъ былъ совершенно независимъ въ исполненіи своей обязанности. Ему нельзя было сказать: „вы должны защищать такое то дѣло, а если не хотите, такъ подавайте въ отставку". Генералъ-адвокатъ былъ гораздо болѣе адвокатъ закона, чѣмъ адвокатъ короля.

Таково было устройство парламента. Выше его стоялъ тайный совѣтъ (conseil privé) или, какъ его иначе называли „совѣтъ сторонъ" (conseil des parties), который имѣлъ значеніе кассаціоннаго суда. Изъ этого видно, что прежнее французское судопроизводство совершенно похоже на нынѣшнее. Члены тайнаго совѣта, или кассаціоннаго суда, назывались государственными совѣтниками (conseillers d'État).

Тайный совѣтъ, преобразованный въ 1738 г., состоялъ изъ 30 членовъ; онъ кассировалъ судебные

приговоры въ случаѣ несоблюденія какихъ-либо формъ и обрядовъ судопроизводства. Что касается приговоровъ, въ которыхъ былъ искаженъ, или неправильно истолкованъ смыслъ закона, то отмѣна подобнаго приговора достигалась съ большими затрудненіями, потому что въ то время суды не мотивировали своихъ рѣшеній.

Такова была старинная французская система, изъ которой возникла и теперешняя организація судебной части; но Франція не была бы страной разнообразія, если бы въ ней существовало одно и то же правосудіе для всѣхъ и каждаго. Кромѣ общихъ судебныхъ учрежденій, былъ еще цѣлый рядъ исключительныхъ и привилегированныхъ судовъ. Мы называемъ исключительными судами тѣ, которые были установлены для разбора особаго рода дѣлъ. Учрежденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ судовъ было какъ нельзя болѣе разумно. Такъ, напримѣръ, теперь существуетъ „счетный или контрольный судъ“ (la cour des comptes), который разбираетъ дѣла по отчетности; лицо, обязанное давать государству отчетъ въ расходованіи какихъ-либо общественныхъ суммъ, не можетъ жаловаться на то, что судъ повѣряетъ его счеты. Но въ старинной французской монархіи было много другихъ исключителеныхъ судовъ, учрежденіе которыхъ не можетъ быть оправдано.

Укажемъ во-первыхъ на суды фиска (tribunaux fiscaux). Первую инстанцію между этими судами со-

ставляли такъ-называемые „выборные“ (les élus). Въ началѣ они выбирались народомъ; впослѣдствіи же были правительственные чиновники, покупавшіе свои мѣста. Эти „выборные“ судили, въ первой инстанціи, всѣ гражданскія и уголовныя дѣла по предмету сбора податей и акциза. Аппеляціи на рѣшенія ихъ поступали въ судъ податей и сборовъ (cour des aides).

Соляные пристава (grenetiers) и контролеры соляного вѣдомства разбирали сокращеннымъ порядкомъ и устно (à l'audience) всѣ процессы о габеллѣ (пошлинѣ съ соли въ пользу короля). На приговоры ихъ можно было аппелировать тоже въ судъ податей и сборовъ.

Существовало нѣсколько судовъ податей и сборовъ, причемъ предѣлы вѣдомства ихъ были неодинаковы. Эти суды въ ихъ окончательной формѣ были установлены Генрихомъ II въ 1551 г. Династія Валуа открыла собой эру великихъ монархій и усилила чрезмѣрно королевскую власть. Правительство придумало судъ податей и сборовъ, чтобъ отнять у парламента вѣдѣніе налоговъ. Надѣялись, что учрежденіе, основанное спеціально для этого рода дѣлъ, будетъ гораздо уступчивѣе, чѣмъ парламентъ; но такъ какъ необходимость въ деньгахъ скоро заставило правительство продавать должности членовъ податей и сборовъ, то этотъ судъ сдѣлался совершенно независимымъ парламентомъ, который занимался исключительно налогами. Онъ умѣлъ

подъ часъ защищать права французскаго народа; стоитъ вспомнить энергическія представленія Мальзерба. Потому-то правительство старалось избавиться отъ этого суда подобно тому, какъ оно освободилось отъ парламента. Всякій контроль казался невыносимымъ Людовику XIV и его преемникамъ, что и было причиной паденія ихъ монархіи.

Затѣмъ слѣдовали контрольныя палаты (chambres des comptes). Такихъ палатъ было семь: въ Парижѣ, Бретани, Дижонѣ, Монпелье, Дофине, Провансѣ и Руанѣ. Обязанности ихъ были почти тѣже, какія теперь возложены на счетный судъ, о которомъ мы упомянули выше. Каждый офиціальный денежный отчетъ разбирался формальнымъ судебнымъ порядкомъ; докладчикъ суда повѣрялъ отчетъ, судья объявлялъ, вѣренъ онъ или нѣтъ и сообразно тому постановлялся приговоръ.

Правительство пользовалось парижской контрольной палатой, чтобъ избавиться отъ необходимости представлять парламенту указы для внесенія ихъ въ протоколъ (enregistrer). Подъ тѣмъ предлогомъ, что эта палата называлась контрольной, къ ней отсылали, для внесенія въ протоколъ, финансовые указы и указы объ учрежденіи новыхъ должностей; но парламентъ каждый разъ протестовалъ и добивался того, что правительство признавало за нимъ право вносить въ протоколъ королевскіе указы.

Далѣе мы встрѣчаемъ еще судъ съ довольно неопредѣленной юрисдикціей: такъ-называемый „главный совѣтъ“ (grand Conseil), образовавшійся изъ бывшаго королевскаго совѣта (Conseil du roi). Въ этотъ „главный совѣтъ“ посылались всѣ тѣ дѣла, рѣшенія которыхъ правительство почему-либо не желало предоставлять обыкновеннымъ судамъ. Когда Мопу вознамѣрился упразднить парламентъ, онъ набралъ совѣтниковъ изъ этого суда. Кромѣ того, на „главный совѣтъ“ возложено было разбирательство всѣхъ споровъ о бенефиціяхъ. Онъ имѣлъ своихъ совѣтниковъ, прокуроровъ, полную судебную организацію; это былъ тотъ же парламентъ въ миніатюрѣ.

Были еще два исключительные трибунала: такъ-зываемый судъ „мраморнаго стола“ (La Table de marbre) и „монетный судъ“ (cour des monnais).

Мраморный столъ пріобрѣлъ знаменитость во французской исторіи. Это былъ огромный столъ, за которымъ въ праздничные дни, по старинному обычаю, французскіе короли обѣдали въ присутствіи народа. Этотъ обычай исполнялся еще и во времена Реставраціи. Разъ въ недѣлю публикѣ позволялось присутствовать при королевскомъ обѣдѣ; простодушный народъ восхищался, видя какъ его король ѣстъ. Описаніе такого обѣда мы находимъ въ одномъ письмѣ Франклина, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ принялъ его Людовикъ XV. На этомъ же столѣ давались представленія общества „Basoche“

(общество клерковъ, служившихъ у прокуроровъ и адвокатовъ парижскаго парламента). Въ 1618 г. столъ сгорѣлъ, и какой-то острякъ сказалъ по этому поводу слѣдующій каламбуръ: „si dame Justice s'est mis le palais tout en feu, c'est qu'elle a mangé trop d'épices“.

Палата „мраморнаго стола“ служила мѣстомъ отправленія правосудія для трехъ судовъ: суда адмиралтейства (amirauté), суда коннетабля (connétablie) и суда лѣснаго вѣдомства (eaux et forêts).

Адмиралтейство судило морскія преступленія; судъ коннетабля, или иначе маршалскій судъ (maréchaussée), вѣдалъ такъ-называемые „cas prévotaux“. Тутъ мы наталкиваемся на одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ старой монархіи. Въ то время на преступника смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ; въ отношеніи его считали необходимой самую варварскую жестокость; въ немъ видѣли скорѣе опаснаго звѣря, чѣмъ человѣка. Такъ-называемая превотальная юрисдикція судила бродягъ (gens sans aveu), дезертировъ, всѣхъ тѣхъ, которые живутъ внѣ общества; она наказывала за преступленія, совершенныя вооруженной рукой на большой дорогѣ, наконецъ за все, что отзывалось насиліемъ и бродяжествомъ. Для разбора дѣлъ о такихъ преступленіяхъ старшина маршаловъ (prévot des maréchaux) приглашалъ 7 судей или адвокатовъ ближайшаго по мѣсту суда; судилъ онъ безаппеляціонно. Произволъ этихъ трибуналовъ оставилъ

въ народѣ такія воспоминанія, что имя превотальнаго суда навсегда сдѣлалось ненавистнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть противнѣе всякому понятію о справедливости, чѣмъ эти суды полугражданскіе, полувоенные, которые играли такую печальную роль въ первые годы Реставраціи.

Преслѣдованіе за браконьерство (délits de chasse) было однимъ изъ величайшихъ бичей бѣдныхъ при старомъ порядкѣ. Когда учредительное собраніе освободило многія тысячи галерниковъ, между ними оказалось огромное число браконьеровъ, которые, конечно, не заслуживали галеръ за то, что брали лѣсъ или охотились въ королевскихъ заповѣдныхъ рощахъ (plaisirs du roi). Эта лѣсная юрисдикція отличалась необыкновенною жестокостью. Вся Франція раздѣлялась, въ отношеніи лѣснаго управленія, на капитанства (capitaineris), и строго воспрещалось охотиться въ мѣстахъ, которыя состояли въ исключительномъ пользованіи короля. За убійство косули въ заповѣдномъ королевскомъ лѣсу виновный наказывался галерами. Лѣсной судъ могъ приговаривать къ смертной казни, подобно суду податей и сборовъ, который имѣлъ свой позорный столбъ во дворѣ высшихъ судебныхъ учрежденій около лѣстницы „Sainte Chapelle“; позорный столбъ парламента находился близъ „Tour de Nesle“.

Монетный судъ тоже могъ приговаривать къ смерти. Онъ судилъ спеціально за поддѣлку золотой и сере-

брянной монеты. Такимъ образомъ было десять трибуналовъ, которые пользовались правомъ приговаривать къ смерти обвиняемыхъ, причемъ единственной гарантіей справедливости приговора служила совѣсть судей.

Переходимъ къ привилегированнымъ судамъ.

Города имѣли своихъ судей, спеціально занимавшихся городской полиціей и разборомъ извѣстнаго рода проступковъ (délits). Въ большей части городовъ эти судьи назывались „échevins“; въ Бордо — „jurats“; въ Тулузѣ — „capitouls“.

Ремесленныя корпораціи тоже имѣли свою собственную юрисдикцію. Слѣды этой юрисдикціи сохранились и до сихъ поръ, въ нынѣшнихъ „conseils de prudhommes“, и нужно сказать, что сохранилась самая лучшая сторона ея. Въ настоящее время „prud'hommes“—это третейскіе судьи, выбранные по взаимному согласію сторонъ, для рѣшенія спора между рабочимъ и его хозяиномъ. Въ старину споры обыкновенно возникали между разными корпораціями, которыя всѣ жили привилегіями. Взаимная зависть корпорацій порождала безчисленное множество процессовъ; одна корпорація жаловалась на посягательства другой на ея права. Хирурги судились съ медиками за то, что послѣдніе нарушали ихъ право, расширяя кругъ своей практики; кондитеры тягались съ булочниками; трактирщики съ харчевниками, и т. д. Каждая профессія спорила, во имя своей привилегіи, съ профессіей сходственной.

Кромѣ того были такъ-называемые „juges consuls“ т. е. коммерческіе суды; они учреждены Карломъ IX въ 1563 г. и пользовались большой популярностью. Въ Парижѣ эти суды не имѣли большаго значенія, потому что торговля въ Парижѣ началась только со временъ Реставраціи. Въ старой монархіи коммерческій судъ состоялъ изъ одного судьи и четырехъ консуловъ; онъ имѣлъ ту хорошую сторону, что судопроизводство въ немъ обходилось дешево сравнительно съ другими судами.

Далѣе — существовали духовные суды, officialités, для сужденія лицъ духовнаго званія. Въ XIII и XIV ст. духовенство пользовалось собственной юрисдикціей; оно не позволяло, чтобы свѣтская власть судила духовное лицо. Но такъ какъ корона не хотѣла допустить, чтобы горсть людей, у которыхъ очень часто духовнаго только и было, что выстриженная макушка, не признавала ея власти, то королевскіе судьи наконецъ забрали въ свои руки духовную юрисдикцію. Тѣмъ не менѣе до самой революціи нѣкоторые проступки духовныхъ лицъ были подсудны духовнымъ трибуналамъ, какъ наприм. дурное поведеніе священника.

„Officialités были организованы точно также, какъ и теперешніе французскіе суды, или, лучше сказать, теперешніе французскіе суды устроены по образцу бывшихъ духовныхъ судовъ. Нынѣшняя прокуратура, mi-

nistére publique, заимствована изъ духовнаго судопроизводства.

Парижскій университетъ, подобно университетамъ англійскимъ и нѣмецкимъ имѣлъ свой особенный судъ; охранителемъ этой привилегіи университета былъ прево города Парижа.

Изъ всѣхъ этихъ судебныхъ привилегій наиболѣе тягостной была привилегія такъ-называемыхъ „commensaux du roi“, т. е. лицъ, жившихъ при дворѣ и составлявшихъ свиту короля. Привилегія ихъ возникла изъ феодальныхъ понятій. Въ средніе вѣка мы видимъ короля, окруженнаго своими вассалами, которые не покидаютъ его никогда; эти спутники короля пьютъ, ссорятся, дерутся на поединкахъ, и въ этомъ видятъ высшее счастье жизни. „Commensaux du roi“ были подсудны тремъ судамъ.

Во-первыхъ существовалъ такъ-называемый „prévoté de l'hôtel“. Великій прево двора судилъ всѣ преступленія и проступки, совершенныя въ мѣстѣ пребыванія короля и на шести льё въ окружности. Когда дворъ находился въ пути, обыкновенно приглашали семь судей изъ ближайшаго президіала для составленія суда, который рѣшалъ дѣло въ одно засѣданіе. Великій прево разбиралъ также гражданскіе и уголовные процессы придворныхъ служителей, но на его приговоры можно было аппелировать въ главный совѣтъ (grand conseil).

Все это объясняется обычаями и преданіями фео-

дализма; но настоящая обременительность этой привилегіи придворныхъ заключалась въ правѣ „committimus“. Такъ называлось право нѣкоторыхъ привилегированныхъ лицъ судиться исключительно въ Парижѣ, предъ „requêtes de l'hôtel“, или предъ „requêtes du palais“. Такимъ образомъ привилегированное лицо могло выбирать любой изъ этихъ двухъ судовъ, а при продажности должностей очень легко было попасть въ привилегированные. Можно себѣ представить какое замѣшательство вносила эта привилегія въ правосудіе. Положимъ напримѣръ, что кредиторъ, живущій въ Марсели, имѣетъ денежный искъ на чиновника или леннаго владѣльца. Если этотъ чиновникъ или владѣлецъ былъ королевскій „commensal“, то онъ могъ требовать, чтобы процессъ производился въ Парижѣ предъ судомъ, состоявшимъ изъ его друзей.

Лицъ, носившихъ званіе „commensaux du roi“, было несчетное множество. Король давалъ эту привилегію цѣлымъ орденамъ. Мальтійскій орденъ имѣлъ помѣстья по всей Франціи; теперь путешественникъ очень часто слышитъ: „тутъ въ старину было командорство“. Командорство (commanderie) состояло изъ прекрасныхъ фермъ, подаренныхъ королями рыцарямъ мальтійскаго ордена. По поводу этихъ помѣстьевъ, какъ и по поводу обыкновенной поземельной собственности, могли, разумѣется, возникать всякаго рода тяжбы съ сосѣдними землевладѣльцами. Но если кто-нибудь начиналъ про-

цессъ съ мальтійскимъ рыцаремъ, то послѣдній имѣлъ право требовать, чтобъ этотъ процессъ разбирался въ Парижѣ, а въ Парижѣ дѣло всегда рѣшалось въ его пользу, потому что судьи были его короткіе пріятели.

Предъидущій краткій очеркъ можетъ дать читателю понятіе о томъ, какова была организація судебной части во Франціи предъ революціей.

Учредительное Собраніе рѣшилось преобразовать этотъ порядокъ вещей. Оно уничтожило господскіе суды безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Хотя, вообще говоря, неразумно уничтожать привилегію, не вознаграждая пользовавшагося ею, но дѣло въ томъ, что господская юрисдикція сдѣлалась въ ту пору бременемъ для самихъ ленныхъ владѣльцевъ. Учредительное Собраніе отмѣнило продажность должностей, вслѣдствіе которой судейскія мѣста перешли въ собственность нѣсколькихъ семействъ; оно упразднило всѣ исключительные и привилегированные суды. Вмѣсто ихъ оно установило мировую юстицію въ кантонахъ и суды первой инстанціи въ главныхъ городахъ округовъ (arrondissements). Впослѣдствіи учреждено было нѣсколько аппеляціонныхъ судовъ, которые замѣнили собой парламенты.

Эта судебная реформа безспорно дала Франціи драгоцѣнное благо: единство правосудія, равенство всѣхъ предъ судомъ; но, несмотря на то, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она была далеко неудовлетворительна.

Во-первыхъ, революція ввела избирательную юсти-

цію; самъ народъ выбиралъ своихъ судей на извѣстный срокъ. Этотъ выборъ судей считали необходимымъ послѣдствіемъ измѣненія политическаго строя, которое установило верховную власть народа. Признаемся, мы не понимаемъ, какимъ образомъ верховная власть народа можетъ простираться даже на назначеніе органовъ магистратуры. Въ Соединенныхъ Штатахъ судьи выбираются гражданами, но послѣдствіемъ этого бываетъ то, что въ иныхъ процессахъ судьѣ приходится такъ разсуждать: „если я не пожертвую закономъ, то меня не выберутъ снова“. Судью никогда не должно ставить въ необходимость выбирать между долгомъ и личной выгодой. Во Франціи неудобство этой системы скоро обнаружилось, и потому конституція III года, и въ особенности конституція VIII года назначеніе судей опять предоставили правительству, но судья по прежнему остался смѣняемымъ. Во время имперіи нѣсколько судей были удалены отъ должности. Если судьѣ приходится взвѣшивать, какія послѣдствія будетъ имѣть его приговоръ для него и для его семейства, то о правосудіи не можетъ быть и рѣчи. Реставрація оказала большую услугу Франціи, возстановивъ несмѣняемость судей; но настоящая несмѣняемость не похожа на ту, которая существовала при старомъ порядкѣ, и, къ сожалѣнію, нужно сказать, что это несходство обращается въ пользу послѣдней. При старомъ порядкѣ тотъ, кто покупалъ мѣсто судьи, жилъ и умиралъ на этомъ мѣ-

стѣ; у него не было ни опасенія лишиться своей должности, ни надежды получить высшую.

Теперь судьи, правда, тоже ничего не опасаются, но за то у нихъ много надеждъ. Какой нибудь провинціальный судья мечтаетъ: „я получу повышеніе, перейду на службу въ Парижъ!“ Такимъ образомъ въ судьѣ поселено честолюбіе, несовмѣстное со свойствомъ его обязанностей. Одно изъ самыхъ разумныхъ учрежденій англійскаго государственнаго строя — это совершенно независимое положеніе судьи. Англичане поняли ту истину, повторенную и Монтескьё, что правосудіе есть власть, независимость которой также необходима для блага государства, какъ и независимость законодательной власти.

II.

Уголовный судъ.

Изъ представленнаго очерка видно, что гражданскій судъ древней Франціи оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Парламентъ, въ качествѣ судьи гражданскихъ дѣлъ и хранителя королевскихъ указовъ, пользуется хорошей славой; но этотъ же парламентъ, въ качествѣ уголовнаго судьи, имѣетъ ненавистное прошлое... Если мы обратимся къ Франціи 13-го столѣтія, и даже еще далѣе, то мы встрѣтимъ уголовныя учрежденія, близко сходныя съ тѣми, какія стараются установить въ современной Франціи. Германцы принесли съ собой тотъ принципъ, что каждый имѣетъ право публично защищаться предъ своими согражданами и быть судимымъ ими; это и есть институтъ присяжныхъ. „Институтъ присяжныхъ“, говоритъ Монтескьё, „вышелъ изъ мрака лѣсовъ“, хотя это не совсѣмъ справедливо. Гдѣ существовали свободныя учрежденія, тамъ

былъ и институтъ присяжныхъ; мы находимъ его у грековъ, римлянъ и германцевъ; другими словами, въ той странѣ, которая сама управляетъ собой, — общество оставляетъ за собой попеченіе о чести и свободѣ гражданина.

Но эта старая германская свобода, право быть судимыми равными себѣ: дворянину — двѣнадцатью дворянами, буржуа — двѣнадцатью буржуа и виллэну — двѣнадцатью виллэнами, это право исчезаетъ въ XIV столѣтіи. Позднѣе, въ XVI ст., оно уступаетъ мѣсто реформамъ Валуа въ итальянскомъ духѣ. Своей цивилизаціей, блескомъ своихъ изящныхъ искуствъ, Италія плѣнила Францію, и Валуа поняли, какую выгоду они могли извлечь изъ этого всеобщаго поклоненія всему итальянскому. Въ тоже время всѣ народы чувствовали живѣйшую потребность избавиться отъ феодализма, чтобы придти къ національному единству; во всѣхъ странахъ они бросаются подъ власть королей, въ Испаніи, во Франціи и въ Англіи, во время Фердинанда и Изабеллы, Франциска I и Генриха VIII. Потребность въ единствѣ сознавали всѣ умы и учрежденія, проникнутыя одностороннимъ стремленіемъ.

Въ отношеніи къ уголовному законодательству Валуа заимствовали у церкви инквизиціонную процедуру. Въ 1539 г. они исключили изъ древнихъ законовъ все то, что могло служить гарантіей обвиняемому и взамѣнъ дали Франціи систему, построенную на одномъ государ-

ственномъ интересѣ. По этой системѣ обвиняемый считается виновнымъ; хотя законъ можетъ признать его виновнымъ, но приняты всѣ мѣры, чтобы лишить его защиты и принудить къ признанію себя виновнымъ. Ужасная, гнусная система, которая могла имѣть мѣсто только въ такую эпоху, когда совершенно вымерла идея объ индивидуальныхъ правахъ. Если во время революцій и жестокихъ нравовъ народъ сильно желаетъ во чтобы то ни стало мира и приноситъ въ жертву ему права, отъ которыхъ никогда не должно отказываться, то этому можно и не удивляться; но то, что вводило въ заблужденіе юристовъ и судей XVI столѣтія, было вовсе не эта временная необходимость, а основное заблужденіе. Обвиняемый есть въ тоже времи и подозрѣваемый, потому что государство непогрѣшимо и, вслѣдствіе особеннаго превращенія идей, уголовное судопроизводство различается отъ судопроизводства гражданскаго. Такимъ образомъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ никогда не принуждаютъ отвѣтчика признать долгъ; защитнику ничего не нужно доказывать; напротивъ того, въ уголовномъ судопроизводствѣ, обвиняемый, т. е. тотъ, на котораго нападаютъ, долженъ доказывать свою невинность. Такой порядокъ продолжался до революціи. Указъ Людовика XIV отъ 1670 года, произведшій реформу въ установленномъ въ 1530 г. судопроизводствѣ, сдѣлалъ его еще болѣе тягостнымъ.

Отчего же это зависитъ? Отъ двухъ заблужденій,

которыя смущали умы. Первое изъ нихъ состояло въ томъ, что король есть отецъ своихъ подданныхъ, что онъ имѣетъ надъ ними полнѣйшую власть и что ему принадлежитъ право управлять юстиціей по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, король есть абсолютный господинъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ римской эпохи былъ полнымъ господиномъ своихъ дѣтей; слѣдовательно онъ можетъ распоряжаться ими по своему произволу.

Въ настоящее время мы считаемъ уголовнымъ преступникомъ только того, кто нарушаетъ права другихъ; мы не считаемъ болѣе уголовными преступленіями безнравственныя дѣйствія. Со стороны работника очень дурно предаваться пьянству и предоставлять голодной смерти свою жену и своихъ дѣтей, вслѣдствіе своего дурнаго поведенія; но какъ-бы ни былъ онъ виновенъ предъ Богомъ, законъ не наказываетъ его. Можно положительно сказать, что въ настоящее время во Франціи общество имѣетъ право наказывать только тѣхъ, которые непосредственно вредятъ ему. Но въ предшествовавшемъ столѣтіи никто не сомнѣвался въ томъ, что законъ имѣетъ право наказывать безнравственныя дѣйствія; нравственность входила въ область законодательства и этому особенно благопріятствовало соединеніе церкви съ государствомъ. Король почиталъ себя обязаннымъ заставлять уважать предписанія церкви. А между тѣмъ предписанія эти имѣютъ свое мѣсто только въ церкви, гдѣ они всѣ нравственны, и очень понятно,

что если въ общинѣ лишаютъ причастія или даже совсѣмъ отлучаютъ отъ церкви такого человѣка, который не исполняетъ принятыхъ на себя при вступленіи въ общину обязательствъ; но если вы переносите эти предписанія въ область государства, то у васъ выходитъ полнѣйшая инквизиція, вмѣшивающаяся во все то, что вы дѣлаете, что говорите и даже что думаете. Тогда все аббатство находится конфискованнымъ въ пользу инквизиторовъ, которые, вообще, нисколько не нравственнѣе другихъ людей, хотя они и признаютъ за собой право судить остальное человѣчество.

Эти-то два заблужденія — всемогущество короля и смѣшеніе нравственности съ закономъ — ослѣпляли судей и юристовъ стараго порядка. По нашему мнѣнію, не было замѣчено, что въ концѣ 18-го столѣтія, когда вступилъ на престолъ добродѣтельный Людовикъ XVI, ничего легче было исправить эти заблужденія и преобразовать уголовное законодательство.

Для того, чтобы произвести реформу въ налогахъ, нужно было передѣлать весь государственный строй Франціи, привилегіи дворянства и духовенства; какъ ни было полезно такое дѣло, оно встрѣтило огромныя препятствія. Но реформа уголовнаго законодательства могла быть выполнена гораздо легче. Съ давняго времени уголовные законы были одинаковы для всѣхъ: для буржуа, для священниковъ и для крестьянъ; нужно было только уничтожить исключительные суды, а не привилегіи. Къ

несчастью подобная реформа встрѣтила оппозицію со стороны парламента.

Печально высказывать это, но во всей французской исторіи мы никогда не встрѣчали, чтобы великія реформы вводились правовѣдами: онѣ всегда дѣлались вопреки имъ. Юристы привыкаютъ жить существующимъ закономъ, они чувствуютъ къ нему благоговѣніе и, несмотря на свой очень развитой умъ, обманываются; они воображаютъ, что существующій порядокъ теперь не можетъ быть измѣненъ безъ того, чтобъ это измѣненіе не повело за собой революцію. Они не замѣчаютъ того, что промышленность и цивилизація развиваются; словомъ, они кантонируются въ идеяхъ прошлаго. Безспорно, что юристы полезны—это умѣряющій элементъ; они поддерживаютъ права прошедшаго, но что касается до правъ будущаго—то не они ихъ провозглашаютъ, а тѣ люди, которые не суть офиціальные знатоки дѣла и приходятъ извнѣ. И когда эти люди проповѣдуютъ, что это гнусно заставлять человѣка томиться въ тюрьмѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не давать ему возможности защищать себя, то юристы говорятъ, что Фаринацій и Кларусъ объявили, что это необходимо. Къ счастью, философы были другаго мнѣнія, нежели парламенты.

Какихъ реформъ они требовали? Всякое уголовное законодательство содержитъ въ себѣ: подраздѣленіе преступленій, учрежденіе судей, судопроизводство и карательныя мѣры.

Начнемъ съ подраздѣленія преступленій. Никто не сомнѣвается въ томъ, что всякое нападеніе на жизнь и собственность другихъ составляетъ преступленіе. Если бы дѣло состояло только въ этомъ опредѣленіи преступленія, то всѣ законодательства походили бы одно на другое, ибо во всѣхъ нихъ находятся законы, преслѣдующіе покушенія противъ лицъ и собственности. Но, кромѣ названныхъ преступленій, въ каждомъ обществѣ существуютъ еще другія преступленія, которыя мы назовемъ политическими; подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ преступленія, преступность которыхъ обусловливается состояніемъ цивилизаціи. Такъ, напр., нынѣ считается только проступкомъ или преступленіемъ, если болѣе 20 человѣкъ собираются вмѣстѣ для того, чтобы толковать о религіи, политикѣ или литературѣ; понятно, что этотъ проступокъ могъ бы быть исключенъ изъ законодательства и міръ бы отъ этого не измѣнился. Въ древнемъ же французскомъ законодательствѣ было чрезвычайно много такихъ преступленій и они легко могли бы исчезнуть безъ всякихъ потрясеній общества, потому что были ничто иное, какъ преступленія, изобрѣтенныя самимъ законодателемъ.

Жуссъ (Jousse), совѣтникъ орлеанскаго суда и другъ Потье (Pothier), написалъ комментаріи на уголовные законы Людовиковъ XIV и XV; о немъ можно лишь сказать, что онъ наивно-жестокъ. Онъ и не думаетъ, что то, что онъ говоритъ—ужасно, и въ этомъ

отношеніи нисколько не похожъ на Мюаръ де-Вугланса, написавшаго два тома in quarto объ этомъ же предметѣ, который инстинктивно жестокъ, если не съумасшедшій вслѣдствіе воспитанія.

Жуссъ дѣлитъ преступленія на четыре разряда: оскорбленіе величества божественнаго, оскорбленіе королевскаго величества, покушенія противъ частныхъ лицъ и преступленія противъ общественнаго порядка. Первая категорія — оскорбленіе божественнаго величества — не существуетъ, но она была поддерживаема до революціи. Тогда воображали, что человѣку принадлежитъ право мстить за Божество.

На первомъ мѣстѣ преступленій оскорбленія божественнаго величества мы находимъ богохульство. При Людовикѣ Святомъ богохульнику прокалывался языкъ, а въ случаѣ повторенія преступленія, — отрѣзывали его совсѣмъ; и, странное дѣло, этотъ законъ долго оставался въ законахъ Франціи. При Людовикѣ XV, въ силу указа Людовика XIV въ 1666 г., приговоръ парижскаго парламента присудилъ нѣкоего скотопромышленника, Карла л'Эрбе быть привезеннымъ на телѣгѣ на Гревскую площадь въ одной рубахѣ, съ веревкой на шеѣ и съ надписью: нечестивый, гнусный, мерзскій богохульникъ. Ему отрѣзали языкъ, потомъ живаго сожгли и пепелъ его разсѣяли. И это происходило въ 1724 году. Въ 1765 году одинъ комментаторъ сообщаетъ, что это наказаніе еще

продолжаетъ существовать, но, прибавляетъ онъ, что его уже болѣе не употребляютъ.

Святотатство также наказывалось, какъ и богохульство.

Въ 1765 году, почти столѣтіе назадъ, и что даетъ намъ возможность измѣрить пройденный нами путь, — былъ осужденъ кавалеръ де-ла-Барръ. Какъ намъ извѣстно, де-ла-Барръ былъ молодой офицеръ 20 лѣтъ, обвиняемый въ пѣніи пѣсни, оскорбительной для Святой Маріи Магдалины и, сверхъ того, изрубившій своею шпагой деревянный крестъ на Аббевильскомъ мосту. Его подвергли пыткѣ и наконецъ трое аббевильскихъ судей приговорили его къ смертной казни; одинъ изъ этихъ судей былъ его заклятый врагъ, а другой — торговецъ свиньями; приговоръ ихъ былъ утвержденъ парламентомъ. Да, нужны были живыя протестаціи Вольтера, чтобы взволновать по этому французскую публику; тѣмъ не менѣе однако законъ былъ уничтоженъ только послѣ революціи.

Были также преступленія магіи и колдовства. Въ царствованіе Людовика XIV, въ 1697 году, пастухи изъ Пасси, въ Бри, были обвинены въ томъ, что подмѣшивали въ воду вещество, чтобъ умерщвлять такимъ образомъ скотъ. Очевидно, что это вещество содержало ядъ и не имѣло въ себѣ ничего магическаго; тѣмъ не менѣе пастухи были осуждены какъ употреблявшіе колдовство. Но судьи уже навѣрное не были чародѣи. Въ

1725 г., одинъ изъ врачей Людовика XIV, Сентъ-Андрэ, написалъ книгу, въ которой пытался доказать, что дьяволъ никогда никого не отравлялъ ядомъ. И такъ думали въ царствованіе Людовика XIV, нѣтъ, до Людовика XV даже.

Между религіозными преступленіями всегда существовало преступленіе ереси. Когда Людовикъ XV достигъ своего совершеннолѣтія, юный король хотѣлъ призвать на себя благословеніе нобесъ преслѣдованіемъ еретиковъ. Это былъ отчасти лукавый разсчетъ съ Богомъ. Разсказываютъ, что во времена Людовика XIV одна придворная дама заставляла поститься своихъ слугъ для искупленія *своихъ* грѣховъ. Людовикъ XV дѣйствовалъ почти такимъ же образомъ, но средства, употреблявшіяся имъ, были болѣе жестоки. Чтобъ отпраздновать свое совершеннолѣтіе, онъ предписалъ, что протестанты, которые будутъ устраивать между собою собранія, будутъ осуждены — мужчины къ вѣчнымъ галерамъ, а женщины къ бритью голову и пожизненному заключенію. Пасторы же, которые будутъ говорить на этихъ собраніяхъ, казнены будутъ смертью.

Въ своихъ „Размышленіяхъ о Французской Революціи“, г-жа Сталь замѣчаетъ, что законы, изданные противъ эмигрантовъ, были ужасны, но что было бъ ошибочно думать, что они представляли собою нѣчто новое: это почти тѣ же самые законы, которые издавались противъ протестантовъ. Смертная казнь па-

сторовъ становится смертною казнью священниковъ; вѣчныя галеры дававшихъ убѣжища протестантамъ становятся изгнаніемъ или смертною казнью для тѣхъ, кто принимаетъ у себя протестантовъ. Это мнѣніе г-жи Сталь возмущало роялистовъ во время Реставраціи; тѣмъ не менѣе это истина.

Въ 1724 г. существовалъ еще законъ противъ протестантовъ, не хотѣвшихъ исповѣдываться въ минуту смерти. По простому доносу священника, нераскаянный, если выздоравливалъ, присуждался къ вѣчнымъ галерамъ; еслижъ онъ умиралъ, то тѣло его выбрасывали, а имущество конфисковали; законъ доходилъ до того, что наказывалъ тѣхъ, которые ходили за нимъ во время болѣзни, потому что ихъ подозрѣвали въ возбужденіи больнаго умереть въ вѣрѣ его отцевъ. Равно наказывался смертью протестантъ, который соглашался на бракъ своихъ протестантскихъ дѣтей, хотябъ эти дѣти были и за-границей. Все это дѣлалось въ силу указа 24 марта 1724 года. Эти мнимыя преступленія были наконецъ выброшены изъ французскихъ законовъ; а между тѣмъ, какъ извѣстно, во время Реставраціи, былъ изданъ еще законъ противъ святотатства, который наказывалъ смертью всякаго, похищавшаго священный сосудъ изъ церкви. Въ оправданіе этого закона обыкновенно говорили, что такимъ образомъ преступникъ отсылался къ своему Естественному Судьѣ, не думая, что этимъ разсужденіемъ осуждали самихъ же

себя; такъ какъ Естественный Судья находится на небѣ, то никто не имѣетъ право замѣнить Его на землѣ.

Оскорбленія королевскаго величества нынѣ измѣнили свой характеръ. Безъ сомнѣнія это довольно важныя преступленія: они оскорбляютъ и государство и короля. Но въ древнія времена король былъ священное лицо — на половину священнослужитель, на половину мірянинъ; мы знаемъ также, что при своемъ коронованіи онъ пріобщается Святыхъ Тайнъ подъ двумя видами. И вотъ, если кто либо покушался на его право, тотъ совершалъ преступленіе святотатства: отсюда рядъ особыхъ наказаній, которыя теперь даже не понятны. Такъ, напримѣръ, поддѣлка фальшивой монеты наказывается теперь какъ воровство; въ силу же старыхъ понятій, поддѣлыватель фальшивой монеты посягалъ на право короля; онъ оскверналъ его изображеніе, вырѣзанное на монетѣ, а это было преступленіе оскорбленія величества, которое, слѣдовательно, наказывалось смертью. При Валуа, поддѣлывателей фальшивой монеты сожигали живыми. Тотъ, кто искажалъ монету, также наказывался смертью; ювелиръ, сдѣлавшій перстень изъ золотыхъ монетъ, присуждался къ вѣчнымъ галерамъ.

Еще болѣе странное преступленіе явилось изъ королевскаго указа 1726 года. Вслѣдъ за монетными кризисами, вызванными системой Ло, король, слѣдуя старому заблужденію, присвоилъ себѣ, въ силу своего королевскаго величества, право устанавливать цѣну зо-

лота и серебра. Но вѣдь странно насиловать природу вещей: когда дѣйствительная стоимость бывала выше установленной, спекуляторы, понятно, скупали монеты и перепродавали ихъ съ барышемъ на вывозъ; теперь подобная операція очень обыкновенна и не запрещается никакимъ закономъ. А указъ 1726 г. наказывалъ спекуляторовъ, торговавшихъ золотомъ и серебромъ выше установленной цѣны. Это, другими словами, значило: если французскій король рѣшилъ, что такая-то золотая монета не должна считаться болѣе 24 ливровъ, и если какой нибудь иностранецъ приходилъ и говорилъ: я даю за нее 26 ливровъ, то, согласившійся продать монету по этой цѣнѣ, присуждался къ уплатѣ пени и къ вѣчнымъ галерамъ.

Кража въ королевскихъ домахъ, какъ бы незначительна она ни была, наказывалась смертью. Парламентъ очень долго разсуждалъ о томъ: слѣдовало-ли казнить смертью за воровство, совершенное въ Palais de Justice. Но предположимъ, что нѣкто, во время судебнаго засѣданія, укралъ изъ кармана своего сосѣда носовой платокъ: слѣдовало-ли считать это воровство какъ бы совершеннымъ въ королевскомъ домѣ?

Къ чести парламента мы должны сказать, что онъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно; но Вольтеръ увѣряетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ смертной казни за кражу, совершенную въ королевскомъ домѣ.

Контрабандисты ссылались на галеры, а иногда

казнились смертью, между тѣмъ это были обыкновенные воры, можетъ быть даже болѣе извинительны, нежели другіе. Тотъ, кто провозилъ соль изъ одной страны въ другую, былъ простой контрабандистъ, а между тѣмъ его наказывали какъ грабителя на большой дорогѣ, и это потому лишь, что, какъ тогда мыслили, контрабандисты покушались на королевскія права.

Тѣ, которые браконировали на мѣстахъ королевской охоты, наказывались съ тою-же строгостью, и можно смѣло сказать, что въ этомъ древнемъ законодательствѣ жизнь какого нибудь животнаго цѣнилась гораздо дороже жизни человѣка. Нѣкоторые изъ несчастныхъ, присужденныхъ грести на королевскихъ галерахъ, желая избавиться отъ этой тяжелой работы, отрѣзывали себѣ пальцы и этимъ ставили себя въ невозможность грести; если въ настоящее время какой нибудь арестантъ изувѣчитъ себя, то понятно, что онъ этимъ самымъ уже и наказывалъ себя; въ тѣже времена, галерникъ, добровольно изувѣчившій себя, обвинялся въ нарушеніи королевскихъ правъ и вслѣдствіе этого присуждался къ смертной казни. Не забудемъ, что такое доказательство безчеловѣчія далъ великій король конца семнадцатаго столѣтія.

Перейдемъ теперь къ преступленіямъ, совершаемымъ противъ частныхъ лицъ. Остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя представляли собою нѣчто особенное или же исчезли изъ законовъ Франціи.

*

Разсмотримъ дуэль. Людовикъ XIV задался мыслью искоренить ее, и указъ 1679 года отличался крайней жестокостью. Часто приходится читать, что подобная жестокость была необходима для уничтоженія дуэли; всѣ тогдашніе поэты восхваляютъ Людовика XIV; но, говоря откровенно, польза этихъ жестокостей далеко непонятна. Нужно было уничтожить лишь предразсудочное понятіе о чести, а не другое что-либо. Мы видимъ, что обычай дуэли начинаетъ исчезать самъ собою, когда люди становятся болѣе разсудительны, но указъ Людовика XIV былъ все-таки тутъ ни причемъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, рискующій своею жизнью на дуэли, уже не задумается рискнуть ею предъ судомъ.

Законъ противъ дуэлей отличался крайней суровостью: онъ не дозволялъ самому даже королю миловать виновныхъ; нужно было безъ всякаго милосердія присуждать непремѣнно къ смерти; сверхъ того, на невмѣненіе этого преступленія не имѣла никакого вліянія и давность: какъ-бы давно ни происходила дуэль, все-таки можно было быть схваченнымъ за нее, а обвиненіе въ дуэли возобновляло всѣ роды преступленій. Свидѣтели подвергались очень строгимъ наказаніямъ. И, странно, не смотря на это, законъ ни малѣйше не прекратилъ дуэлей.

Насъ должно удивить названіе еще одного преступленія—это похищеніе съ обольщеніемъ. Во всѣхъ феодальныхъ обществахъ царствовало одно великое злоупо-

требленіе: дворяне нисколько не совѣстились похищать силой юныхъ богатыхъ наслѣдницъ и жениться на нихъ. Бюсси-Рабютэнъ силой похитилъ г-жу Мирамьонъ, ту самую, которая постриглась въ монахини и основала монастырь Мирамьонокъ въ Парижѣ. Людовикъ XIV наказывалъ смертью за насильственное похищеніе. Тогда прибѣгли къ другимъ средствамъ для женитьбы на богатыхъ наслѣдницахъ: чтобы побудить ихъ рѣшиться на добровольное бѣгство съ ними были любезны до крайности, вотъ это-то и называлось *похищеніемъ съ обольщеніемъ*. Преступленіе это могло совершиться не только мужчинами, но и женщинами: находились такія молодыя женщины, которыя были способны похищать юныхъ герцоговъ и заставлять ихъ жениться на себѣ. И въ этомъ случаѣ законъ присуждалъ виновныхъ къ смерти; такимъ образомъ цѣль достигалась: смерть виновнаго дѣлала бракъ невозможнымъ. Если же не присуждали къ смертной казни, то бракъ считался уничтоженнымъ, а дѣти объявлялись обезчещенными, подлыми. Британскій парламентъ нашелъ этотъ законъ слишкомъ жестокимъ; онъ тоже присуждалъ похитителя къ смерти, но при этомъ прибавлялъ: „а если ты можешь исправить свою ошибку, если та, которую ты похитилъ, согласится выйдти за тебя замужъ, то вмѣсто того, чтобы тебя повѣсить, тебя поженятъ“, и его дѣйствительно женили. Людовикъ XV, будучи добродѣтельнѣе британскаго парламента, возобновилъ законъ съ прежней

жестокостью и воспретилъ эти смягченія. Его указъ объ этомъ кончался даже весьма курьезнымъ объясненіемъ: законъ наказываетъ, говорилось въ этомъ объясненіи, похищеніе, какъ средство жениться на молодой дѣвушкѣ; если же кто-либо похищалъ безъ намѣренія жениться на ней, тотъ не считался виновнымъ. Отсюда слѣдовало, что честный человѣкъ, увлеченный страстью, казнился смертью; между тѣмъ какъ негодяй, соблазнившій дѣвушку, не преслѣдовался закономъ. И если находилась какая нибудь честная дѣвушка, дозволявшая похитить себя по любви, то она должна была объявить, что въ этомъ бѣгствѣ не было и помыслу о свадьбѣ, этимъ она спасала своего любовника. Вотъ какова была нелѣпость этого закона.

Еще ужасный законъ въ томъ же родѣ: предположимъ, что какая нибудь женщина сдѣлалась чьей-нибудь любовницей и, забеременѣвши, выкидывала своего ребенка; если она заранѣе не объявила судьямъ о своей беременности, то ее считали убившею свое дитя съ предумышленіемъ; чтобъ избѣгнуть казни, ей нужно было доказать, что ребенокъ умеръ естественною смертью. По поводу этого закона мы имѣемъ, по истинѣ, удивительныя объясненія Людовика XIV. Церковь не видѣла никакой необходимости въ этомъ законѣ; и вотъ Людовикъ XIV начинаетъ сердиться по этому поводу: „Церковь сама должна была бы требовать отъ насъ такого закона, потому что онъ клонится къ обезпеченію

не только жизни, но и вѣчнаго спасенія многихъ дѣтей, рожденныхъ въ грѣхѣ, которые погибали не окрестившись, и которыми матери жертвовали бы ради ложной чести, совершая еще бо́льшее преступленіе, нежели какое дало жизнь ихъ дѣтямъ, если бы боязнь ка́ры не исполняла у нихъ роли природы".

И такъ, ради того, чтобы дитя не лишилось крещенія, — мать предавали смерти.

Перейдемъ къ самоубійству. Убить себя считалось преступленіемъ, но такимъ преступленіемъ, которое нельзя было наказать, потому что преступникъ предупредилъ наказаніе. Въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе страшнаго варварства, наказывали его вдову и дѣтей. Тѣло самоубійцы выставлялось на показъ, а имущество конфисковалось, и такимъ образомъ смерть того, кому больше нельзя было причинить страданій, влекла за собой позоръ и раззореніе его дѣтей. Думали, что этими послѣдствіями остановятъ руку человѣка, желающаго себя убить; но это неосновательно: кто дошелъ до такой степени отчаянія, что рѣшился, лишая себя жизни, разстаться съ тѣми, кого онъ любилъ, тотъ нисколько не будетъ заботиться объ ихъ будущей участи.

Домашній воръ казнился смертью. Всѣмъ извѣстна исторія сороки-воровки и служанки Палезо: несчастная была приговорена къ смерти, казнена и послѣ того признана невинной. Вольтеръ разсказываетъ, что онъ видѣлъ какъ повѣсили молодую двадцатилѣтнюю дѣвушку,

служанку одной трактирщицы, за то, что она взяла у своей хозяйки, не платившей ей жалованья, 18 салфеток. Въ Англіи подобный законъ оставался въ силѣ до 1820 года.

Вотъ номенклатура тѣхъ преступленій, которыя не наказываясь нынѣ, или наказываясь менѣе строго, прежде влекли за собою смерть. Изложимъ теперь строй и порядокъ отправленія правосудія.

Обыкновенные суды были двухъ родовъ. Перваго рода окружные суды, сенешальства, судъ изъ трехъ или четырехъ вообще очень невѣжественныхъ лицъ, которые однако имѣли власть пытать. Сверхъ того, были аппеляціонные суды изъ трехъ судей. Въ процессѣ кавалера де-ла-Барръ большинство состояло изъ двухъ голосовъ. Присоединимъ къ этому исключительные суды. Но мы ужъ указали на нихъ и болѣе не будемъ къ нимъ возвращаться. Вотъ, однако, не лишенная интереса подробность, касающаяся исключительнаго правосудія, установленнаго противъ бѣдныхъ, нищихъ и бродягъ. Тѣ изъ нихъ, которые шли безъ предварительнаго дозволенія въ Сентъ-Яго ди-Компостела были арестуемы, ссылаемы на галеры, а иногда изгоняемы или вѣшаемы.

Противъ всего того, что было бѣдно, выказывали самую крайнюю жестокость. Относительно лицъ высшаго общества употреблялись другія средства, но не менѣе вѣрныя: для нихъ назначались коммисіи. Когда король

опасался, что парламентъ не съумѣетъ хорошо разсудить, т. е. не окажетъ справедливости какому нибудь значительному лицу, то онъ судилъ это лицо особой коммисіей, составленной изъ преданныхъ ему людей.

Точно также онъ поступалъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ избавиться отъ какой либо досаждавшей ему особы. Когда Францискъ I-й, при своемъ посѣщеніи Целестинъ Маркуссійскихъ, пошелъ посмотрѣть на гробницу Жана Монтэгю, то выразилъ сожалѣніе о томъ, что этотъ человѣкъ былъ осужденъ судомъ. — „Нѣтъ, Ваше Величество, сказалъ сопровождавшій его Целестинъ, онъ былъ осужденъ коммисіей." Тогда король поклялся никогда не прибѣгать болѣе къ этому средству; но едва онъ возвратился къ себѣ, какъ позабылъ уже свою клятву.

При Людовикѣ XIII, Ришелье назначилъ коммисію для того, чтобъ избавиться отъ маршала Мариньяна и назначилъ засѣдать въ ней Лобардэмона, котораго современники его такъ удачно назвали vir bonus, strangulandi peritus. При Людовикахъ XIV и XV юстиція не имѣла опредѣленнаго круга дѣйствій. Если какое нибудь преступленіе обезпокоивало государя, то обвиняемый судился внѣ постоянныхъ судовъ.

Перейдемъ къ судопроизводству. Оно было инквизиціонное и притомъ заимствованное изъ римской имперіи въ самыя худшія ея времена. Обвиняемый отлучался отъ общества и содержался въ уединеніи: ему не нужно

знать въ чемъ его обвиняютъ, изъ него вырываютъ признаніе всѣми возможными средствами и хитростями, стараются довести его до погибели его же собственнымъ сознаніемъ.

Начинали обыкновенно тѣмъ, что заинтересовывали совѣсть людей къ погибели обвиняемаго путемъ такъ называемыхъ *увѣщаній* (monitoires). Священники возвѣщали въ своихъ проповѣдяхъ, что совершено такое-то преступленіе, и что тѣ, которые могутъ открыть что либо по этому поводу, должны дѣлать свои признанія исповѣднику подъ видомъ тайной исповѣди. Это значило подстрекать любопытство и поощрять болтовню. Показанія сыпались со всѣхъ сторонъ; ихъ запечатывали и отсылали королевскому прокурору. Объ нихъ не давали знать обвиняемому, который находился въ тайномъ заключеніи въ предупредительной тюрьмѣ — и одинъ Богъ знаетъ, въ какой тюрьмѣ! Мы поймемъ теперь, почему Гарлей, первый президентъ, знавшій хорошо въ свое время тюрьмы и людей, сказалъ, что еслибъ его обвинили въ похищеніи колоннъ съ собора Нотръ-Дамъ, то онъ прежде уѣхалъ бы за море, а потомъ сталъ-бы уже защищаться, потому что, оставаясь въ Парижѣ, и будучи заключенъ въ тюрьму, онъ рисковалъ остаться въ ней на неопредѣленное время.

Подсудимаго допрашивали, но не говорили ему въ чемъ его обвиняютъ. Вотъ, напримѣръ, процессъ инквизиціи: захвативши, сажали обыкновенно въ холодное мѣ-

сто; по прошествіи нѣкотораго времени, приводили къ инквизитору и онъ говорилъ: „знаете ли вы, за что здѣсь содержитесь?... Доищитесь! подумайте!“ —И нужно было самому обвиняемому доискиваться, какое преступленіе онъ совершилъ. Если онъ этого не зналъ, его снова вели въ тюрьму; чрезъ мѣсяцъ его снова спрашивали; такимъ образомъ онъ самъ могъ обвинить себя и многихъ другихъ людей въ преступленіи, котораго никто не зналъ. Такое, или почти такое-же самое судопроизводство было въ нашей древней монархіи. Обвиняемаго допрашивали, не называя ему преступленія, въ которомъ его обвиняли, и такимъ образомъ его защита заставляла его попадать въ тысячи разставленныхъ сѣтей. Послѣ допроса его отводили въ тюрьму и особо подвергали двукратному допросу свидѣтелей. Это двукратное допрашиваніе свидѣтелей называлось повѣркой; причемъ свидѣтель не могъ отступаться отъ своихъ словъ. Нынѣ, при публичности судовъ, свидѣтель можетъ сказать въ засѣданіи: „это правда,—я дѣйствительно говорилъ, что въ такой-то часъ я былъ въ такомъ-то мѣстѣ; но теперь я вспомнилъ, что въ это время я былъ въ другомъ мѣстѣ.“ Есть примѣры, что свидѣтели отвергали свои показанія и не теряли довѣрія вслѣдствіе этого. Въ старое же время, свидѣтель, который отрицалъ свои показанія, былъ преслѣдованъ какъ лжесвидѣтель; онъ не могъ измѣнить разъ сдѣланнаго показанія, хотя бы и сознавалъ, что ошибся. Послѣ

такой повѣрки свидѣтеля, его ставили не тайную очную ставку съ обвиняемымъ, котораго спрашивали: „знаетъ ли онъ такую-то особу? Имѣетъ-ли онъ что-либо сказать противъ нея?“ Обвиняемый долженъ былъ отвѣчать немедленно, не зная, показывалъ-ли свидѣтель за него, или противъ него. Послѣ онъ не могъ ни сказать: „это мой врагъ“, ни дѣлать ему упрека.

Законъ отказываетъ обвиняемому въ адвокатѣ и Жуссъ наивно восклицаетъ: „Совѣтъ обвиняемому,—да это значитъ давать ему соучастника; нѣтъ, не нужно его!“ Ламуаньонъ, когда разбирали указъ 1760 года, возсталъ противъ этого запрещенія. Онъ говорилъ:

„Это вовсе не какая нибудь привилегія, даруемая указомъ или закономъ, *это свобода, пріобрѣтаемая естественнымъ правомъ, которое древнѣе всѣхъ человѣческихъ законовъ*... Если сравнить наше судопроизводсто съ римскимъ и судопроизводствомъ другихъ народовъ, то окажется, что нигдѣ оно не отличалось такою жестокостью, какъ во Франціи, особенно послѣ указа 1539 года“.

Указъ, которымъ было отнято у подсудимаго право имѣть совѣтника, былъ изданъ канцлеромъ Пойе (Poyet). Годъ спустя послѣ изданія этого указа, Пойе былъ самъ обвиненъ; онъ совершенно потерялся и просилъ совѣтника; ему отвѣчали: „Patere legem quam ipse tulisti“. Отвѣтъ былъ очень кстати для Пойе, но чтожъ изъ этого выигрывали несчастные подсудимые?

Въ Англіи, въ 18 столѣтіи обсуждали проектъ закона, отказывавшаго подсудимому въ адвокатѣ въ дѣлахъ государственной измѣны. Графъ Шафтесбюри нападалъ на этотъ законъ со всевозможныхъ сторонъ; вдругъ у него, какъ говорится, не хватило словъ, но ловко воспользовавшись своимъ положеніемъ, онъ продолжалъ: „вы видите, что я смѣшался; между тѣмъ я вовсе не обвиняемый, а вы хотите, чтобы не смѣшался человѣкъ, который защищаетъ свою голову? Это вамъ и показываетъ всю несправедливость вашего закона!“ Впрочемъ это не помѣшало вотированію закона.

Послѣ допросовъ, королевскій прокуроръ давалъ свои немотивированныя заключенія; вручали (délivrait) копіи со свидѣтельскихъ показаній, читали все производство дѣла, потому что дѣлопроизводство было письменное; въ дѣлѣ кавалера де-ла-Барръ было напр. до шести тысячъ листовъ. Потомъ приводили подсудимаго и сажали на скамейку. Тогда начиналось судебное слѣдствіе; обвиняемый могъ приводить оправдательные факты и только теперь онъ имѣлъ право сказать, напримѣръ, слѣдующее: „Меня обвиняютъ, что я убилъ въ Парижѣ такого-то человѣка въ такомъ-то часу; а я въ этотъ день былъ въ Англіи.“ И такое производство дѣла тянулось иногда пятнадцать мѣсяцевъ, если судья не соглашался выслушивать оправдательные факты во время допросовъ обвиняемаго. Эти факты могли быть alibi (пребываніе въ другомъ мѣстѣ), или чѣмъ нибудь даже

такимъ, что уничтожало надобность въ самомъ процессѣ; но Жуссъ говоритъ, что если судья достаточно образованъ, то онъ не имѣетъ никакой надобности въ оправдательныхъ фактахъ, потому что тогда дѣло идетъ не о томъ, чтобъ обвинять, а о томъ, чтобы судить.

Въ 1699 году, въ царствованіе Людовика XIV, одна женщина была обвинена въ убійствѣ своего мужа. Мнимая жертва былъ нѣкто Пивардьеръ. Женившись въ Турѣ на одной женщинѣ, которую онъ не любилъ, онъ женился потомъ на другой въ Санѣ (Sens), и такимъ образомъ имѣлъ два хозяйства — одно въ Санѣ, а другое въ Турѣ. Время отъ времени онъ пріѣзжалъ въ Туръ; вдругъ, въ одинъ прекрасный день онъ пропалъ. Г-жу Пивардьеръ тотчасъ же обвинили въ томъ, что она, вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, убила своего мужа. Двѣ дѣвушки-служанки показывали, что онѣ слышали крики, видѣли кровь. Обвиняемыхъ арестовали, заключили въ тюрьму и сняли свидѣтельскія показанія. Пивардьеръ, хотя и двоеженецъ, былъ все-таки честный человѣкъ и находилъ жестокимъ предоставить свою жену осужденію; но онъ не осмѣливался явиться, боясь быть наказаннымъ за двоеженство. Наконецъ, онъ получилъ возможность поговорить съ королемъ и получилъ отъ него помилованіе за двоеженство, тогда онъ отправился къ судьямъ и сказалъ: „вотъ я, моя жена не убила меня“. Ему отвѣчали, что его не знаютъ, что еще не наступило время представленія оправдательныхъ

фактовъ и что если, кромѣ того, юстиція достаточно разъяснила себѣ дѣло, то въ его свидѣтельствѣ не предстоитъ никакой надобности. Ему нужно было искать правосудія выше, и только по истеченіи 18 мѣсяцевъ онъ получилъ наконецъ рѣшеніе, подтверждавшее, что онъ не былъ мертвъ.

Объ этомъ дѣлѣ можно прочесть заключенія д'Агессо (d'Aguesseau); они показываютъ куда можетъ привести людей невинная любовь къ формальностимъ, на самомъ дѣлѣ ужаснымъ.

Засѣданія суда были тайны. Публика—этотъ *судья судей*—не присутствовала. Обвиняемый не имѣлъ никого вокругъ себя. Въ Парижѣ число его судей доходило иногда до 20 или 25, и онъ не имѣлъ ни одного совѣтника, ни одного друга; онъ походилъ на жертву, которую готовились задушить. Было-ли дѣлопроизводство законно или нѣтъ, онъ ничего этого не знаетъ; не знаетъ также ни судей, ни ихъ степени образованія, а все же надо было полагаться на ихъ благоразуміе относительно вѣрнаго примѣненія закона. Весьма естественно: судья не утруждалъ же себя чтеніемъ дѣла въ 4 т. листовъ, а ограничивался слушаніемъ одного доклада. Всякій разъ, когда производилась кассаціонная процедура, какъ напр. въ дѣлѣ Каласа (Calas), или въ дѣлѣ Лалли (Lally), оказывалось, что судебный порядокъ (procédure) не былъ соблюденъ. „Если доказательства удовлетворительны, говоритъ

Жуссъ, то никогда не слѣдуетъ назначать обвиняемому еще предварительную пытку (question préparatoire), нужно тотчасъ же переходить къ осужденію; ибо, прибавляетъ онъ, безполезно налагать на виновнаго человѣка излишнія страданія.“ Прекрасно, но на основаніи указа 1670 года, „если въ процессѣ, за которымъ должна слѣдовать смерть, существуютъ доказательства, которыя хотя и значительны, но не вполнѣ удовлетворительны, то судьи могутъ прибавить, чтобъ обвиняемаго подвергли пыткѣ: „l'accusé soit appliqué à la question“. Какія же это однако значительныя доказательства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ неудовлетворительны? Это, напримѣръ, нахожденіе у кого нибудь какой нибудь вещи, украденной у мертваго, или если видѣли кого либо со шпагой въ рукахъ и затѣмъ находили убитаго. Въ этихъ случаяхъ законъ предписываетъ *жестоко пытать до полученія самыхъ очевидныхъ показаній* (de donner la torture sur des indices violents). Такимъ образомъ поступали въ дѣлѣ Монбэльи (Montbailly). Монбэльи былъ незначительный фермеръ; мать его была горькая пьяница. Однажды утромъ ее находятъ мертвой: она упала съ своей кровати и ударилась объ уголъ какой-то мебели; сперва думали, что это апоплексическій ударъ. Монбэльи узнавъ о случившемся, упалъ въ обморокъ; это и дало поводъ предположить, что онъ имѣлъ интересъ убить свою мать; это была улика. А такъ какъ эта жен-

щина имѣла одинъ глазъ окровавленный, то эта улика была сильной: несчастнаго Монбэльи подвергаютъ пыткѣ и заставляютъ сознаться во всемъ, чего желаютъ. Онъ и его жена осуждены на смерть; но такъ какъ эта послѣдняя беременна, то ради ея не исполняютъ приговора; за нее вступаются и — обнаруживается полная невинность ея и ея мужа. А между тѣмъ все же убили человѣка, исполнивъ надъ нимъ приговоръ, прежде нежели узнали, виновенъ-ли онъ... Г-жа де Сэвиньé (Sévigné), по поводу дѣла Бринвильера, описываетъ намъ пытку. Обвиняемаго привязывали къ двумъ подпоркамъ (étais), вставляли ему въ ротъ рожокъ и лили въ него воду до тѣхъ поръ, пока у него не вздувалось все тѣло; это была жестокая казнь. Если же послѣ этой пытки, обвиняемый оставался живъ (чтобъ онъ не умеръ, принимали различныя предосторожности), его клали на матрацъ и оставляли дышать; если онъ не признавался, то его не имѣли уже права наказывать смертью, а ссылали на вѣчныя галеры. Въ другихъ провинціяхъ пытали полусапожками (brodequins), которыми вывихивали ноги, и кавалеръ де-ла-Барръ былъ совсѣмъ изувѣченъ, когда его привели на эшафотъ.

Зачѣмъ же употребляли пытку? Какую выгоду надѣялись получить отъ нея?—Вырвать признаніе въ преступленіи. Тогда казалось, что если судья имѣлъ признаніе, то онъ находился уже въ полной безопасности отъ несправедливости; и мы понимаемъ теперь, что это

признаніе дѣйствительно получалось, когда его хотѣли. Я не думаю, чтобы кто-либо въ настоящее время посѣщалъ бѣсовскія ночныя сборища. А прежде находились вѣдь женщины, которыя признавались, что онѣ бывали тамъ. Ихъ разумѣется подвергали пыткѣ и спрашивали: „Вы посѣщаете бѣсовскія сборища?—Да, да.— Верхомъ на лошади или на метлѣ? — Да, да.“ Это была самая простая вещь. Такимъ-то образомъ складывалось убѣжденіе судей. Предварительная пытка была уничтожена только въ царствованіе Людовика XVI.

Какое же впечатлѣніе производила пытка на судей? Вспомнимъ „*Тяжущихся*“:

Дандэнъ.—Видѣли-ли Вы когда нибудь пытку?

Изабелла. — Нѣтъ, я вѣроятно никогда не увижу.

Дандэнъ. — Постой-те жъ, я отобью и у Васъ охоту видѣть ее.

Изабелла. — Ахъ, неужели можно видѣть какъ страдаютъ несчастные?

Дандэнъ. —Еще бы! Это всего продолжится часъ или два.

Эта шутка къ сожалѣнію очень правдива. Нѣтъ ничего ужаснѣе дѣйствія, производимаго на человѣка воспитаніемъ; его можно пріучить смотрѣть на страданія, проливать кровь, созерцать казни; битвы гладіаторовъ сдѣлали же римлянъ жестокими.

Всѣ осужденія были произвольны. Могли совсѣмъ

осудить обвиняемаго, или, если того желали, наводить новыя справки, т. е. не оправдывать его, но оставлять въ подозрѣніи, подъ тяжестью преслѣдованія, или даже удерживать въ тюрьмѣ. Судъ могъ, по своему усмотрѣнію, держать въ тюрьмѣ, освободить, осудить.

Во всякомъ случаѣ нужно было подчиняться произвольному наказанію. Не существовало никакихъ аппеляцій. Особыя обстоятельства процесса позволяли судьямъ усиливать наказанія, и такимъ образомъ по всѣмъ правамъ можно было доходить до смертной казни; эти же обстоятельства позволяли также и смягчать наказанія.

Если какой нибудь вельможа совершалъ прелюбодѣяніе, то его наказывали однимъ увѣщаніемъ. Ему говорили: „Вы соблазнили такую-то госпожу, это не хорошо!“ Если же, напротивъ, лакей нравился госпожѣ и былъ съ нею въ связи, то его наказывали смертью. Если крестьянинъ нарубитъ дровъ въ чужомъ лѣсу, то въ настоящее время его приговариваютъ къ нѣсколькимъ днямъ заключенія, а въ прежнее время его могли приговорить къ смерти, могли даже осудить обвиняемаго не за то преступленіе, въ которомъ онъ обвинялся, но за факты явленія въ результатѣ процесса. Одинъ англичанинъ, видя, что совокупность фактовъ, вытекающихъ изъ процесса, повлекла за собою смерть де Лалли (de Lally), тогда какъ ни одинъ изъ этихъ фактовъ, взятыхъ отдѣльно, не влекъ за собой смертной казни, сказалъ: „я никогда не думалъ, чтобъ изъ

тридцати бѣлыхъ кроликовъ можно было сдѣлать бѣлую лошадь“.

Такъ какъ смертный приговоръ произносили за всякія преступленія или проступки, то, чтобы сохранить нѣкоторую пропорціональность, придумали различныя казни. Тѣхъ, которые оказывались виновны въ преступленіяхъ противъ короля, четвертовали. Такъ поступили съ Дамьеномъ (Damiens), но прежде ему поламали желѣзнымъ прутомъ спинной хребетъ. Народъ черпалъ въ этихъ зрѣлищахъ привычку къ жестокости.

Нынѣ устраиваютъ духовныя бесѣды для работниковъ: они выходятъ оттуда болѣе образованными и просвѣщенными. Приведите ихъ, напротивъ, туда, гдѣ течетъ кровь, гдѣ умерщвляютъ людей — и они станутъ жестокими. Воспитаніе имѣетъ громадное вліяніе на человѣка, и можетъ показаться, что зрѣлищемъ столь ужасныхъ страданій древняя монархія старалась сдѣлать своихъ подданныхъ жестокими.

Мы приведемъ здѣсь письмо г-жи Деффанъ (Deffant), по поводу процеса Лалли-Толендаль (Lally-Tolendal), которое покажетъ намъ какъ мало высшее общество отличалось въ этомъ отношеніи отъ простаго народа.

„Третьяго дня, въ пятницу, въ шесть часовъ вечера былъ казненъ Лалли. Король, уступивъ просьбамъ его семейства, согласился было, чтобы казнь происходила ночью. Лалли нѣсколько разъ пытался убить себя... Боязнь, чтобъ онъ не убѣжалъ до исполненія

приговора и нежеланіе упустить такой прекрасный случай примѣра, были причиной того, что король приказалъ поспѣшить казнью. *Такъ какъ боялись, чтобъ онъ не проглотилъ своего языка, то ему вставили въ ротъ клинокъ.* Онъ умеръ, какъ умираютъ бѣшенные; его положили на телѣгу; онъ получилъ два удара и *во время казни народъ апплодировалъ....* Публика желала, чтобы Лалли былъ казненъ; были очень довольны всѣмъ тѣмъ, что дѣлало эту казнь болѣе позорной: телѣгой, ручными цѣпями, клинкомъ; *этотъ послѣдній успокоилъ духовника, который боялся быть укушеннымъ....* Лалли былъ большой мошенникъ *и къ тому весьма некрасивый;* онъ былъ осужденъ единогласно."

Замѣтьте, что въ 1778 году, т. е. 12 лѣтъ спустя, судьи признали, что Лалли былъ несправедливо осужденъ. На это письмо г-жи Деффанъ, Вальполь отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

„Ахъ, милостивая государыня, какіе ужасы Вы мнѣ разсказываете! Пускай же не говорятъ, что англичане суровы и жестоки—это французы таковы. Да, да, всѣ вы дикіе, и вы, проказница. У насъ много убивали людей, но видано ли было когда либо, чтобы народъ рукоплескалъ во время совершенія казни надъ бѣднымъ несчастнымъ генераломъ, который томился въ тюрьмѣ въ теченіе двухъ лѣтъ? Человѣкъ настолько честный, что не хотѣлъ даже спастись, столь пораженный своимъ

несчастіемъ, что порывался скорѣе проломить тюремныя рѣшетки, чѣмъ видѣть себя выставленнымъ на публичный позоръ, и этотъ-то честный стыдъ производитъ то, что осужденнаго тащатъ въ телѣгѣ и ставятъ ему въ ротъ кляпецъ, какъ самому послѣднему изъ убійцъ. Боже мой! Какъ я радъ, что покинулъ Парижъ до этой ужасной сцены, я бы изстерзалъ себя или попалъ въ Бастилію".

Чѣмъ же можно объяснить то, что французское общество такъ долго переносило подобныя жестокости? Вѣдь оно, наконецъ, не было обществомъ дикихъ; г-жа де Сэвинье, отзываясь такъ легко о повѣшеніяхъ, продолжавшихся въ Бретани, вовсе не была злой женщиной, это была даже очень честная женщина и превосходная мать. Но въ ту эпоху еще не имѣли одного чувства, одной идеи, принадлежащей 18 столѣтію, — идеи гуманности. Сочувствіе къ тѣмъ, которые страдаютъ, чуждо XVII столѣтію. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно видѣть какъ въ комедіяхъ Мольера издѣваются надъ физическими страданіями и уродливостями, а во всѣхъ современныхъ романахъ надъ мученіями, которыми подвергался виновный; только и говорятъ въ нихъ, что о палочныхъ ударахъ, висѣлицахъ, и говорятъ-то очень весело.

Чувство гуманности появилось въ послѣднемъ столѣтіи, и объясненіе Вольтеромъ слова *„гуманность"*, было чрезвычайно кстати. Это не то, что „родъ че-

ловѣческій", это — „чувствительность" (sensibilité). Когда распространились эти идеи, то произошло раздѣленіе между обществомъ и законодательствомъ. Люди, подобные Вольтеру, Беккаріа, возстали противъ зла, существовавшаго въ теченіи двухсотъ лѣтъ; это самая большая заслуга философовъ 18 столѣтія. Имъ можно сдѣлать много упрековъ, можно упрекнуть, напр., Вольтера за его нападки на религію, въ его жизни можно найдти много такихъ вещей, которыя нельзя оправдать, но за нимъ навсегда останется эта честь оппозиціи уголовному законодательству и то, что онъ держалъ въ рукахъ знамя гуманности; онъ заставилъ отшатнуться самихъ судей, показавъ имъ все гнусное, содержавшееся въ ихъ законахъ; онъ возмутилъ общественную совѣсть, показавъ имъ мерзость тогдашняго варварскаго судопроизводства, и довелъ наконецъ до того дня, когда конституціонное собраніе, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, уничтожило этотъ гнусный указъ 1670 года, который, какъ говорили, былъ написанъ рукою инквизитора и палача.

Мы видѣли какое было въ XVIII вѣкѣ состояніе уголовнаго законодательства во Франціи; нашимъ глазамъ представилась грустная картина; но нужно признаться, что изучая уголовное законодательство всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, исключая Англіи, мы находимъ, какъ и во Франціи, тѣ же заблужденія, чтобы не сказать тѣ же жестокости.

Это законодательство основывалось, разумѣется, на нѣкоторыхъ идеяхъ и принципахъ, которые считались опорами государства. Думали, что ихъ нельзя было касаться, не потрясая основъ общественныхъ. Теперь мы думаемъ, что эти идеи и принципы безполезны для государства, даже болѣе — считаемъ ихъ ложными и опасными.

Вотъ эти принципы.

Подсудимый считается виновнымъ. Хотя, ни передъ чѣмъ не отступавшіе криминалисты никогда не высказывали открыто этого принципа, возмутившаго общественное мнѣніе, когда онъ сдѣлался явнымъ, тѣмъ не менѣе, все судопроизводство выходило изъ безмолвнаго признанія этого принципа. Такимъ образомъ первый актъ слѣдствія состоялъ въ требованіи отъ подсудимаго, чтобъ онъ поклялся, что онъ не виновенъ; его ставили между клятвопреступленіемъ или вѣчнымъ осужденіемъ и смертью.

Вторымъ принципомъ было — тайна судопроизводства, которая, какъ увѣряли тогда, составляла его душу. Больше всего боялись гласности, того, чтобъ обвиняемый могъ узнать, въ чемъ его обвиняютъ, кто обвиняетъ и какими обстоятельствами сопровождалось его преступленіе. Замѣтимъ при этомъ, что тайна существовала только для бѣдныхъ людей; богатый всегда имѣлъ друзей, готовыхъ помочь ему; если же и не было у него друзей, то онъ обладалъ тою могущест-

венной силой, которая зовется деньгами, и благодаря которой онъ всегда могъ легко получить необходимыя свѣдѣнія. Безъ сознательнаго намѣренія со стороны законодателя, судопроизводство было организовано противъ бѣдныхъ и было жестоко.

Третьимъ правиломъ было слѣдующее: такъ какъ судопроизводство существовало для судей, то, слѣдовательно, если они были достаточно просвѣщенные люди, имъ и не зачѣмъ было пускаться въ изысканіе безполезныхъ доказательствъ. Какое-бъ ясное доказательство своей невинности ни имѣлъ подсудимый, судья, если онъ былъ невѣжда, глупъ или предубѣжденъ, могъ не принять этого доказательства не только при слѣдствіи, но и послѣ, при сужденіи по документамъ.

Четвертый принципъ былъ слѣдующій: противъ подсудимаго все дозволительно. Этотъ принципъ былъ и логиченъ и нелѣпъ: потому логиченъ, что подсудимаго считали виновнымъ. Кромѣ того, по понятіямъ тогдашняго времени, считалось самымъ важнымъ добиться отъ него признанія, а для того, чтобы получить это признаніе доходили до пытки, т. е. до жестокости.

Пятый принципъ. Наказанія были произвольны: право опредѣлять ихъ принадлежало судьямъ. Судья имѣлъ передъ собою клавіатуру всѣхъ наказаній и бралъ ноту, какую ему вздумается. Онъ могъ по своему произволу, слѣдуя своему капризу или своимъ убѣжденіямъ, объявить подсудимаго невиннымъ, удержать его въ тюрьмѣ,

освободить, не снимая съ него однако безчестія, подвергнуть его пыткѣ и даже присудить къ смерти — и все это по поводу одного и того же преступленія. Подсудимый никогда не могъ знать, какому наказанію онъ подвергается; какъ-бы ни было ничтожно преступленіе, въ которомъ справедливо или несправедливо его обвиняли, наказаніемъ за него могла быть смерть. Въ XVIII ст. казнили одного извощика за произнесеніе богохульственной фразы, и казнили крестьянъ за порубку деревьевъ въ лѣсу.

Наше современное уголовное право представляетъ совершенно противуположные принципы. При старомъ судопроизводствѣ подсудимый считался виновнымъ, при современномъ—невиннымъ. Это теперь неизмѣнное правило во всей Европѣ; но Англія, быть можетъ, единственная страна, гдѣ его поняли какъ слѣдуетъ. Если кто-либо обвиняетъ кого, то онъ же долженъ привести и доказательства своего обвиненія, иначе можетъ нарушиться покой самаго честнаго гражданина и пойдетъ въ дѣло личная непріязнь. Въ Англіи говорятъ подсудимому: не отвѣчай, — обвинитель долженъ доказать свое обвиненіе. Тоже и въ гражданскихъ дѣлахъ. Если кто требуетъ 100 франковъ, то долженъ прежде всего доказать, что другой долженъ ихъ; тѣмъ болѣе нужно доказать обвиненіе въ преступленіи предъ уголовнымъ судомъ. Во Франціи поступаютъ немного иначе: обыкновенно начинаютъ съ изслѣдованія предшествовавшей

жизни подсудимаго и подавляютъ его всевозможными вопросами, а это безразсудно, потому что этотъ путь скользокъ и можетъ привести насъ къ взгляду на подсудимаго не какъ на невиннаго, а какъ на виновнаго. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы немного передѣлать законы Франціи.

Тайна была душею стараго судопроизводства; современное же судопроизводство, по крайней мѣрѣ въ Англіи, имѣетъ своимъ принципомъ гласность. Во Франціи судопроизводство не гласно въ той своей части, которая имѣетъ своимъ предметомъ предварительное слѣдствіе; все еще боятся, чтобы гласность не повредила обвиняемому. Въ Англіи, въ одномъ недавнемъ процессѣ, процессѣ Мюллера, совершившаго убійство въ вагонѣ желѣзной дороги, гласность, возбудивъ всеобщее вниманіе, была единственной причиной открытія виновнаго. Что касается до меня, то я думаю, согласно съ англійскими юристами, что публичность слѣдствія имѣетъ огромныя преимущества и что она далека отъ того, чтобы быть препятствіемъ къ открытію истины.

Что касается до способа, которымъ образуется у судей убѣжденіе, то въ этомъ отношеніи мы имѣемъ къ судьямъ болѣе недовѣрія, нежели прежде; мы не допускаемъ, чтобы судья могъ не принять отъ подсудимаго доказательство его невинности; насъ интересуетъ не столько убѣжденіе судьи, сколько средства защиты, предоставленныя подсудимому.

Намъ уже не кажется, что всѣ средства законны для того, чтобы дойти до доказательства виновности; пытка уничтожена; благодаря гласности нельзя мучить подсудимаго далѣе извѣстныхъ предѣловъ; постоянно бодрствуя надъ нимъ, общественное мнѣніе покровительствуетъ ему.

Наконецъ, наказанія у насъ не произвольны; правда, мы имѣемъ смягчающія обстоятельства, но maximum ихъ тщательно установленъ закономъ. Англичане позволяютъ судьѣ въ извѣстныхъ случаяхъ измѣнять наименованія преступленія, квалифицировать ихъ; это родъ масштаба, по которому могутъ двигаться присяжные судьи, но онъ никогда не замѣняетъ перехода отъ безнаказанности къ смерти. Подобныя жестокости не имѣютъ мѣста въ новѣйшихъ законодательствахъ.

Откуда шла эта жестокость древняго законодательства? Какимъ образомъ распространилась она на европейскомъ материкѣ? Она изъ римскихъ законовъ, которые, противопоставляясь германскимъ обычаямъ, ввели пытку и тайну въ судопроизводство. Но, основанное на преданіи, почтеніе къ римскимъ законамъ могло быть основательнымъ только по отношенію къ гражданскимъ законамъ и весьма мало оправдывалось по отношенію къ уголовнымъ, производя въ нихъ гнуснѣйшій деспотизмъ, который когда-либо былъ видѣнъ свѣтомъ. И это римское уголовное право надѣляло Европу въ продолженіи трехъ столѣтій своими ненавистными законами

и тѣмъ порядкомъ судопроизводства, который извѣстенъ подъ именемъ инквизиціоннаго.

Законы эти, уже превознесенные и восхваленные юристами XIII и XIV вѣковъ, стали господствующими съ возникновеніемъ обширныхъ монархій. Въ концѣ XV ст., короли, желая все подвести подъ ярмо своей власти, доставили повсемѣстное торжество римскимъ законамъ. Англія составляла исключеніе, и это потому, что узнавъ на опытѣ, начавшемся съ XIII ст., что ея сила заключалась въ германскихъ законахъ, она не хотѣла мѣнять ихъ на римскіе, насильственнымъ путемъ достигшіе владычества въ Европѣ. Такимъ образомъ она избѣгла жестокости на судѣ, или по крайней мѣрѣ не была заражена ею въ той степени, какъ другіе народы. Она всегда сохраняла институтъ присяжныхъ и гласность преній, пытка же въ ней существовала весьма короткое время.

Видя въ прошедшей исторіи всемірное царство такихъ достойныхъ осужденія установленій, мы, въ наше время, часто склонны выказывать къ прошедшему довольно презрительное снисхожденіе, которое мнѣ кажется опаснымъ для будущаго. Въ XVIII ст. наши отцы не находили другаго эпитета для обозначенія среднихъ вѣковъ, какъ слово варварство! Мы стали настолько терпѣливы, что болѣе ничего не порицаемъ: эти законы, говоримъ мы, были хороши для своего времени; такая постановка предполагаетъ существованіе той эпо-

хи, когда человѣчество ничего не смыслило въ дѣлахъ міра сего, и справедливость была еще неизвѣстна. Это прискорбное заблужденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что народы страдаютъ нравственными эпидеміями, подобно тому какъ они подвержены эпидеміямъ физическимъ; бываютъ моменты, когда духъ честности овладѣваетъ всею націею. Для того, чтобы весь міръ вѣрилъ въ волшебство, нужно было существованіе эпидеміи суевѣрія. Ереси, религіозный или политическій фанатизмъ суть также болѣзни народовъ. Видя, что Конвентъ учредилъ революціонный трибуналъ на другой день послѣ прекращенія существованія Конституціоннаго Собранія, издавшаго превосходные уголовные законы, нельзя сказать, чтобъ этотъ фактъ былъ порожденіемъ необходимости времени. Нужно строго отличать, что это не что иное, какъ болѣзни; обстоятельства могутъ объяснить ихъ, но не оправдать. Вотъ въ чемъ заключается разница между двумя школами — фаталистической, которая оправдываетъ все что было, какъ бы отрицая существованіе преступленія или заблужденія, и другой, которая осуждаетъ преступленія и заблужденія, но забывая при этомъ уяснить тѣ причины, которыя могли ихъ породить, и которыя, кромѣ того, могутъ доказать, что виной тому было не человѣческое сознаніе, а нѣчто другое, ибо во всякой эпохѣ находились прямые умы, протестовавшіе противъ дурныхъ учрежденій!

Приведемъ доказательство въ пользу того, что противъ судебныхъ жестокостей были подаваемы протесты.

Мы часто указывали на ту услугу, которую оказали бы намъ, изложивъ исторію идей, показавъ намъ какъ, въ каждую данную эпоху, вновь появившаяся на свѣтъ идея, сначала очень слабая, нечувствительно укрѣпляется и наконецъ становится какъ бы родовымъ имѣніемъ человѣчества (patrimonium). Съ идеями повторяется таже исторія, что и съ механическими изобрѣтеніями: швейныя машины родились на нашихъ глазахъ и, безъ сомнѣнія, менѣе чѣмъ черезъ 50 лѣтъ мы ихъ встрѣтимъ во всѣхъ домахъ, какъ необходимую домашнюю утварь, но при этомъ никто и не вспомнитъ объ ихъ изобрѣтателѣ! Тоже самое бываетъ и съ идеями. Съ теченіемъ времени онѣ все болѣе и болѣе распространяются. Къ несчастью, обыкновенно упускаютъ изъ виду, забываютъ это возрастаніе идей; мы склонны думать, что римляне имѣли тѣже идеи какъ и мы, и что умъ человѣческій во всѣ времена былъ всегда одинъ и тотъ же. Какъ несправедливо то мнѣніе, что одни и тѣже механическія изобрѣтенія были извѣстны во всѣ эпохи, также несправедливо и то, что проявленія ума и совѣсти были во всѣ эпохи одинаковы. Наблюденія надъ происхожденіемъ идей представляетъ чрезвычайно много интереснаго; оно въ тоже время есть и моральное изученіе, ибо оно даетъ намъ возможность узнать, кто были истинные друзья человѣ-

чества, кто были воздѣлыватели тѣхъ идей, которыя мы унаслѣдовали. Займемся такого рода исторіей и разсмотримъ встрѣчающіеся у французскихъ старинныхъ писателей протесты противъ уголовнаго судопроизводства. Мы увидимъ какимъ образомъ и ка́къ идея гуманности проникла въ уголовный законъ.

Инквизиціонное судопроизводство было установлено во Франціи, въ 1539 г., Франциском I и канцлеромъ Пойе (Poyet). Монтэнь написалъ весьма справедливыя размышленія по поводу уголовныхъ законовъ Франціи. Сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени Монтэня судили не совсѣмъ справедливо: ему можно воздать похвалъ гораздо болѣе, нежели сколько обыкновенно полагаютъ. Его считаютъ скептикомъ, который сомнѣвается во всемъ, искуства ради. Въ продолженіи долгаго времени я читаю Монтэня; я изъ него сдѣлалъ свое обычное чтеніе, и впечатлѣніе, которое онъ производитъ на меня, приводитъ меня къ тому заключенію, что онъ былъ скептикомъ въ религіи и въ политикѣ, вслѣдствіе своей терпимости и гуманности. Когда люди упоены религіознымъ фанатизмомъ и готовы убивать тѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ вѣрованій, то какое лучшее средство смягчить ихъ, какъ не доказать имъ, что ихъ увѣренность далеко не такъ прочна, какъ они полагаютъ? Научить ихъ сомнѣваться въ самихъ себѣ—это лучшее средство, чтобы сдѣлать ихъ гуманными. Если показать въ уголовныхъ за-

конахъ все то, что въ нихъ можетъ быть подвергнуто сомнѣнію по отношенію къ такимъ доказательствамъ, которыя, повидимому, кажутся наиболѣе несомнѣнными, все вѣроломное и опасное, заключающееся въ пыткѣ, то путемъ такого сомнѣнія можно сдѣлать судей болѣе осторожными и человѣчными. И я думаю, что таково именно было намѣреніе Монтэня, если онъ былъ скептикомъ, то былъ имъ всегда въ интересѣ терпимости и разсудка.

Вотъ что писалъ Монтэнь по поводу казней, которыя, какъ мы знаемъ, были ужасны:

„По моему мнѣнію, и по справедливости, все, что идетъ дальше простой смерти, кажется мнѣ страшною жестокостью, и въ особенности у насъ, которые должны были бы заботиться о томъ, чтобъ отсылать наши души въ хорошемъ состояніи, что невозможно, если ихъ волновать и приводить въ отчаяніе невыносимыми муками."

(Опыты, кн. II, гл. XI).

Немного далѣе онъ пишетъ нижеслѣдующее противъ пытки:

„Пытка страшнѣе ада; она опасное изобрѣтеніе, и ее скорѣе можно почесть средствомъ испытанія въ терпѣніи, чѣмъ изысканіемъ истины. *Тотъ, кто можетъ выносить пытку, скрываетъ истину также, какъ и тотъ, который не можетъ выносить ее.* Въ самомъ дѣлѣ, почему страданіе непремѣнно должно при-

нудить меня скорѣе сказать то, что есть на самомъ дѣлѣ, если она при этомъ вынуждаетъ меня говорить и то, чего вовсе не было? И наоборотъ, если тотъ, который не совершилъ преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, не столько терпѣливъ, чтобы переносить эти мученія, то почему не будетъ на столько же терпѣливымъ тотъ, который дѣйствительно совершилъ преступленіе, если онъ имѣетъ въ виду такое прекрасное вознагражденіе, чѣмъ предназначенная ему жизнь?“

„Я думаю, что изобрѣтеніе пытки имѣетъ своимъ основаніемъ невѣрное понятіе о тѣхъ усиліяхъ, которыя можетъ дѣлать совѣсть, ибо выходитъ, что въ виновномъ совѣсть помогаетъ пыткѣ заставить его сознаться въ своей винѣ, такъ сказать, ослабляетъ его; а съ другой стороны должно казаться, что она укрѣпляетъ невиннаго противъ пытки. Говоря правду, это средство полно невѣрностей и опасности. И чего не сдѣлаетъ или не скажетъ человѣкъ, чтобы только избѣжать ему такихъ тяжкихъ страданій?“

„Etiam innocentes cogit mentiri dolor [1]), откуда происходитъ то, что кого судья не хотѣлъ допустить умереть просто невиннымъ, — тотъ умиралъ и *невиннымъ и замученнымъ*.“

---

[1]) Одинъ современный поэтъ выразилъ эту мысль въ слѣдующемъ прекрасномъ стихѣ:

„Пытка вопрошаетъ—страданіе ей отвѣчаетъ.“

„Это, говорятъ намъ, наименьшее изъ золъ, которыя человѣческая слабость могла изобрѣсти; по моему же мнѣнію, пытка безчеловѣчна и совершенно *безполезна.*“

„Многіе народы, менѣе варварскіе въ этомъ отношеніи, нежели греки и римляне, хотя эти послѣдніе и называли ихъ варварами, почитаютъ дѣломъ ужаснымъ и жестокимъ мучить и ломать человѣка *за вину, въ которой вы еще сомнѣваетесь. Чѣмъ поможетъ онъ вашему незнанію?* Но справедливы-ли вы, когда для того, чтобы *случайно* не убить человѣка, вы дѣлаете хуже, чѣмъ убиваете его? Допустите для обвиняемаго возможность случайнаго его убійства, и вы увидите, что онъ гораздо скорѣе согласится безвинно умереть, чѣмъ вынести эту страшную пытку, болѣе тяжелую нежели самая казнь, своею жестокостью часто даже опережающую самую казнь и ея исполнителей.“

(Опыты, кн. II, гл. V.)

На ряду съ Монтэнемъ, можетъ быть даже и выше его, слѣдуетъ поставить одного изъ его современниковъ, очень хорошо извѣстнаго юристамъ, занимавшимся исторіей уголовнаго права, но только однимъ этимъ юристамъ. А между тѣмъ это величайшій криминалистъ Франціи, имя его Пьеръ Эйро (Pierre Ayrault).

Онъ былъ простой уголовный судья въ анжерскомъ земскомъ судѣ; въ 1587 г. онъ издалъ огромный томъ

подъ заглавіемъ: *„Судебный порядокъ, форма и слѣдствіе, употреблявшіеся древними римлянами при публичныхъ обвиненіяхъ, по сравненію съ правами и обычаями нашей Франціи.“*

Это сочиненіе написано прекраснымъ слогомъ XVI стол., и хотя оно совершенно спеціально, тѣмъ не менѣе я посовѣтовалъ-бы всякому, желающему образовать себя, помѣстить его въ своей библіотекѣ, потому что это, по истинѣ, одно изъ тѣхъ твореній, которыя дѣлаютъ наиболѣе чести языку и гуманности Франціи. Эйро принадлежалъ къ той великой школѣ, въ одно и тоже время и религіозной и политической, которая сгруппировалась вокругъ Генриха IV, принесшаго съ собою терпимость. Эйро былъ соревнователемъ Питу, Луазо, Паскье, и никогда уже, ни въ какое другое время юристы не играли во Франціи такой значительной роли какъ тогда.

Эйро, сочиненіе котораго пользовалось большой славой, потому что въ теченіи 20 лѣтъ вышло четырьмя изданіями, Эйро не впадалъ въ иллюзію при разсматриваніи французской системы; для того, чтобы разбить ее, онъ подъискиваетъ примѣръ изъ древняго міра и тамъ указываетъ на то, что недостаетъ французскому судопроизводству: совѣтника подсудимому и гласности суда. Впрочемъ, Эйро не говоритъ прямо „гласности“ (это слово новое), онъ требуетъ только, чтобы хотя докладъ дѣла былъ публичный. Гласность есть такое

условіе судопроизводства, безъ котораго нѣтъ и самаго судопроизводства. Эйро приводитъ по этому случаю остроту де-Ту, который экзаменуя одного судью (для того, чтобы вступить въ члены парламента, нужно было предварительно выдержать экзаменъ), спросилъ у него, что значитъ слово information, такъ тогда называлось судебное слѣдствіе. Но такъ какъ судья затруднился отвѣтомъ, то де-Ту прибавилъ, что въ этомъ словѣ частица in есть отрицательная, и что, слѣдовательно, слово information значитъ—доказательство безъ формы, иначе говоря, насиліе, несправедливость.

Но приведемъ немного длинную цитату изъ сочиненія Эйро, и я не думаю, что читатель будетъ недоволенъ знакомствомъ съ человѣкомъ, который говоритъ превосходнѣйшія вещи и, вдобавокъ, превосходнымъ языкомъ. По мнѣнію Эйро, гласность связана съ интересомъ судей, подсудимаго, свидѣтелей и публики.

„Всякаго рода судебное слѣдствіе имѣетъ свои неудобства, но одинъ родъ имѣетъ ихъ менѣе, другой болѣе. Тотъ, который имѣетъ ихъ наименѣе—есть наилучшій. Обратимся прежде всего къ древности, потому что она имѣетъ привилегію быть руководителемъ и примѣромъ своихъ преемниковъ.“

„Древніе имѣли своимъ неизмѣннымъ правиломъ, что все, дѣлавшееся гласно, въ виду и въ присутствіи всѣхъ, должно совершаться съ большимъ *величіемъ*, большей *искренностью* и больше имѣть значеніе *примѣра*.“

„Съ большимъ величіемъ, потому что судя не всенародно, а тѣмъ болѣе тайно, судья теряетъ большую часть своего хорошаго качества. *Il est privé en privé. Sed et neque judicis adeundi facultas esse dicitur, nisi is sit in publico*, сказалъ императоръ.“

„Съ большей искренностью, потому что судьи боятся погрѣшить: тутъ находится слишкомъ много свидѣтелей для того, чтобы критически разобрать тотъ законъ, во имя котораго судьями будетъ или уже было что-либо постановлено.“

„Больше примѣра, потому что болѣе дисциплины и болѣе устрашенія... При закрытыхъ дверяхъ судьѣ легко прибавить то или уменьшить другое, производить вымогательства или искуственныя признанія. *Слушаніе*, напротивъ того, *есть узда для страстей, это бичъ дурныхъ судей.* Кто не освищетъ, кто стерпитъ ихъ, если они публично погрѣшатъ противъ истины?“

„......Безъ сомнѣнія, такому судьѣ, который одинъ знаетъ все содержаніе дѣла, очень удобно налгать народу и сторонамъ то, что̀ ему будетъ угодно, *ему будетъ очень удобно прикрывать свою алчность и несправедливость.* Когда же вся аудиторія принимаетъ полное участіе въ дѣлѣ, тогда онъ судитъ уже нѣсколько иначе; онъ знаетъ, что его дѣйствія тотчасъ же подвергнутся одобренію или безпощадному приговору. А что сильнѣе можетъ быть поруганнымъ публично?“

„Не слѣдуетъ говорить, что тѣ, которые слушаютъ процессъ, не доктора̀ и не адвокаты, и что большая часть изъ нихъ, подобно тому, какъ въ церковной проповѣди и театральномъ представленіи, ничего не пойметъ изъ того, что услышитъ, ибо для сужденія во всѣхъ другихъ вещахъ дѣйствительно нужны эксперты, но къ дѣлу правосудія, говоритъ Плутархъ, каждый способенъ.“

„Прекрасно, если законы составлены такимъ образомъ, что одинъ ихъ порядокъ и внутреннее содержаніе болѣе поддерживаютъ исполнителей, нежели налагаемыя ими наказанія и денежныя пени; былобъ отлично, еслибъ они были составлены такимъ образомъ, что желаніе сдѣлать беззаконно не находило удобства для его выполненія.“

„Такое гласное установленіе, служа уздой для дурныхъ судей, доставляетъ въ тоже время необыкновенныя почести и спокойствіе хорошимъ судьямъ. Разомъ узнается всѣми ихъ достоинство, способность къ дѣлу, ихъ жизнь, а что самое главное —*уничтожается возможность клеветы.* Ибо кто осмѣлится безнаказанно лгать, когда судьей бываетъ публика. Тогда каждый видѣлъ бы самый процессъ, выслушивалъ обвиненія, взвѣшивалъ доказательства, вмѣсто того, чтобы придумывать ихъ и сочинять какія вздумается небылицы, также безстыдно и нагло, какъ еслибъ онъ самъ былъ докладчикомъ или президентомъ суда.“

„Перейдемъ къ тяжущимся сторонамъ и къ свидѣтелямъ. Для нихъ также было бы чрезвычайно полезно такое публичное установленіе; ибо, если публика сама не видѣла и не разбирала процесса, невинный никогда не будетъ вполнѣ оправданъ, виновный достаточно наказанъ, и потому всегда найдется что либо пригодное для порицанія.“

„Какъ на войнѣ довершеніемъ побѣды бываетъ тріумфъ, точно также быть вполнѣ оправданнымъ, значитъ быть имъ въ виду и съ согласія каждаго. Кто имѣетъ свое оправданіе только на бумагѣ, то сколько бы народу ее не читали, *дѣлается гласнымъ только то, что написано*. Но когда всякій могъ слышать насколько было правдоподобія въ томъ, въ чемъ обвиняли подсудимаго, этимъ достигается не только то, что приговоръ становится публичнымъ, но и обнаруживается дѣйствительная невинность, та невинность, сознаніе которой присутствуетъ въ сердцахъ всѣхъ, которые видѣли какъ ее отрицали и повѣряли.“

„Напротивъ того, всякій приговоръ суда, если процессъ не былъ гласнымъ, легче можетъ возбудить мнѣнія въ пользу невинности осужденнаго и того, что судьи, быть можетъ, дали волю своей хитрости и чувству вражды къ подсудимому. Когда доказательства погребены въ какомъ нибудь шкапу съ бумагами и разборъ ихъ происходилъ между глухими и нѣмыми стѣ-

нами, тогда легко вообразить все, что угодно, и еще легче видоизмѣнить воображаемое.“

А свидѣтели? Вотъ что говоритъ о нихъ Эйро:

„Судьи, которыхъ мы видимъ въ процессѣ, суть двухъ родовъ: тотъ, который производитъ слѣдствіе — есть судья свидѣтелей (testibus), другіе — судьи свидѣтельствъ (testimoniis). Одинъ во все время хода дѣла справляется только съ своею религіею и совѣстью, другіе вѣрятъ на столько, на сколько имъ представятъ мертвыхъ и нѣмыхъ фактовъ. Осанка, видоизмѣненія лица и всей фигуры, которыя изобрѣтали подсудимые и свидѣтели во время слѣдствія то въ одномъ засѣданіи, то въ другомъ, то передъ однимъ судьею, то передъ другимъ, — находятся ли они, собраны ли они въ томъ шкапу съ бумагами, о которомъ мы выше упоминали? По крайней мѣрѣ, нарисованы ли они и находятся ли на лицо для того, чтобы можно было судить о нихъ?“

„Читать письменное изложеніе процесса и какую-нибудь комедію не одно и тоже. Въ сужденіи очень часто слова и жесты не соотвѣтствуютъ другъ другу, языкъ говоритъ одно, фигура другое. Одно и тоже слово, когда мы слышимъ его, приводитъ къ отрицанію, когда же читаемъ — къ утвержденію.“

„Кромѣ того, съигранный фарсъ можетъ одинаково разъиграться нѣсколько разъ, но искреннее движеніе никогда не повторяется одинаковымъ образомъ. Если

при первомъ допросѣ допрашиваемый покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, задрожалъ, то при второмъ допросѣ съ нимъ этого уже не повторится, а тѣмъ менѣе при третьемъ.“

„*Публика же* болѣе даже, чѣмъ стороны, имѣетъ интереса желать, чтобъ это слѣдствіе было гласнымъ.“

„Это лицо, составленное изъ большаго числа глазъ, ушей и головъ, чѣмъ тѣ чудовища и великаны, которыхъ изображаютъ поэты, оно имѣетъ болѣе силы, болѣе энергіи проникать въ совѣсть и дать возможность читать тамъ, на которой сторонѣ лежитъ истинное право, чѣмъ наше тайное слѣдствіе.“

Какъ все это хорошо сказано; но каково должна быть сила ума, необходимая для того, чтобъ отыскать все это въ древности. Для насъ это не представляетъ ничего новаго; всѣ мы знаемъ, что гласность есть гарантія подсудимаго, а между тѣмъ едва прошло пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣ процессы производились во мракѣ тайны. Сверхъ того, Эйро съ рѣдкой твердостью настаиваетъ на свободѣ защиты.

„Защита и сохраненіе самого себя суть естественныя права. Ихъ нельзя лишать. Въ дѣлѣ правосудія не можетъ быть и рѣчи о другой защитѣ, кромѣ защиты словомъ; лишите подсудимаго его шпаги, ограничьте его свободу, если хотите—лишите его всякаго искуства. Но въ словѣ, кто же можетъ искренно и справедливо отказать въ словѣ подсудимому?“

„.......Когда Верресъ отказалъ одному подсудимому въ адвокатѣ, то Цицеропъ упрекалъ его въ томъ, что онъ отнялъ у подсудимаго то, что природа дарила всему человѣческому роду—защиту.“

„Дать защиту, но не сдѣлать ее притомъ свободной—это чистѣйшая тиранія.“

Фраза эта очень часто цитировалась, особливо Дюпэномъ въ процессѣ маршала Нея: да, ее слѣдовало бы написать золотыми буквами на стѣнахъ всѣхъ ассизныхъ судовъ.

Въ XVI стол. политика стала принимать характеръ политической древности. Рѣчи и волненія Лиги помогали понимать Цицерона. Если же мы перейдемъ въ вѣкъ Людовика XIV, то глазамъ нашимъ представится процвѣтаніе искуствъ и изящнаго, и жизнь политическая прекращается. Только и разговоровъ, что о королѣ, о королѣ-солнцѣ, который освѣщаетъ всю свою имперію; все остальное не болѣе какъ звѣзды, которыя исчезаютъ предъ блестящимъ свѣтиломъ. Людей энергическихъ, которые стояли бы за гуманность, протестовали бы противъ страданій несчастныхъ, подвергаемыхъ пыткѣ, — такихъ людей вовсе нѣтъ. Г-жа Севиньé подшучиваетъ надъ крестьянами, которыхъ вѣшаютъ, и не раздается ни одного сердитаго крика противъ этихъ варварствъ. Всѣ обожаютъ короля, всѣ заняты только этимъ. Но сдѣлаемъ однако почетное исключеніе въ пользу перваго президента Ламуаньона.

Въ бытность свою коммисаромъ по составленію уголовнаго устава 1670 года, онъ имѣлъ своимъ противникомъ Пюссора, дядю Кольбера, одного изъ тѣхъ людей, которые, если бы были государями, держали бы всегда народы въ состояніи вѣчнаго дѣтства и управляли бы ими при помощи террора.

Ламуаньонъ требовалъ не особенно значительныхъ гарантій; Пюссоръ препятствовалъ ему добиться ихъ. Ламуаньонъ требовалъ не гласности, а слѣдующихъ трехъ реформъ: первая состояла въ томъ, чтобы не заставляли подсудимаго клясться, потому что, говорилъ онъ, вы ставите человѣка между смертью и клятвопреступленіемъ; при этомъ онъ прибавлялъ: „вспомните, для того, чтобы матери могли сохранять за собою опеку своихъ дѣтей, ихъ заставляютъ клясться, что онѣ никогда не выйдутъ замужъ; но вѣдь вы знаете какъ многочисленны клятвопреступленія этого рода. Но какъ бы ни была велика склонность матери снова выйти замужъ, она никогда не можетъ равняться тому страстному стремленію избѣгнуть смерти, которое присуще подсудимому.“

Второе улучшеніе, котораго онъ требовалъ и въ чемъ ему также отказали, состояло въ томъ, чтобы свидѣтель имѣлъ право измѣнять свое первое показаніе, когда ему давали очную ставку съ подсудимымъ. Нынѣ какое-нибудь простое замѣчаніе подсудимаго можетъ уничтожить свидѣтельское показаніе; могутъ показать,

что видѣли тогда-то человѣка, въ такомъ-то часу и въ такомъ-то мѣстѣ, и потомъ сказать: нѣтъ, я ошибся, теперь я вспомнилъ, что это было наканунѣ, при такихъ-то обстоятельствахъ. При старомъ же судопроизводствѣ, свидѣтель, отрицавшій въ эту минуту свое первое показаніе, былъ преслѣдуемъ за лжесвидѣтельство; онъ былъ связанъ своимъ показаніемъ и, послѣ повѣрки свидѣтельскихъ показаній, свидѣтель не могъ уже болѣе отказываться отъ своихъ словъ. Ламуаньонъ требовалъ преобразованія судопроизводства въ этомъ отношеніи, потому что дѣйствуя такимъ образомъ, впадали въ возможность умерщвленія невиннаго.

Третьей реформой, требованной Ламуаньономъ, и въ которой ему также было отказано, было то, чтобы подсудимый могъ имѣть защитника. Ему возразили, что защитникъ есть соучастникъ. Но, говорилъ Ламуаньонъ, если адвокатъ оправдываетъ виновныхъ, то согласитесь также и съ тѣмъ, что многіе невинные умерли вслѣдствіе того, что не были защищаемы, и что во всякомъ случаѣ гораздо лучше оправдать виновнаго, чѣмъ погубить невиннаго; сверхъ того, защита есть естественное право.

Всѣ эти предложенія были отвергнуты и указъ 1670 года, не менѣе варварскій какъ и указъ 1539 года, состоялся. На первомъ мѣстѣ въ немъ красуется пытка, противъ которой протестовалъ единственный только человѣкъ. Этотъ человѣкъ, мало извѣстный, или

лучше сказать совершенно неизвѣстный, былъ совѣтникомъ бургундскаго парламента, Августинъ Никола. Исключая Фостэна Эли (Faustin Hélie), посвятившаго ему одну статью восемь лѣтъ тому назадъ, и меня, говорившаго о немъ въ 1842 году, въ моемъ сочиненіи «*Право*», сколько мнѣ извѣстно, никогда ничего не говорили объ этомъ человѣкѣ, слѣды котораго я нашелъ въ Menagiana. Тѣмъ не менѣе, если попадется когда нибудь у букиниста эта книжонка, я совѣтую купить ее. Это маленькое образцовое произведеніе ироніи и здраваго смысла. Въ немъ нѣтъ той глубины мысли, какъ напр. у Эйро, но за то много ума, тонкости, смѣлости. Напечатанное въ 1681 г. и посвященное королю, это сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „*Дѣйствительно ли пытка есть вѣрное средство открывать тайныя преступленія? Нравственное и юридическое разсужденіе, въ которомъ пространно разбираются злоупотребленія, совершаемыя при слѣдствіяхъ уголовныхъ процессовъ, и въ особенности при изслѣдованіи колдовства.*“

Когда Людовикъ XIV уничтожилъ процессы о волшебствѣ, вслѣдствіе чего исчезли и волшебники, Августинъ Никола воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы просить объ уничтоженіи пытки. Если, говоритъ онъ, вы принуждаете подсудимаго сознаться въ преступленіи, котораго онъ не совершилъ, то вы принуждаете его сказать ложь, и въ этомъ случаѣ виновнымъ

становитесь вы. Августинъ Никола пускаетъ въ ходъ аргументъ, который въ царствованіе Людовика XIV долженъ былъ имѣть дѣйствіе. Аргументъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: при Неронѣ обвиняли христіанъ въ томъ, что они сожгли Римъ, и нѣкоторые изъ нихъ, побѣжденные пыткой, сознались въ преступленіи, которое, какъ извѣстно, было совершено самимъ Нерономъ.

„Если эти первые христіане, говоритъ Никола, не могли устоять противъ мученій и обвиняли себя въ мнимомъ преступленіи, предпочитая этимъ мученіямъ смертную казнь, то можемъ ли мы ожидать, чтобы просто невинные могли ихъ выносить? Если скажутъ, что современная пытка легче той, которая была прежде, то это докажетъ лишь незнаніе употребленія ея въ настоящее время. Наши безсонныя ночи, застѣнки, наши дыбы тѣже, что были и у римлянъ. У насъ даже находятся еще болѣе жестокія орудія пытки, чѣмъ у нихъ, и *когда дѣло идетъ о мученіи, то въ немъ нѣтъ подраздѣленій.* Разъ вы его допустили, человѣческая жестокость не дѣлаетъ ужъ ему конца. Если пытки слишкомъ слабы, то онѣ перестаютъ быть мученіями и сильные люди потѣшаются надъ ними; если же онѣ слишкомъ жестоки, то невинный и сильный подавляются ими. Судьи, въ поспѣшномъ рвеніи своемъ найдти виновниковъ, усиливаютъ эти мученія и качествомъ, и продолжительностью, и повтореніемъ до того даже, что заставляютъ своего паціента говорить все, чего они ни

пожелаютъ. Они упускаютъ изъ виду истину, которая есть единственная цѣль ихъ изысканій, и не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ сознаніе изъ устъ паціента.“

„Марсиль хвастается тѣмъ, что онъ заставлялъ сознаваться самыхъ крѣпкихъ людей; но онъ не говоритъ того, что мы узнаемъ лишь нѣкогда и что многіе изъ судей узнаютъ слишкомъ поздно: сколькихъ мучениковъ онъ создалъ, думая встрѣтить преступниковъ.“

Немного далѣе, у него встрѣчается слѣдующее прекрасное мѣсто, гдѣ онъ становится выше своего времени: „Нужно ненавидѣть преступленіе, но не обвиняемаго, который можетъ и не быть виновнымъ, и даже тогда, когда онъ будетъ изобличенъ, нужно въ обхожденіи съ нимъ давать мѣсто не страсти, а справедливости.“

Я нашелъ въ той же эпохѣ еще одно маленькое замѣчаніе аббата Флери, оставившаго намъ сочиненіе по французскому праву. Наставникъ герцога бургундскаго, аббатъ Флери, много занимался древнимъ отечественнымъ правомъ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ судопроизводство:

„Преобразовать наше уголовное судопроизводство, значитъ освободить его отъ инквизиціоннаго начала. Оно болѣе стремится къ отысканію и наказанію виновныхъ, чѣмъ къ оправданію невинныхъ.“

Съ наступленіемъ XVIII стол. повѣяло новымъ на-

правленіемъ: появляется гуманность. Это не значитъ, что истинное милосердіе ожидало только XVIII стол., чтобъ имѣть возможность появиться на свѣтъ; тогда быть чувствительнымъ, человѣчнымъ стало всеобщей потребностью. То, что прежде было рѣдкою христіанской добродѣтелью, становится обыкновеннымъ и общимъ чувствомъ.

Монтескье первый имѣлъ честь и счастье внести свѣтъ въ эти мрачныя дебри. По всей вѣроятности 80-е письмо *«Персидскихъ Писемъ»* вдохновило Беккарію.

Въ этомъ письмѣ Монтескье возводитъ въ принципъ то положеніе, что жестокость наказаній безполезна, если не опасна: ибо, говоритъ онъ, смыслъ наказанія опредѣляется преимущественно его неизбѣжностью. Монтескье правъ въ этомъ отношеніи. Человѣкъ, который рискуетъ только пятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ за домашнее воровство, и если при этомъ онъ имѣетъ десять случаевъ противъ одного быть пойманнымъ, этотъ человѣкъ болѣе уважаетъ собственность своего хозяина, чѣмъ тотъ, который зная, что онъ можетъ быть присужденъ къ смертной казни, имѣетъ большую надежду не быть пойманнымъ. Другими словами, это значитъ, что совершить преступленіе или проступокъ скорѣе можетъ воспрепятствовать человѣку не тяжесть наказанія, но его неизбѣжность. И такъ, нужна хорошая полиція, а вовсе не жестокое законодательство. Жестокость наказаній приводитъ иногда къ про-

тивоположнымъ результатамъ, нежели какіе имѣются въ виду. Такъ, напр., у китайцевъ грабители на большихъ дорогахъ наказываются смертью, вслѣдствіе этого грабители на большой дорогѣ перестали существовать, вмѣсто нихъ существуютъ только убійцы; воры убиваютъ тѣхъ, которыхъ они грабятъ, потому что мертвые не могутъ разсказывать. Эта мысль Монтескье находится въ его *Духъ Законовъ;* въ томъ же сочиненіи онъ указываетъ и на развращеніе нравовъ, производимое самими законами. Этимъ онъ намекаетъ на тѣ ужасныя зрѣлища, которыя дѣлаютъ народъ жестокимъ, вовлекая его заблужденіе любопытствомъ. Лекарство невозможно, говоритъ онъ, потому что тутъ самъ законъ развращаетъ страну. И дѣйствительно, эти казни пріучили парижскій народъ къ виду крови, что̀ и было одной изъ причинъ ужасовъ революціи.

Въ ту минуту, когда все уже было готово для проявленія гуманности, появился Вольтеръ. Въ 1762 г. въ процессѣ Каласа (Calas), онъ становится истолкователемъ общественной совѣсти; съ 1762 до 1771 г., онъ является адвокатомъ всѣхъ жертвъ варварскаго законодательства. Въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, который къ несчастію нельзя рекомендовать для чтенія всѣмъ, потому что тамъ встрѣчаются такія мерзости, которыми онъ, сообразно съ господствовавшимъ вкусомъ, охотно приправляетъ лучшія свои произведенія, Вольтеръ съ ѣдкой правдивостью осудилъ нелѣпо-

сти уголовнаго правосудія Франціи. Этотъ діалогъ носитъ названіе *«Андрей Детушъ въ Сіамѣ»*; я отсылаю къ нему любознательныхъ, сожалѣя о невозможности дать въ руки всѣмъ это сочиненіе, внушенное благороднымъ чувствомъ. Вольтеръ держался того принципа, что нужно поражать скорѣе сильно, чѣмъ справедливо, но въ этомъ онъ ошибался: только справедливое можетъ произвести прочное впечатлѣніе. Пускай бы онъ преслѣдовалъ своими ругательствами судей, осудившихъ кавалера де-ла-Барръ, это еще можетъ быть допущено; можно раздѣлять его негодованіе, но досадно, что онъ примѣшиваетъ къ дѣлу грубыя подробности. Онъ болѣе гарантировалъ бы достовѣрность своихъ *діалоговъ*, еслибъ оказывалъ болѣе уваженія къ своимъ читателямъ; ибо, по моему мнѣнію, выставлять на показъ предметы, развращающіе сердце и умы, значитъ положительно неуважать публику.

Порицая цинизмъ Вольтера, я сдѣлаю ему и отраженіе, которое до нѣкоторой степени должно смягчить вину.

Весьма любопытное явленіе, что въ нашей прекрасной Франціи нельзя иначе имѣть вліяніе надъ нами, какъ путемъ насмѣшки. Если мы поищемъ, какіе изъ авторовъ наиболѣе шевелили французовъ и двигали ихъ впередъ, то мы увидимъ, что это дѣлали Рабелэ, Монтэнь, Паскаль своей жестокой ироніей, Мольеръ, Монтескье своими *Персидскими Письмами* и Вольтеръ, дѣйствовавшій всевозможными способами. Мы любимъ

быть въ модѣ, мы не хотимъ быть смѣшными, и когда Вольтеръ называетъ насъ дикими и показываетъ намъ, что гуронцы лучше насъ, то онъ пускаетъ въ ходъ лучшее средство, чтобъ его слушали; мало-по-малу всѣ собираются подъ его знамя. Вслѣдствіе этого я порицаю въ Вольтерѣ вовсе не его вынужденную иронію; быть можетъ и нужно было кусать такимъ образомъ нашихъ добрыхъ предковъ, чтобы заставить ихъ быть гуманными.

Какимъ же образомъ были приняты эти замѣчанія Вольтера? У насъ есть огромные томы in quarto, написанные тогдашними юристами, которые объявляютъ, что всѣ эти идеи былибъ опасны, еслибъ онѣ не были нелѣпы, но что, къ счастью, онѣ совершенно нелѣпы.

Я видѣлъ, что такъ всегда принимали новыя идеи. Когда заговорили объ уничтоженіи торговли неграми, „какъ можно думать, возразили на это, что хорошо и гуманно брать изъ Африки варваровъ-негровъ и перевозить ихъ въ Америку? Это величайшая нелѣпость. Торгъ неграми есть лучшее изъ миссіонерскихъ обществъ.“ Еслибъ я захотѣлъ, то могъ бы указать на множество идей, которыя нынѣ считаются нелѣпыми и даже опасными, а завтра будутъ истинами. Всякій разъ, когда кто-нибудь приноситъ новую идею, онъ безпокоитъ этимъ какой-нибудь предразсудокъ или злоупотребленіе. Злоупотребленіе—это собственность одного или нѣсколькихъ

личностей; предразсудокъ же—это изголовье, на которомъ спокойно спятъ всѣ; насъ трогаютъ немного за голову—это намъ непріятно, тогда-то и поднимается вопль противъ вновь приходящаго, и начнутъ говорить: это возмутитель, нужно отъ него избавиться. Но такъ какъ встаютъ новыя поколѣнія, и такъ какъ юношеству присуще увлекаться новыми идеями, то эти поколѣнія, возрастая, несутъ съ собой эти идеи и доставляютъ имъ торжество.

Спору нѣтъ, что очень досадно бываетъ намъ сходить со сцены и умирать, но очевидно намъ слѣдуетъ уходить, чтобы дать мѣсто тѣмъ, которые приносятъ съ собою нѣчто другое, отличное отъ того, что мы можемъ дать. Подождите двадцать лѣтъ и тогда окажется, что тѣ утописты, которыхъ считали опасными, были полезными новаторами. Опять бѣда, всѣ оспариваютъ первенство изобрѣтенія: скорѣе готовы забраться къ грекамъ, зайдутъ даже въ самыя древнія времена, чтобы доказать, что идея вовсе не нова, и тѣмъ лишить чести того, кто ее заслужилъ, ставши напередъ защитниками этой идеи. Съ тѣмъ поръ, какъ идея освобожденія невольниковъ восторжествовала, оказывается, что всѣ желали этого освобожденіи, и что необходимость этой великой мѣры не была никѣмъ оспариваема.

Если вы хотите сдѣлать себѣ карьеру, то воспользуйтесь превосходнымъ совѣтомъ, который намъ дали древніе: слушайтесь эха, кричите вмѣстѣ со всѣми.

Если же вы, напротивъ того, хотите служить вашей странѣ, то ищите истину, и когда найдете, смѣло защищайте ее; сначала вы будете одни, но потомъ васъ будетъ двое, послѣ четыре, десять, и когда-нибудь вашему голосу будетъ вторить уже весь міръ. Васъ болѣе не будетъ, но что за важность?

Богохульникъ, подобный Сократу, интриганъ, подобный Франклину, докучливый проситель, какъ Вильберфорсъ, ораторъ, подобный Кобдену, понятно, такіе люди невыносимы для современныхъ имъ великихъ государственныхъ мужей, иногда и для самого народа; но свѣтъ мало-по-малу проникаетъ, и новыя поколѣнія считаютъ дѣятелей тѣхъ уже за хорошихъ людей и чествуютъ, послѣ ихъ смерти, какъ истинныхъ друзей отечества и человѣчества.

III.

Приказы объ арестѣ.

Подъ словомъ *полиція*, я понимаю не то учрежденіе, которое охраняетъ наши домы и мѣшаетъ ворамъ ночью врываться въ нихъ, которое преслѣдуетъ и отдаетъ правосудію виновныхъ; такое учрежденіе полезно, даже въ свободныхъ государствахъ, и тамъ оно существуетъ, также какъ и въ другихъ; нѣтъ, подъ словомъ полиція я разумѣю дурно опредѣленную власть, которая въ административномъ порядкѣ, т. е. безъ всякаго суда, распоряжается свободою и собственностію гражданъ.

Во французской монархіи эта власть явилась вслѣдствіе смѣшенія административной и судебной властей, и была величайшимъ недостаткомъ древняго правленія, потому что истинное названіе этой власти — произволъ.

Греки, гордившіеся своей цивилизаціей и называвшіе другіе народы варварами, хотя были въ близкомъ сосѣдствѣ съ персами и египтянами, націями, далеко ушедшими въ искуствахъ, греки, говорю я, не приписывали свое преимущество передъ другими народами своему литературному генію, но характеру своего правительства. Они говорили: „варварами управляетъ человѣкъ, греками — законъ". И это различіе осталось существеннымъ различіемъ между странами свободными и несвободными. Въ древнемъ управленіи Франціи, на ряду и даже выше закона была власть человѣка; король, разсматриваемый какъ источникъ правосудія, исключительно имѣлъ привилегированную власть располагать свободой и собственностью гражданъ безъ суда, только по своему личному усмотрѣнію. Эту-то власть и называли отеческою властью короля. Произволъ этотъ встрѣчается во всѣхъ странахъ, гдѣ власти законодательная и исполнительная сосредоточены въ одномъ лицѣ. Мы ставимъ неизмѣннымъ правиломъ во главѣ всѣхъ нашихъ конституцій, что раздѣленіе властей есть первая гарантія свободы; это не слѣдуетъ понимать абсолютно, до того напр., чтобы палаты не вмѣшивались ни въ какія дѣла судебной и исполнительной властей; нѣтъ, мы сказали, что такое окончательное раздѣленіе часто ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. Но если власти исполнительная и законодательная въ тѣхъ же лицахъ соединены вмѣстѣ, то граждане лишены вся-

кой гарантіи, не только потому, что исполнительная власть можетъ издать такой законъ, какой она захочетъ, но потому еще, что она разсуждаетъ такимъ образомъ: такъ какъ я располагаю закономъ, то какая мнѣ надобность слѣдовать ему? Законъ — моя воля... Отсюда неизбѣжно доходятъ до произвола, и вотъ исторія тайныхъ приказовъ объ арестѣ.

Но что это за тайныя письма, въ силу которыхъ король располагалъ свободою гражданъ? Французскіе короли отдавали свои приказанія двоякимъ образомъ: чрезъ письма тайныя и явныя. Эти послѣднія были законодательные акты; они были обыкновенно запечатываемы большой государственною печатью рукою канцлера, который затѣмъ и препровождалъ ихъ въ парламентъ. Этотъ послѣдній имѣлъ право повѣрять ихъ и даже, при случаѣ, дѣлать въ нихъ поправки.

Тайныя повелѣнія объ арестованіи были письма глухія, содержащія приказанія короля, исполняемыя безъ разсужденій; это были административныя, письменныя приказанія, а не законодательные акты; они были подписываемы государственнымъ секретаремъ и не подлежали контролю парламента. Тайное повелѣніе объ арестованіи былъ приказъ административный, и король часто пользовался имъ какъ средствомъ заставлять исполнять законъ, а также и какъ средствомъ мстить частнымъ лицамъ.

Будемъ говорить только о тайныхъ повелѣніяхъ объ арестованіи, которыя располагали свободою граж-

данъ; мы даже оставимъ въ сторонѣ тѣ повелѣнія, которыми удалялся весь корпусъ (собраніе), которыми изгонялся напр. весь парламентъ; мы ограничимся тайными повелѣніями объ арестованіи, такъ сказать, частными, вслѣдствіе которыхъ лица посылаемы были въ ссылку или были заключаемы. Это изгнаніе было иногда простымъ удаленіемъ изъ Парижа: не допускали чтобы канцлеръ, будучи въ Парижѣ, не занимался бы своею должностью; въ случаѣ, если желали избавиться отъ него, или замѣнить его другимъ, то онъ былъ высылаемъ въ свое помѣстье. Д'Агессо часто былъ ссылаемъ въ свою прекрасную виллу; впрочемъ, онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ его присутствіе терпѣли, но онъ не хотѣлъ тамъ поселиться навсегда и его изгоняли. Однажды министръ де-Морепа, получаетъ, тайнымъ повелѣніемъ объ арестованіи, приказъ, изъ котораго онъ узнаетъ о своемъ изгнаніи. Онъ собирается уже выѣхать въ свое имѣніе, какъ является къ нему проситель: „Монсиньоръ, говоритъ онъ, вотъ... вы уже въ дорогу?“ (route). Вы хотите сказать въ бѣгство! (déroute), отвѣчалъ министръ-шутникъ, который разумѣется относился шутя къ изгнанію, не имѣвшему строгаго значенія. Когда де-Шуазель былъ изгнанъ въ Шантэлу, весь французскій дворъ и даже принцы крови сами пріѣзжали къ нему съ визитомъ; наконецъ, просто обратилось въ моду становиться въ оппозицію

противъ его величества. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ XVIII вѣка.

Но возвратимся къ тайнымъ приказамъ объ арестѣ, которые предписываютъ уже дѣйствительное изгнаніе, которые разоряютъ гражданина или заключаютъ его въ государственную тюрьму.

Если парламентъ находилъ случай протестовать противъ употребленія тайныхъ повелѣній объ арестѣ, то онъ это дѣлалъ. Мы видимъ этому примѣры даже во время правленія Людовика XIV, который однажды такъ отвѣчалъ на этотъ протестъ: „такъ было всегда." Тайныя повелѣнія объ арестованіи составляли аттрибутъ королевской власти, которою Людовикъ XIV пользовался не стѣсняясь. Къ концу его правленія кардиналъ Ноайль, парижскій архіепископъ, проситъ г-жу Ментэнонъ прекратить гнусныя злоупотребленія тайными повелѣніями объ арестованіи, отъ злоупотребленія которыхъ страдала самая религія.

„То, что вы мнѣ говорите о тайныхъ повелѣніяхъ объ арестованіи, не уменьшитъ число ихъ, отвѣчаетъ ему г-жа Ментэнонъ. *Убѣждены* въ томъ, что они весьма необходимы и что *имѣютъ право* ихъ давать. Вы представляете уважительныя причины, но гдѣ вѣроятность, что вы одержите верхъ надъ мнѣніями трехъ министровъ, въ особенности надъ тѣми, которые предшествовали имъ, а на нихъ указываютъ какъ на примѣръ; много значитъ и привычка править такимъ об-

разомъ.“ Все это справедливо; но согласитесь, что, судя по этому, нельзя сказать, чтобъ у нея былъ сильный характеръ. Г-жа Ментэнонъ, которую въ послѣднее время старались возвысить, имѣла всѣ качества религіозной женщины, все что нужно было для того, чтобы вести уединенную жизнь и быть полезной въ обыкновенномъ хозяйствѣ; но, будучи женою короля, а она была законною супругою Людовика XIV, слѣдовало бы, кажется, болѣе влiять на государственныя дѣла, гдѣ можно сдѣлать пользу нѣсколько позначительнѣе, чѣмъ простое вязанье чулокъ и плетеніе кружевъ для бѣдныхъ. Г-жа Ментэнонъ могла быть добродѣтелью, даже мудростью, но сама по себѣ она была ниже всякой посредственности.

Въ молодости своей Людовикъ XIV видѣлъ какъ не скупился кардиналъ Мазарини на тайныя повелѣнія объ арестованіи. Одной изъ жертвъ этой расточительности былъ Сент-Эвремонъ, человѣкъ достойный изученія, какъ по смѣлости своихъ идей, такъ и по великодушію своего характера. Онъ началъ отличаться еще въ первые годы XVII вѣка: храбрый офицеръ, всецѣло преданный королю, онъ никогда не былъ заподозриваемъ въ дурныхъ политическихъ мнѣніяхъ; но онъ имѣлъ свободный умъ: это былъ *безбожникъ*, какъ говорили въ то время,—*вольнодумецъ*, какъ говорили позже,—*свободно мыслящій*, какъ говорятъ теперь. На него донесли Мазарини, который и посадилъ его въ Басти-

лію. Когда онъ вышелъ изъ крѣпости, то пошелъ жаловаться тому же, кто его туда посадилъ. Мазарини, скажемъ отъ себя, одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ хотятъ возстановить уваженіе: теперь въ модѣ возстановлять уваженіе ко всѣмъ, дѣлавшимъ зло Франціи. Мазарини сказалъ Сент-Эвремону: *„я удостовѣрился въ вашей невинности, но министръ долженъ все слушать, а различить правду отъ лжи трудно.“* Нѣсколько времени спустя, Сент-Эвремонъ былъ предупрежденъ, что министръ былъ еще расположенъ слушать *все*, и, понятно, изъ предосторожности, онъ уѣхалъ въ Англію. Людовикъ XIV крайне огорчился, когда узналъ, что одинъ изъ его подданныхъ добровольно удалился въ Англію, чтобы тамъ думать и говорить свободно, и, хотя король уважалъ Сент-Эвремона, но тѣмъ не менѣе запретилъ ему въѣздъ во Францію и такимъ образомъ изгналъ его на 28 лѣтъ. Наконецъ въѣздъ въ отечество былъ ему позволенъ, но Сент-Эвремону было тогда уже 76 лѣтъ, онъ привыкъ къ свободѣ, отказался отъ предложенія и умеръ внѣ отечества, выказывая тѣмъ твердость характера, достойную высшей похвалы.

Во все время правленія Людовика XIV, тайные приказы объ арестѣ употреблялись въ дѣлахъ политическихъ, часто впрочемъ и въ такихъ случаяхъ, которые не имѣли никакого политическаго характера. Такъ, въ знаменитомъ процессѣ Вуазэна, маршалъ Люк-

сембурга былъ сильно скомпрометированъ: его обвиняли въ изобрѣтеніи порошка наслѣдства, съ помощью котораго нѣкоторыя семейства отравляли своихъ родныхъ и друзей. Кажется, что уваженіе къ справедливости требовало, чтобы маршалъ, обвиняемый въ такомъ дѣлѣ, предсталъ на судъ; напротивъ, король отсылаетъ его въ Бастилію и, когда маршалъ вышелъ оттуда, то хотя и не былъ осужденъ, однако запятнанъ.

Самое странное употребленіе тайныхъ повелѣній объ арестѣ дѣлали противъ протестантовъ. Мы знаемъ, что Людовикъ XIV отмѣнилъ Нантскій эдиктъ въ 1682 году. Его увѣрили, что послѣ гоненій на протестантовъ ихъ нѣтъ болѣе во Франціи, а вышло, что нѣкоторые мужественные люди, преданные своей вѣрѣ, остались; надо было отдаться справедливости и объявить королю, что протестанты еще существуютъ. Жестокихъ гоненій болѣе воздвигать не хотѣли и нашли околесный путь избавиться отъ этихъ тягостныхъ людей, путь, который оставляетъ тяжелыя воспоминанія. Онъ состоялъ въ томъ, что протестанта, по тайному приказу объ арестѣ, отсылали за сто миль отъ мѣста его жительства. А такъ какъ имъ почти не было возможности жить чѣмъ либо кромѣ торговли, потому что всѣ другія профессіи были имъ строго запрещены, то они принуждены были продавать свое состояніе и уѣзжать за границу. Быть протестантомъ считалось преступленіемъ, предусмотрѣннымъ

въ законѣ. Вотъ этотъ знаменитый указъ, и посмотримъ какъ выражался великій король.

Указъ вышелъ въ 1705 году.

„Мы запретили всѣмъ нашимъ подданнымъ, какого бы состоянія они ни были, удаляться изъ нашего королевства безъ нашего позволенія, съ цѣлью поселенія въ чужихъ краяхъ, подъ страхомъ отчужденія и конфискаціи ихъ имуществъ. Мы были извѣщены о нарушеніи означеннаго нашего запрещенія нѣкоторыми изъ нашихъ подданныхъ, даже тѣми, которыхъ мы почли нужнымъ удалить на время изъ мѣста ихъ постояннаго жительства *особыми приказаніями, въ силу извѣстныхъ намъ справедливыхъ и разумныхъ причинъ, и для блага нашего государства.* Эти подданные, забывъ не только ненарушимыя обязательства, налагаемыя на нихъ ихъ рожденіемъ, но и, кромѣ того, забывъ повиновеніе нашему приказанію, покидаютъ указанное имъ нашимъ приказомъ мѣсто и удаляются изъ королевства. И во избѣжаніе дѣйствія нашихъ законовъ и предписаній, а также тѣхъ наказаній, какія они должны были-бы претерпѣть за свое неповиновеніе и бѣгство, они, до отъѣзда, тайно продаютъ или вывозятъ свое имущество.“

„Въ силу сихъ причинъ и другихъ побуждающихъ насъ *разумныхъ* добрыхъ разсужденій, а также и нашего достовѣрнаго *знанія, полнаго могущества и королевской власти*, мы особенно запрещаемъ тѣмъ изъ

нашихъ подданныхъ, которые *сосланы* въ какое бы то ни было мѣсто нашего королевства, удаляться оттуда безъ нашего позволенія, подъ страхомъ вышеозначенныхъ наказаній, въ случаѣ неповиновенія ихъ.“

Законъ этотъ выказываетъ передъ нами короля — папу во всей его наивности. Людовикъ XIV и не вображаетъ, что можно оспаривать его всемогущество и несомнѣнное знаніе; у него есть разумныя причины заставлять умирать съ голода нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ? Парламентъ состоялъ изъ пламенныхъ католиковъ, которые не дѣлали ни малѣйшаго возраженія противъ этого указа, безъ всякаго затрудненія внесеннаго въ число законовъ. Какъ бы въ наказаніе за это, изданный указъ обратился противъ самого же парламента. Со дня его утвержденія, тайные приказы объ арестованіи, существовавшіе до того въ силу терпимости, — ибо существовало преданіе, что ихъ всегда можно оспаривать, — эти тайныя повелѣнія сдѣлались законными: парламентъ внесъ королевскій указъ въ свои списки. Немного позже, парламентъ уже раскаивался въ этомъ; онъ претендовалъ на то, что онъ вовсе не дѣлалъ поправокъ, потому что самъ король запретилъ ему это. И выходитъ, что нужно всегда протестовать противъ несправедливости: парламентъ не долженъ былъ дѣлать того, что ему не слѣдовало, и вотъ онъ первый сталъ жертвой своего бездѣйствія, и, по истинѣ, онъ того заслуживалъ.

Во время регентства, одно изъ первыхъ тайныхъ повелѣній объ арестѣ препроводило Вольтера въ Бастилію за стихотвореніе, начинавшееся слѣдующимъ образомъ:

Я видѣлъ это зло, а мнѣ еще нѣтъ и двадцати лѣтъ.

Вольтеру было тогда двадцать два года, но полиція думала, что онъ молодился, а такъ какъ онъ былъ очень уменъ, то его и заключили въ тюрьму, хотя онъ былъ совершенно невиненъ. Въ Бастиліи онъ писалъ свою *Генріаду* и посвятилъ слѣдующіе два стиха своему тогдашнему убѣжищу:

Въ этомъ ужасномъ замкѣ, дворцѣ мстительности,
Который часто вмѣщаетъ въ себѣ и преступленіе и невинность, и проч.

Онъ долго хранилъ злобу къ своимъ преслѣдователямъ, какъ можно судить изъ слѣдующихъ стиховъ, въ которыхъ онъ обращается къ начальнику полиціи Вуайе д'Аржансону:

О Маркъ Рене, котораго цензоръ Катонъ
Взялъ нѣкогда въ Римѣ преемникомъ, и проч.

Когда, наконецъ, Вольтера признали невиннымъ, регентъ призвалъ его къ себѣ; онъ не извинился передъ нимъ—сознаться въ своей ошибкѣ считалось неприличнымъ для администраціи,—но онъ далъ ему вознагражденіе. Вольтеръ отвѣчалъ: „я очень благодаренъ

Вашему Величеству за желаніе продолжать брать на себя попеченіе о моемъ пропитаніи, но прошу Васъ не заботиться болѣе о моей квартирѣ". Сказано довольно остро, но я желалъ бы лучше, чтобы Вольтеръ отказался ужъ и отъ вознагражденія. Получить вознагражденіе за то, чтобы забыть несправедливость! Это какъ-то шокируетъ наше понятіе. При Людовикѣ XV, кардиналъ Флёри, его большой и задушевный другъ, прикрывалъ молчаніемъ и мракомъ ночи всѣ правительственныя тайны; во время всевозможныхъ религіозныхъ распрей онъ заключалъ всѣхъ въ темницу или изгонялъ изъ отечества. Такъ, напр., онъ хвастался, что пуститъ въ годъ 40,000 тайныхъ повелѣній, заставитъ парижскаго священника переселиться въ Орлеанъ и каждаго размышлять въ уединеніи. Парламентъ жаловался на огромное количество изгнанниковъ, которыхъ онъ насчитывалъ до 80,000. Людовикъ XV слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ на эти жалобы; что въ силу государственныхъ соображеній, или причинъ, не подлежащихъ сужденію, король, *не нанося никакого ущерба законамъ*, можетъ употреблять присущую его особѣ власть административнымъ порядкомъ, отъ котораго никто въ его королевствѣ не можетъ считать себя исключеннымъ."

Я охотно вѣрю тому, что король имѣлъ власть распоряжаться въ административномъ порядкѣ свободою гражданъ, но говорить, что, поступая такимъ образомъ,

онъ нисколько не вредитъ законамъ, это для меня не совсѣмъ понятно. Какой же это законъ, если онъ не охраняетъ личности гражданина? Это ловкій обманъ.

Исторія всѣхъ узниковъ Бастиліи, въ теченіи 18-го стол., составила бы очень интересную книгу, въ которой фигурировали бы всѣ умные и знатные люди Франціи.

О Бастиліи обыкновенно говорили, что это тюрьма вельможъ и писателей. Въ ней были заключены Вольтеръ, Дидро, Мармонтель, д'Арно. Руссо ускользнулъ отъ нея бѣгствомъ, Рейналь поступилъ также.

Происшествіе съ Мармонтелемъ доказываетъ, что вельможи питали большую склонность къ писателямъ; они имѣли нѣкотораго рода уваженіе къ философамъ, даже и къ такимъ маленькимъ философамъ, какъ Мармонтель. Когда его заключили въ Бастилію, то позволили взять съ собой слугу, помѣстили его въ прекрасной комнатѣ и снабжали хорошимъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ супа, двухъ мясныхъ блюдъ и десерта изъ сыра и фруктовъ. Мармонтель хотя и былъ узникомъ, имѣлъ однако превосходный аппетитъ и сдѣлалъ честь обѣду; но едва лишь онъ его окончилъ, какъ принесли другой обѣдъ, еще лучшій, нежели первый. Государственный узникъ съѣлъ въ первый разъ обѣдъ своего слуги. Мармонтель пришелъ къ тому убѣжденію, что Бастилія — это сущее благодѣяніе для писателя, потому что онъ никогда не жилъ такъ хорошо въ своей скромной квартиркѣ. Но не со всѣми такъ обращались,

какъ съ авторомъ *Велисарія*, и примѣръ менѣе благосклоннаго обращенія мы видимъ на Мирабо.

Мирабо написалъ свой памфлетъ противъ Бастиліи не въ ней самой, а въ Венсенскомъ замкѣ, въ одной изъ башенокъ, гдѣ заключенные не сообщались другъ съ другомъ и гдѣ каждый жилъ въ уединеніи. На 26-мъ году онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ уже въ четвертый разъ. Извѣстно, что отецъ Мирабо, *другъ людей*, всю свою жизнь въ томъ и провелъ, что заключалъ въ тюрьму жену и своихъ дѣтей. Онъ получилъ на нихъ 59 тайныхъ повелѣній, изъ которыхъ 22 приходились на долю его старшаго сына.

Мирабо былъ въ полномъ смыслѣ слова узникъ, ему не позволяли даже писать, и свой памфлетъ онъ писалъ карандашомъ на первыхъ бѣлыхъ страницахъ книгъ, которыя ему позволяли читать; страницы эти онъ потомъ отрывалъ отъ книгъ. Это сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Тайныя повелѣнія и государственныя тюрьмы*», какъ и всѣ другія сочиненія Мирабо, очень сбивчиво и вовсе не такъ написано, чтобъ его можно было бояться. Въ немъ виденъ человѣкъ, случайно захватывающій кое-что изъ исторіи, изъ права, изъ политической экономіи, но не смотря на то, сквозь эту амальгаму проглядываетъ возмущеніе души могущественной. Его политическая философія, интересная для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ ключь къ пониманію его послѣдующей политической дѣятельности, уже

окончательно сформировалась въ то время: она сильна, справедлива и далеко опережаетъ современныя ему идеи и грезы Ж. Ж. Руссо, надѣлавшія Франціи столько зла.

Философію эту Мирабо почерпнулъ изъ твореній своего отца, Кенэ и Maximes du droit public français, книги, изданной парижскими адвокатами и содержащей въ себѣ весьма справедливыя замѣчанія о свободѣ, какъ ее понималъ парламентъ въ 1764 г.

Мирабо требуетъ свободы для каждаго: человѣкъ, говоритъ онъ, созданъ съ извѣстными потребностями, для удовлетворенія которыхъ у него имѣются только два средства: трудъ и свобода; въ этомъ состоитъ его право, а изъ его права вытекаетъ и его долгъ. Онъ не можетъ жить изолированно,—ассоціація составляетъ для него жизнь; чтобъ имѣть возможность сопротивляться всѣмъ тѣмъ силамъ, которыя угрожаютъ его печальному существованію, ему нужно соединиться съ другими людьми, и это соединеніе прибавляетъ къ его праву долгъ или обязанность.

Такимъ образомъ, люди созданы чтобы жить вмѣстѣ, сообща, и взаимно другъ друга уважать. Таковъ смыслъ ассоціаціи, которая вовсе не вытекаетъ изъ общественнаго договора, а есть результатъ стремленія къ удовлетворенію естественной потребности человѣка, потому что человѣкъ силенъ только численностью и счастливъ только въ мирѣ.

Цѣль общества, смыслъ его существованія заключается въ гарантіяхъ личности и собственности. Безопасность и справедливость — вотъ предметы заботливости всякаго правительства. Было бы весьма странно утверждать, что глава государства имѣетъ право разрушить общество, потому что его назначеніе состоитъ въ охраненіи правосудія и уваженіи къ праву каждаго. Никакое правительство, каково бы ни было его происхожденіе, не имѣетъ, слѣдовательно, права посягать на жизнь или свободу гражданина. Когда какой нибудь человѣкъ пользуется своей свободой для того, чтобы стѣснять свободу своего сосѣда, то справедливость требуетъ, чтобъ онъ былъ наказанъ; но когда правительство пользуется предоставленной ему властью съ цѣлью вредить членамъ, составляющимъ общество, то это ничто иное, какъ злоупотребленіе силы, преступленіе. *Марсъ — тиранъ, право же есть верховный властитель міра.*

Такимъ образомъ Мирабо видитъ въ юстиціи одно только уваженіе къ свободѣ, и изъ этого уваженія онъ выводитъ равенство. Если законъ внушаетъ равенство, то это именно для того, чтобы никто не могъ посягать на чужую свободу.

Вотъ чистые, совершенно опредѣленные принципы, которыхъ мы не опередили и въ наше время, или которые совершенно годны и для нашего времени.

Если же смыслъ общества заключается только въ

правосудіи, то чѣмъ можно оправдать тайныя повелѣнія? Заключать въ тюрьму гражданина, ради государственныхъ причинъ, не значитъ-ли это покушаться на общественную безопасность? Можетъ-ли быть что-либо ужаснѣе, какъ такой поступокъ: схватить невиннаго человѣка, оторвать его отъ жены, дѣтей и его собственныхъ дѣлъ и заключить его въ тюрьму? Если онъ виновенъ, судите его, выслушайте его. Можетъ случиться, что у него найдется достаточное оправданіе, что его защита можетъ привести къ признанію его невиннымъ. Но будь онъ даже несомнѣнно виновенъ и тогда никто не имѣетъ права произвольно заключить его въ тюрьму. Дѣйствуя такимъ образомъ, вредятъ обществу, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Мирабо,—„l'objet des lois pénales c'est la publicité.“ Не самая смерть убійцы или заточеніе вора составляютъ интересъ государства, а то, чтобы примѣръ этого наказанія предупредилъ устрашеніемъ появленіе воровъ и убійцъ. Нужно, говоритъ Цицеронъ, чтобы наказаніе препятствовало совершенію преступленія или проступка. Спорятъ напр. о принципѣ наказаній, но эти пренія ни къ чему не ведутъ, въ силу той простой причины, что уголовное право глубоко укоренилось на общественной почвѣ Франціи. Нѣтъ сомнѣнія, что законодатель, наказывая преступленіе, имѣетъ въ виду общественную безопасность, но гарантіей этой безопасности только и могутъ быть хорошіе законы, справедливо и гласно приводимые въ исполненіе.

Замѣчаніе Мирабо имѣетъ глубокій смыслъ. Дѣйствительно, когда человѣкъ виновенъ, не судить его — величайшее зло, и Мирабо, въ подтвержденіе своего мнѣнія, могъ бы привести порядочное количество юридическихъ фактовъ.

Сверхъ того, прибавляетъ онъ, деспотическое правительство всегда дѣлаетъ людей жестокими. Взгляните на римскую исторію: тріумвиры были люди жестокіе, а отчего? Оттого, что ихъ власть была абсолютна. Римскіе императоры разрушили и обезславили имперію, а вслѣдствіе какихъ причинъ? Потому что они были въ одно и тоже время и законодатели и судьи. Помните, только одно отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной можетъ воспрепятствовать правительству предаваться чувству своей личной мстительности. Кромѣ того, прибавляетъ онъ, проникая, такъ сказать, въ существо вещей, откуда исходятъ обвиненія, результатомъ которыхъ бываетъ заключеніе человѣка въ Бастилію или Венсенскій замокъ? Часто изъ самыхъ подозрительныхъ источниковъ. Одинъ человѣкъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, оставался заключеннымъ въ тюрьмѣ за то, что его заподозрили въ контрабандѣ табакомъ, а между тѣмъ онъ былъ невиненъ. Женъ заключали по одному доносу ихъ мужей, а сколько мужей было заключено по доносу ихъ женъ?

Часто мужей заставляютъ искупать вины ихъ женъ. Когда Людовикъ XIV пріискалъ себѣ вторую жену,

подъ офиціальнымъ названіемъ „королевской наложницы“, то де-Монтеспанъ, законный мужъ этой побочной королевы, былъ изгнанъ въ свои помѣстья тайнымъ повелѣніемъ и Людовикъ XIV писалъ Кольберу, чтобы не позволяли *этому дураку Монтеспану возвращаться въ Парижъ*, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, со скандаломъ потребовалъ бы обратно ту, которая обрекла себя ему передъ Богомъ. Чтó такое подобное изгнаніе, какъ не насиліе, преступленіе? Но Монтеспанъ благородно отмстилъ за себя. Когда его сослали, онъ окрасилъ свою карету черной краской и сталъ вмѣстѣ съ дѣтьми носить трауръ по измѣнившей женѣ и матери. Сравненіе Людовика XIV, съ его lettre de cachet, и Монтеспана, носящаго трауръ, ясно показываетъ, что величіе не на сторонѣ короля.

По поводу тайныхъ повелѣній, Мирабо разсказываетъ весьма странныя исторіи. Выходитъ молодая дѣвушка замужъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ живетъ себѣ спокойно со своимъ мужемъ: вдругъ, въ одинъ прекрасный день, ее хватаютъ и заключаютъ въ тюрьму, за что? Она не знаетъ. Ея семейство въ волненіи и, наконецъ, открываютъ ея преступленіе: она вышла за мужъ за монаха! Ея мужъ вышелъ изъ монастыря двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и она, въ простотѣ души своей, думала, что выходитъ за мужъ за свѣтскаго. Вотъ за что тогда заключали въ тюрьму! Одинъ человѣкъ просидѣлъ въ Бастиліи 27 лѣтъ

за преступленіе, которое состояло въ томъ, что онъ имѣлъ семейство, нашедшее средство завладѣть его богатствомъ. А какая была причина перваго заключенія самого Мирабо, помимо тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ онъ могъ самъ сознаться? Его отецъ приказалъ заключить его, потому что онъ взялъ на себя защиту своей матери противъ отца, по поводу одной наложницы послѣдняго. Какъ видите, Мирабо отецъ, *другъ людей*, былъ также другомъ дамъ; сверхъ того, тюрьма послужила ему средствомъ не давать отчета и распоряжаться всѣмъ имуществомъ сына. Вотъ человѣкъ, котораго выдавали за общественнаго врага, и за что-же? Чтобъ удовлетворить частному интересу и личной мести.

Читая эту книгу, ищешь чего нибудь личнаго, касающагося самого Мирабо; ожидаешь найдти въ ней какія нибудь жалобы, но напрасно! Мирабо говоритъ о самомъ себѣ только на одной страницѣ, а между тѣмъ его страданія были дѣйствительно велики, въ особенности тяжело было ему, какъ человѣку энергическому, оставаться въ заключеніи цѣлыхъ три года. Только на одной страницѣ и читаете его жалобу: и это не жалоба, это крикъ орла, ломающаго крылья о рѣшетку своей клѣтки:

„О, мои слѣпые соотечественники! повѣрьте, что ваше имя также легко можно вычеркнуть изъ списка гражданъ, какъ и мое. Поймите хорошенько эту ужасную истину. Но какому чувствительному человѣку бу-

детъ нужда входить въ самаго себя, для того чтобъ оледѣнѣть отъ ужаса, размышляя о произвольныхъ приказаніяхъ? Неужели подобный разбой не обратитъ на себя его вниманіе; случись онъ съ нимъ самимъ или съ кѣмъ либо изъ его родныхъ, или хотя бы съ однимъ изъ его согражданъ, заключенныхъ въ самыхъ мрачныхъ темницахъ, безъ всякой помощи ни со стороны закона, ни со стороны семейства, и которыхъ все преступленіе состоитъ въ томъ, что ихъ боялись или ненавидѣли, или же они были только докучливы?“

Страдать въ глубокомъ уединеніи, быть лишеннымъ всего, быть отъ всего оторваннымъ, что самъ любишь и что тебя любитъ, о, не болѣе-ли это, не безконечно-ли болѣе смерти? Лишить жизни человѣка, который не былъ законно присужденъ къ смерти, да этотъ актъ тираніи до того ненавистенъ, что тревожитъ цѣлый народъ; но нѣтъ, онъ мало причиняетъ зла и безъ того уже убитому: одно мгновеніе и — онъ свободенъ отъ всѣхъ сожалѣній, отъ всѣхъ желаній, отъ всѣхъ наказаній. Но и при подобной развязкѣ людей возмущаетъ только мысль о насиліи.“

„По какому-то странному предразсудку, беззаконное и неопредѣленное заключеніе въ тюрьму кажется менѣе варварскимъ поступкомъ. Но не гораздо-ли болѣе жестоко это наказаніе? Томленіе въ государственной тюрьмѣ, гдѣ отъ всего, что составляло нашу жизнь,

оставляютъ только одно дыханіе,—это казнь, несравнимая ни съ какой другой."

,,Дружба, любовь, эти благодѣтельницы рода человѣческаго, становятся палачами для узника; чѣмъ дума его вызвышеннѣе, чѣмъ сердце дѣятельнѣе и чѣмъ энергичнѣе его чувства, тѣмъ многочисленнѣе и острѣе его страданія. Эти драгоцѣнные дары природы обращаются въ его погибель; онъ живетъ только для страданій: никакого сообщенія ни съ кѣмъ, никакого общества и никакого облегченія его участи. Какое искаженіе существованія! Это тоже, что перестать жить, но и не пользоваться тѣмъ спокойствіемъ, которое доставляетъ смерть."

Когда Мальзербъ вошелъ въ силу, первой его заботой было посѣщеніе тюремъ; однако онъ не осмѣлился коснуться тайныхъ повелѣній. Людовикъ XVI былъ лучшій изъ людей, но онъ стремился сохранить нетронутыми права своихъ предковъ. Мальзербъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, регулировать тайныя повелѣнія; онъ составилъ проектъ учрежденія бюро для разбора требованій на тайныя повелѣнія. Сенакъ де Мейланъ, валансіенскій интендантъ, человѣкъ умный, оставившій намъ записки объ эпохѣ Людовика XVI, и который предполагался быть назначеннымъ въ главные контролеры, отправился къ Мальзербу и сказалъ ему: ,,тамъ есть ловушка для вашей добродѣтели? Какъ вы хотите регулировать произвольное? Теперь заключаютъ человѣка въ Басти-

лію; онъ отправляется туда и, по истеченіи нѣкоторало времени, выходитъ; вѣдь это отеческая исправительная мѣра, не касающаяся нисколько его чести. Но устройте бюро, составленное изъ людей добродѣтельныхъ, которые утверждали бы требованія на тайныя повелѣнія; тогда разрѣшенное ими тайное повелѣніе становится приговоромъ, и чѣмъ честнѣе будутъ члены бюро, тѣмъ болѣе постановленія ихъ будутъ имѣть характеръ судебнаго приговора. Вступитъ въ управленіе какой нибудь жестокій министръ, тогда ваше бюро послужитъ ему къ возстановленію инквизиціоннаго судопроизводства.“

Сенакъ былъ правъ. Да это чистѣйшее заблужденіе — думать, что можно регулировать произвольное; нужно стремиться къ тому, чтобъ уничтожить его, предоставляя господство закону. Между закономъ, который есть ничто иное, какъ правосудіе въ слѣдствіи, и отсутствіемъ справедливости, или произволомъ, нѣтъ соглашенія. Сущность произвола заключается въ несправедливости; если же хотите быть справедливыми, то есть законъ — его на все хватитъ.

Тайныя повелѣнія не были уничтожены въ царствованіе Людовика XVI, но ими пользовались почти только для того, чтобы заключать сыновей, по просьбамъ ихъ отцевъ, и женъ, по просьбамъ ихъ мужей; чаще же всего это было средствомъ избавить знатныхъ преступниковъ отъ стыда, публичнаго наказанія.

Де-Бретейль, бывши въ 1784 году главнымъ интендантомъ, и имѣвшій по этому случаю въ своемъ распоряженіи тайныя повелѣнія, такъ пишетъ провинціальнымъ интендантамъ:

„Когда вы будете дѣлать мнѣ представленія о высылкѣ приказаній вамъ объ арестѣ, о которыхъ ходатайствуютъ семейства, то обозначайте продолжительность времени заточенія. Я полагаю, что вообще немногія, за исключеніемъ какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ, должны превышать два или три года, и то развѣ по обвиненію мужчинъ въ низости или распутствѣ, а женщинъ въ распутствѣ или скандалѣ, и одного или двухъ лѣтъ, когда женщины обвиняются только въ слабости, а мужчины въ дурномъ поведеніи.“

„Нужно *съ величайшей осмотрительностью* принимать жалобы мужей на женъ, а женъ на мужей.“

Кто усомнится, что это писано не при добромъ королѣ Людовикѣ XVI, въ странѣ, которая имѣла законы и суды?

Мирабо разсказываетъ, что въ бытность свою въ тюрьмѣ, онъ нашелъ тамъ трехъ мужей, жены которыхъ получили lettres de cachet отъ *этихъ украшенныхъ орденами холоповъ*: такъ называетъ онъ вельможъ.

Много-ли было жертвъ тайныхъ повелѣній въ концѣ 18-го столѣтія? Мирабо самъ бывалъ въ башняхъ, и

въ шести фортахъ, которые онъ зналъ, потому что самъ жилъ въ нихъ, онъ насчиталъ до 300 узниковъ. Онъ предполагаетъ, впрочемъ, что столько же ихъ было и въ монастыряхъ, ибо туда чаще всего заключали женщинъ, тамъ онѣ могли принимать своихъ подругъ, а иногда имъ даже позволяли выходить. Вообще Мирабо полагаетъ, что посредствомъ тайныхъ повелѣній было заключено около тысячи человѣкъ.

Сенакъ, сочиненіе котораго имѣетъ цѣлью возстановленіе стараго порядка, утверждаетъ, что когда Мальзербъ посѣщалъ темницы, то освобождалъ не болѣе семи человѣкъ, и увѣряетъ притомъ, что въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ было не болѣе 300 государственныхъ узниковъ. Эти цифры Сенака весьма подозрительны; но тѣмъ не менѣе, я уже согласился съ тѣмъ, что число государственныхъ узниковъ никогда не было особенно значительно.

Говоря о прежнемъ правительствѣ Франціи, можно разбирать его съ точки зрѣнія права и съ точки зрѣнія факта. Съ точки зрѣнія права оно всегда и вездѣ произволъ, безъ всякихъ гарантій: король можетъ располагать свободой и собственностью гражданъ, онъ устанавливаетъ какой ему угодно налогъ, это самый абсолютный деспотизмъ. Совсѣмъ другое дѣло, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія факта. Французскіе короли вовсе не старались слыть за тирановъ, они назывались *отцами народа;* таковъ былъ характеръ коро-

левской власти и они гордились этимъ. Для жестокаго правленія нуженъ жестокій министръ, жестокій король, а это рѣдко случалось во французской исторіи. Нужно впрочемъ отдать справедливость королямъ въ томъ, что они допускали нѣкоторую свободу вокругъ себя; часто мы видимъ ихъ даже весьма либеральными, но все это ихъ личныя качества, все это ничто иное, какъ малая уступка, которую легко взять назадъ. Короли Франціи не злы, но—лучше оставимъ ихъ: иначе насъ могутъ изгнать или заточить въ тюрьму. Вѣдь свобода у нихъ не право, а милость.

Если мнѣ удалось хорошо объяснить, то читатель пойметъ какъ можно, въ одно и тоже время, и защищать старую монархію, говоря о ней съ точки зрѣнія факта, и осуждать какъ тиранію, говоря съ точки зрѣнія права. Истинное сужденіе должно быть строгимъ, и вотъ почему: слѣдуетъ оцѣнять законъ не тѣмъ, что онъ сдѣлалъ дурнаго или хорошаго, а тѣмъ, насколько онъ воспрепятствовалъ сдѣлаться хорошему или дурному. Я думаю, что если разобрать факты прежняго государственнаго устройства Франціи, то прійдется признать, что они принесли много зла, препятствуя многому хорошему: они уничтожили ту свободу, которой такъ гордились наши предки, говоря что слово franc значитъ *свободный*.

Законы Людовика XVI подорвали народный духъ; они ввели во Франціи лицемѣріе. Уже не высказываютъ

болѣе настоящихъ истинъ, не дѣйствуютъ съ увѣренностью человѣка, ничего не боящагося, кромѣ закона; стараются подладиться къ министру, чтобы наслаждаться побольше жизнью, и выходитъ, что этотъ произволъ деморализируетъ страну и лишаетъ ее энергіи.

И тогда, какъ Англія возрастала и возвеличивалась энергіей народной жизни, — Франція Людовика XV стушевалась-бы, еслибъ у нея не было поддерживавшей ее философіи. Вольтеръ и его друзья пріобрѣли огромную заслугу своими протестами противъ лживости и ложности установленій Франціи.

Вотъ зло, которое причиняла монархія: она сдѣлала души низкими, и этимъ очень хорошо объясняется какъ она воспитала народъ, который съ 1789 года, не привыкши жить гражданиномъ, пользуясь полной свободой для выхода изъ деспотизма, злоупотреблялъ этимъ деспотизмомъ. Онъ былъ похожъ на дѣтей, которыхъ пустили на свободу, не научивъ ихъ предварительно самостоятельной жизни.

Вотъ результатъ мною сказаннаго: правительственныя формы хороши или дурны, смотря по тому, доставляютъ ли онѣ господство истинѣ и справедливости, или же подавляютъ ихъ совершенно. Хорошіе законы суть тѣ, которые предоставляютъ полную свободу справедливости и истинѣ; дурные-же, напротивъ, тѣ, которые поощряютъ ложь, лицемѣріе и договоръ въ дѣлахъ совѣсти. Прогрессъ не есть что-либо роковое, это

шагъ впередъ по свѣтлому пути истины и справедливости.

Свѣту больше! вскричалъ умирающій Гете. И этотъ возгласъ Гете, работавшаго всю свою жизнь для просвѣщенія своей страны, для просвѣщенія души Германіи, этотъ возгласъ, если можно такъ выразиться, былъ возгласомъ всего человѣчества. Да, свѣту больше! для того, чтобы было больше братства и меньше эгоизма; да, больше свѣту! чтобы граждане лучше знали свои обязанности и лучше защищали свои права; больше свѣту! больше истины! больше справедливости!—это вопль цивилизаціи.

IV.

Полиція книгопечатанія.

То, что мы нынѣ называемъ свободой печати, извѣстно въ нашихъ старыхъ юридическихъ сочиненіяхъ подъ именемъ полиціи книгопечатанія.

Изобрѣтеніе книгопечатанія въ 1440 г. произвело въ мірѣ совершенный переворотъ. Ничего нѣтъ труднѣе какъ представлять себѣ вещи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали до нашего появленія на свѣтъ; наши дѣти напр. думаютъ, что міръ былъ созданъ вмѣстѣ съ желѣзными дорогами и электрическимъ телеграфомъ. Нужно особенное умственное усиліе, чтобы вообразить себѣ чѣмъ былъ міръ до появленія одного изъ этихъ изобрѣтеній, совершенно измѣняющихъ видъ общества. Но подобными представленіями можно даже придти къ очень интереснымъ политическимъ открытіямъ. Такъ, напримѣръ, паръ въ наше время дѣлаетъ

*

чудеса: всѣ народы находятся въ безпрерывномъ сообщеніи другъ съ другомъ посредствомъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; изобрѣтеніе, произведшее такія чудеса, есть чисто матеріальное, но всякое матеріальное изобрѣтеніе всегда производитъ извѣстное моральное или политическое дѣйствіе. Тотъ, кто первый придумалъ зарывать хлѣбныя зерна въ землю, потомъ собирать вновь выросшія зерна и сѣять ихъ на слѣдующій годъ, этотъ человѣкъ былъ, быть можетъ, отцомъ цивилизаціи, хотя онъ навѣрное не имѣлъ въ виду такихъ человѣколюбивыхъ цѣлей. Нынѣ желѣзныя дороги и электричество содѣйствуютъ соединенію народовъ, и соединеніемъ этимъ производятъ политическую революцію. Эта старинная непріязнь народовъ, выказывающаяся еще на границахъ въ требованіи паспортовъ,—все кажется, что иностранецъ будетъ извергать цѣлыя тучи злодѣйствъ,—эта непріязнь, говоримъ мы, значительно уменьшилась; но если позволяютъ людямъ свободно переходить черезъ границы, то съ большимъ основаніемъ слѣдуетъ дозволять это товарамъ. Теперь уже не то, что было двадцать три года тому назадъ, когда я путешествовалъ по Испаніи; при выѣздѣ изъ Ирена меня спрашивали, не увезъ ли я съ собою звонкую монету; боялись, чтобъ я не сдѣлалъ Испанію бѣднѣе. Я привозилъ серебро съ собой, но вывезъ его очень мало. Съ желѣзными дорогами не уживается такая политическая экономія, а вмѣ-

стѣ съ ней падетъ и вся таможенная система. Но на этомъ-ли только остановится прогрессъ, производимый желѣзными дорогами? Нѣтъ, онъ пойдетъ гораздо далѣе. По мѣрѣ того какъ народы будутъ смѣшиваться, у нихъ явится потребность въ общемъ для всѣхъ законодательствѣ: и теперь уже въ Германіи существуютъ общіе законы для векселей. Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ болѣе народы будутъ смѣшиваться; продуктомъ этого смѣшенія непремѣнно будетъ появленіе новаго международнаго права. Если англичане, нѣмцы и французы питали долгое время другъ къ другу національную вражду, то это объясняется тѣмъ, что народы эти вели между собой продолжительныя войны; но миръ есть вѣнецъ творенія желѣзныхъ дорогъ. Я не принадлежу къ числу членовъ конгреса всеобщаго мира и не думаю, что нѣкогда настанетъ день, когда миръ навсегда соединитъ всѣ народы; ибо, по моему мнѣнію, миръ уподобляется здоровью, а война—болѣзни; я думаю, что достигнуть всеобщаго полнаго и безпрерывнаго здоровья можно только тогда, когда никого изъ людей не будетъ на землѣ, а до того времени всегда будутъ существовать болѣзни. Но это нисколько не препятствуетъ успѣхамъ гигіены и тѣмъ завоеваніямъ, которыя дѣлаетъ общественное здоровье.

Изучая древность, мы встрѣчаемъ въ ней друзей мира, потому что во всѣ времена были люди, думавшіе, что война есть зло; такимъ образомъ греки пола-

гали, что сосѣдніе имъ народы могли сражаться ради греческаго благосостоянія, лишь бы у нихъ былъ миръ; тоже самое мнѣніе существовало и въ Римѣ: миръ въ городѣ, война извнѣ. Въ средніе вѣка почитаютъ счастьемъ существованіе мира въ городѣ (cité); при Людовикѣ XIV желаютъ, чтобы миръ царствовалъ во всей Франціи; что же касается до внѣшней войны, то ее допускаютъ. Нынѣ же имѣетъ мѣсто иное желаніе: желаютъ, чтобы миръ господствовалъ на всемъ материкѣ.

Но возвратимся къ книгопечатанію.

До изобрѣтенія Гутенберга, самое обыкновенное знаніе было исключительнымъ достояніемъ весьма ограниченнаго числа лицъ. Пергаментныя копіи были вещь очень дорогая и притомъ трудно читаемая, и если первый манускриптъ еще можно было свободно читать, то второй уже менѣе свободно. Даже въ наше время мы не всегда легко можемъ разбирать всякій почеркъ. Отсюда происходило то, что принимаясь за каждый новый манускриптъ, нужно было, такъ сказать, снова начинать учиться читать; въ настоящее же время гдѣ-бы ни напечатана была книга, во Франціи-ли, въ Англіи или въ Америкѣ, мы одинаково бѣгло ее читаемъ.

Но вотъ появляется человѣкъ, который изобрѣтаетъ книгопечатаніе. Я прошу у читателя позволенія нѣсколько объ этомъ распространиться и припомнить здѣсь кстати первое ремесло словолитчика.

Вырѣзывать буквы на деревѣ, сближать ихъ между собой и печатать такимъ образомъ цѣлыя слова — это искуство было давно извѣстно китайцамъ; но не въ этомъ состояло изобрѣтеніе книгопечатанія. Печатать вышеуказаннымъ способомъ значило всегда оставаться въ очень узкихъ предѣлахъ; только одни китайцы, благодаря своей малой азбукѣ, могли пользоваться такимъ элементарнымъ способомъ. Но когда человѣку пришла въ голову мысль сдѣлать форму для литья буквъ, то этимъ способомъ онъ производилъ милліоны разъ одну и туже букву, которая, соединяясь съ другими, составляла цѣлыя страницы; тогда то и было открыто книгопечатаніе, тогда и появились книги.

Книга въ сравненіи съ манускриптомъ тоже, что желѣзная дорога съ пѣшеходомъ; здоровый человѣкъ можетъ сдѣлать много-много 40 верстъ въ день, желѣзная дорога дѣлаетъ ихъ въ тотъ-же промежутокъ времени 800, и болѣе. Слѣдовательно паръ увеличиваетъ силу человѣка въ пропорціи 1 къ 20.

Какъ только книги стали распространяться по дешевой цѣнѣ, знаніе перестало быть привилегіей или тайной; всякій могъ научиться и политикѣ, и религіи; открылся новый міръ, извѣстный до того лишь немногимъ, — все это должно было произвести со временемъ величайшія политическія перемѣны. Книгопечатаніе должно было привести за собою и свободное правительство, немыслимое безъ книгопечатанія.

Древніе, наши учителя во всемъ, думали, что политическая свобода не можетъ простираться далѣе стѣнъ узкаго городскаго общества. Аристотель говоритъ, что городское общество не должно быть большимъ. Почему же? Потому что какъ свобода живетъ только проявленіемъ слова и общеніемъ мнѣній, то, говоритъ онъ наивно: если много гражданъ, въ agora соберется огромная толпа, а гдѣ найдти такого герольда или оратора съ голосомъ Ѳентора, котораго можно было бы слышать всѣмъ при такомъ множествѣ народа? Аристотель правъ. Agora дѣйствительно наполнялась бы огромной толпой народа, которая ничего не слыхала бы. Въ новѣйшія времена изобрѣли народное представительство, древніе же знали только одно непосредственное отправленіе верховной власти всей совокупностью народа. Правда, и въ древности были извѣстны нѣкоторые федеративные совѣты и даже нѣкоторыя провинціальныя собранія; сами церковные соборы суть не что иное какъ подражаніе этимъ собраніямъ. Но что значило это представительство безъ прессы? Нѣсколько человѣкъ совѣщаются между собой во имя интереса страны, и только; народное представительство состоитъ не въ этомъ. Его составляетъ постоянное сообщеніе между депутатами и народомъ, такимъ образомъ, чтобы депутаты были представителями общественнаго мнѣнія. Бываетъ, что случается иначе; но въ данное время, въ

странѣ имѣющей журналы, палата всегда кончаетъ тѣмъ, что становится выраженіемъ всей страны. . .

Англійскій парламентъ до начала XVI столѣтія состоялъ изъ членовъ, пренія которыхъ о дѣлахъ страны не были извѣстны народу, которые разсуждали для самихъ себя, въ своемъ собственнемъ интересѣ, и которые дѣлаютъ свои дѣла, а не дѣла страны. Такимъ образомъ этотъ парламентъ представляетъ въ сущности еще только зародышъ народнаго представительства. Если-же мы, напротивъ, путемъ печати дѣлаемъ гласными труды палатъ, тогда дѣйствительно устанавливается всемірное общеніе; такимъ образомъ, какъ видите, мы имѣемъ полное основаніе говорить, что новѣйшей свободой мы обязаны книгопечатанію.

Ж. Ж. Руссо заблуждался, говоря, что народъ, допустившій у себя представительство, отрицался отъ самого себя и переставалъ быть свободнымъ. Руссо вѣроятно разумѣлъ древнее общество, а не иное, въ которомъ наименьшій изъ гражданъ каждое утро контролируетъ правительство посредствомъ своего журнала.

Мы сейчасъ показали, что заключалось въ зародышѣ книгопечатанія; посмотримъ же теперь, какъ была принята обществомъ эта новая сила. Всякая реформа приноситъ съ собой въ нашъ міръ и выгоду и опасность. Ножемъ мы рѣжемъ говядину, чтобы питаться, но ножемъ-же иногда убиваютъ и своего сосѣда; ружьемъ защищаются отъ непріятеля, съ нимъ охотятся, бьютъ

дичь, но также и убиваютъ своего соперника. Нѣтъ силы, которая не была бы въ одно и тоже время и доброй и злой, это общее правило. Тоже было и съ книгопечатаніемъ.

Оно принесло съ собою свѣтъ просвѣщенія и этимъ самымъ поколебало тотъ міръ, который жилъ до того времени во мракѣ или, по крайней мѣрѣ, въ полусвѣтѣ. Первое употребленіе книгопечатанія заключалось въ приложеніи его къ изученію религіи, а изъ этого изученія неизбѣжно выходитъ ересь. Умъ человѣческій не можетъ заниматься какимъ-нибудь вопросомъ безъ того, чтобы нѣкоторые умы тотчасъ же не усвоили себѣ такихъ идей вопроса, которыя отличаются отъ идей остальнаго міра. Всѣ мы не можемъ одинаково думать, всѣ мы даже и видимъ не одинаково. Въ средніе вѣка, когда дѣло шло о религіозныхъ вопросахъ, имѣли дѣло только съ однимъ человѣкомъ, слова котораго не далеко разносились. Напримѣръ, Абеляръ, который преподавалъ парижскимъ студентамъ философію, былъ великій реформаторъ, ну, и что же? кончилось тѣмъ, что его заставили молчать и умирать со скуки въ монастырѣ. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія стало уже не то, и Лютеръ справедливо могъ сказать, что своимъ перомъ и чернилами онъ сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ какой нибудь императоръ священнымъ мечемъ. Гласность существуетъ, и этой гласности было достаточно, чтобы сообщить всѣмъ теологамъ мнѣнія Лютера; отсюда и вышелъ протестантизмъ, потому что, за-

мѣтьте, время происхожденія этой религіи совпадаетъ со временемъ изобрѣтенія книгопечатанія. Кстати, какъ мы далеки еще отъ той гласности, какая существуетъ, напр., у американцевъ: вѣдь тамъ она въ десятеро больше нашей. Но предположимъ, что завтра исчезнутъ всѣ книги, и — протестантизмъ не можетъ болѣе существовать. Если нужно было бы платить за каждую библію 200, 300 франковъ, тогда—прощай эта форма христіанства! И такъ, можно сказать утвердительно, что протестантизмъ есть религія, порожденная книгопечатаніемъ. Въ одномъ извѣстномъ стихѣ говорится же, что

Всякій протестантъ есть папа съ библіею въ рукахъ.

Да, протестанту непремѣнно нужно дать эту библію, ибо онъ самъ долженъ искать истину въ священной книгѣ, которую ему вручаютъ. Можно даже сказать, что въ этомъ отношеніи протестантизмъ былъ весьма обиленъ благодѣтельными послѣдствіями, потому что его первой заботой, вездѣ гдѣ только онъ проникаетъ къ нецивилизованнымъ еще народамъ, бываетъ составленіе азбуки, потомъ переводъ библіи, ея печатаніе и наконецъ учрежденіе школъ, въ которыхъ каждый могъ бы научиться читать божественную книгу.

Папы не могли равнодушно смотрѣть на эту новую силу. Единственные до того времени владыки человѣческой совѣсти, они тревожились этимъ новымъ

движеніемъ. Вслѣдствіе этого первая цензура вышла изъ Рима. Разумѣется, такому верховному властителю, какъ папа, должна была непремѣнно придти въ голову мысль, что онъ имѣетъ право препятствовать распространенію заблужденія и назначать цензоровъ, которые не допускали печатать что либо противное религіи. Эта цензура еще и теперь въ Римѣ, и если кому-либо прійдется видѣть въ Римѣ миѳологическій балетъ, тотъ непремѣнно прочтетъ на афишѣ примѣчаніе, въ которомъ авторъ балета заявляетъ свою полнѣйшую преданность христіянской вѣрѣ, что онъ употребляетъ языческихъ боговъ какъ баснословныя личности, и что онъ не вѣритъ тому, чтобъ Юпитеръ былъ богъ.

Папство, вскорѣ аттакованное посредствомъ книгопечатанія, не удовольствовалось однако установленіемъ у себя цензуры, оно стало отлучать во всей Европѣ людей, критиковавшихъ религію или церковь. Впрочемъ, это было уже не новое право, почему ни одинъ изъ государей и не оспаривалъ его. Въ теченіе долгаго времени, короли Франціи считали своею обязанностью оказывать помощь этимъ перунамъ церкви; позднѣе они отдѣлились, и тогда Сорбонна, представлявшая духовную цензуру, ограничивалась тѣмъ, что произносила отлученіе противъ нѣкоторыхъ *книгъ* и просила парламентъ объ ихъ уничтоженіи. Она же въ XVIII ст. осуждала и опасныя сочиненія, но особеннаго успѣха не имѣла. Такъ напр. романъ Мармонтеля, Велисарій,

благодаря цензурѣ Сорбонны, осудившей его за вопросъ о терпимости, продавался очень хорошо, а безъ этой цензуры онъ имѣлъ бы гораздо меньше успѣха.

Говорятъ, что революція вышла изъ реформаціи, я думаю, что это справедливо. Дѣйствительно, реформація начала разрушатъ тотъ строй правительства, который оставался въ средніе вѣка. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, политическая власть была устроена по образцу церковной, а такъ какъ римская церковь была абсолютной верховной властью, то королевская власть приняла тотъ же характеръ. Въ тоже время короли поняли, что ихъ могущество зависѣло отъ соединенія съ церковью, вслѣдствіе чего между монархіею и церковью установился самый тѣсный союзъ. Во Франціи существовала даже поговорка:

Mariage est de bon devis
De l'Église et des fleurs de lys;
Quand l'un de l'autre partira,
Chacun d'eux s'en ressentira.

Протестантизмъ измѣнилъ этотъ старинный духъ. Реформатъ, которому говорили: „возьми свою библію, тамъ ты найдешь истину,“ къ удивленію не находилъ въ Библіи особеннаго Божія благоволенія къ королевской власти. Напротивъ того, онъ находилъ тамъ одно мѣсто, въ которомъ Богъ сильно упрекаетъ израильтянъ: „у васъ будетъ царь, который изъ вашихъ сыновей сдѣлаетъ солдатъ, изъ вашихъ женъ своихъ на-

ложницъ и отнимаетъ для себя у васъ всѣхъ вашихъ скотовъ.“ Натурально, кальвинисты были республиканцами. Кальвинизмъ основалъ въ Швейцаріи образцовую республику, откуда вышла сначала англійская республика, а позднѣе республика Соединенныхъ Штатовъ. Во Франціи реформація особенно успѣшно распространялась между дворянами; но всѣ эти пртгестанты замышляли взять себѣ часть власти и составить аристократическую республику. Ихъ манифестъ былъ ничто иное, какъ латинская книга, написанная ученымъ юристомъ. Желающему познакомиться съ политическими идеями французской реформаціи, достаточно прочесть Готоманову Franco-Gallia.

Какъ только французскіе короли почувствовали какими опасностями угрожаетъ имъ книгопечатаніе, а эти короли были итальянизированные Валуа, такъ тотчасъ же и возненавидѣли изобрѣтеніе Гутенберга.

Францискъ I считается покровителемъ наукъ и искуствъ; правда, онъ покупалъ прекрасныя картины, но вѣдь это просто значитъ насмѣхаться надъ публикой, если говорить ей, что Францискъ I, вѣшавшій людей за то, что они только говорили, что этотъ Францискъ былъ покровителемъ наукъ. Въ 1639 г., Карлъ IX, достойный наслѣдникъ Валуа, издалъ слѣдующій указъ, ставшій основою французскаго законодательства о печати:

„Запрещается всѣмъ лицамъ, какого бы состоянія и званія они ни были, подъ страхомъ ареста и лише-

нія имущества, публиковать, печатать, заставлять печатать какія бы то ни было книги, письма, рѣчи и всякія другія сочиненія, въ прозѣ или въ стихахъ; распространять поносительные пасквили, прибивать объявленія или выставлять на показъ какое нибудь другое сочиненіе; *какого-бы то ни было содержанія*. Всѣмъ книгопродавдамъ запрещается что-либо печатать безъ разрѣшенія господина Руа (Roy), подъ *страхомъ наказанія повѣшеніемъ или удушеніемъ*. Этому же наказанію подвергать и тѣхъ, которые окажутся прибивавшими или распространявшими какіе бы то ни было объявленія или поносительные пасквили, и приказывается всѣмъ судьямъ, участковымъ квартальнымъ коммиссарамъ и другимъ подлежащимъ чиновникамъ слѣдить за исполненіемъ сего указа и означенныхъ въ немъ наказаній."

Этотъ указъ существовалъ до французской революціи. Его конечно не всегда прилагали, но разумѣется всегда имѣли право привести въ исполненіе. Не совсѣмъ-то весело было издателямъ книгъ думать, что они могутъ попасть въ Бастилію или на висѣлицу.

При Карлѣ IX существовалъ еще другой указъ, Мулэна (Moulins), который кажется болѣе логиченъ, потому что въ немъ говорится только о бичѣ и тѣлесныхъ наказаніяхъ; но онъ не исключалъ собой указа 1563 года. Авторъ, писавшій противъ короля, всегда подвергался смертной казни. Такъ, въ 1584 году, нѣ-

кто Бельвиль былъ повѣшенъ за книгу, написанную противъ короля; въ 1610 году три книгопродавца были повѣшены въ Парижѣ въ одинъ день.

Въ 1626 году, при Ришелье, тоже „покровителѣ наукъ и искуствъ“, былъ изданъ указъ, который формально возстановляетъ смертную казнь для всякаго, писавшаго безъ позволенія короля о вѣрѣ, нравахъ *и о чемъ бы то ни было другомъ.* Ришелье не хотѣлось, чтобъ его безпокоили. Указъ прибавляетъ, что король желаетъ покровительствовать наукамъ, и что вслѣдствіе этого будетъ довольно перепечатывать древнихъ авторовъ, (но ничего не прибавляя къ тексту), а равно и *и не осуждаемыя* старыя толкованія и комментаріи. Правительство боится, чтобы не открыли свободы въ какихъ нибудь потерянныхъ отрывкахъ Цицерона.

Въ такихъ-то идеяхъ воспитывался Людовикъ XIV; нечего поэтому удивляться, что въ его царствованіе, для тѣхъ авторовъ, которые порицали, — цѣпи или смертъ.

Но въ государствѣ есть одна сильная партія, которая не думаетъ подчиняться цензурѣ, потому что она привыкла сама подчинять ей другихъ, это епископатъ. Однако Людовикъ XIV, какъ и всѣ деспоты, былъ прежде всего поклонникъ однообразія, и потому въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ, что всякій, кто бы онъ ни былъ, долженъ просить разрѣшенія у канцлера, если желалъ напечатать какое нибудь сочиненіе. Въ 1702 г., когда Боссюэтъ печаталъ свое *Изслѣ-*

дованіе противъ Новаго Завѣта, соч. де-Треву, отъ него потребовали, чтобъ онъ рукопись свою передалъ въ цензуру. А между тѣмъ это былъ епископъ, защищавшій истинное ученіе и который никоимъ образомъ не могъ быть заподозрѣнъ въ политической враждѣ къ правительству. Вознегодовавшій Боссюэтъ протестуетъ: не соглашаюсь, говоритъ онъ, просить позволенія: *я не совершаю такого дѣла, которое бы подвергало церковь подъ иго;* тѣмъ не менѣе ему нужно было идти къ самому королю и получить, какъ милость, дозволеніе не подвергать эту книгу цензурѣ.

Въ сущности, Боссюэтъ, хотя и сопротивлялся цензурѣ, когда она касалась его лично, находилъ весьма естественнымъ подчинять ей другихъ. Вотъ одно небольшое мѣсто изъ его сочиненій. Рѣчь идетъ о Ричардѣ Симонѣ, который хотѣлъ издать свою *критическую исторію Ветхаго Завѣта*; Боссюэтъ приказалъ остановить изданіе и уничтожить сочиненіе. Вотъ его собственныя слова:

„Со мной случилось теперь почти тоже самое, что нѣкогда произошло со мной и съ покойнымъ канцлеромъ Телье, по поводу *критики Ветхаго Завѣта*. Это сочиненіе должно было выйдти чрезъ четыре дня со всѣми знаками одобренія со стороны офиціальной власти. Меня предувѣдомили о немъ чрезъ одного весьма образованнаго человѣка, который зналъ языки также хорошо, какъ и авторъ вышеупомянутаго сочиненія. Онъ

мнѣ прислалъ оглавленіе, а вслѣдъ затѣмъ и предисловіе, изъ которыхъ я увидалъ, что это сочиненіе есть не иное что, какъ *сводъ нечестія и оплотъ безбожія.* Обо всемъ этомъ я донесъ господину канцлеру, въ самый день великаго четверга. Этотъ министръ тотчасъ же послалъ приказаніе г-ну Рейни (Reynie) захватить всѣ экземпляры. Доктора пропустили все, и оправдались тѣмъ, что будтобъ авторъ не слѣдовалъ ихъ поправкамъ. Какъ бы тамъ ни было, но вся эта книга была полна пагубными для вѣры принципами и выводами. Пытались было поправить дѣло вставными листами (cartons), ибо всегда нужно прежде постараться дѣйствовать мягкими путями; но не было никакихъ средствъ спасти книгу, въ которой дурныя правила были разсѣяны повсюду; и послѣ тщательнаго разбора, который я дѣлалъ вмѣстѣ съ цензорами, г-нъ Рейни получилъ приказаніе сжечь всѣ экземпляры, въ числѣ 1200 или 1500 экземпляровъ, *не смотря на полученную хитростью привилегію и свидѣтельство докторовъ.*"

А Ричардъ Симонъ, ученый гебраистъ, истинный раввинъ, написалъ книгу, сдѣлавшуюся достояніемъ науки; путемъ критики онъ пришелъ къ сомнѣнію въ томъ, чтобы все Пятикнижіе принадлежало Моисею. Самъ Боссюэтъ былъ принужденъ согласиться, что повѣствованіе о смерти Моисея не могло быть написано Моисеемъ же и, слѣдовательно, что была по крайней

мѣрѣ хоть одна глава Пятикнижія, написанная рукой, не принадлежащей еврейскому законодателю. Если же разъ можно было коснуться критикой до какой нибудь книги, то не было основанія не подвергать ее разбору всю сполна; по мнѣнію же Боссюэта это была бы чудовищная смѣлость, почти что преступленіе.

По идеямъ Боссюэта можно судить каковы были идеи великаго короля.

Всѣ симпатіи Людовика XIV были на сторонѣ Востока. Султанъ, по его мнѣнію, былъ великій государь, потому что могъ приказывать удушать тѣхъ людей, которые ему не нравились. Людовикъ XIV подражалъ ему издали. Вспомнимъ редактора Gazette de Hollande, который, вопреки международному праву, былъ арестованъ въ Нидерландахъ и заключенъ въ тюрьму въ горѣ С. Мишель. Мы знаемъ, что этотъ несчастный былъ въ заключеніи слишкомъ долгое время и, только по милости интенданта Фуко, ему было дозволено жить узникомъ на горѣ С. Мишель и умереть тамъ спокойно.

Пусть теперь говорятъ намъ, что Людовикъ XIV былъ покровителемъ наукъ и искуствъ! Эта фраза шокируетъ меня. Тогда говорили, что музы суть такія женщины, которыхъ можно купить за деньги, и что достаточно дать мѣсто или пенсію первому попавшемуся образованному человѣку, чтобы сдѣлать изъ него геніальнаго человѣка; я думаю, напротивъ, что музы-

честныя женщины, которыя выходятъ замужъ за честныхъ людей и что онѣ никому не позволяютъ платить себѣ; онѣ требуютъ свободы и больше ничего.

Sint Maecenates, non deerunt, Flacce, Marones

есть ложь куртизана. Для музъ, какъ и для народовъ, самыя счастливыя времена суть тѣ, когда можно свободно думать и высказывать то, что думаешь.

При Людовикѣ XV мы находимъ то же направленіе. Одинъ указъ 1728 года присуждалъ „къ цѣпямъ или галерамъ, или же и къ высшему наказанію, не смягчая ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, типографщика, и къ изгнанію автора веселыхъ сочиненій, не облеченныхъ дозволеніемъ о диспутахъ, порожденныхъ, или имѣющихъ быть, вслѣдствіе разсматриванія религіозныхъ вопросовъ, и особенно всякихъ сочиненій, которыя будутъ противны булламъ, полученнымъ въ королевствѣ, уваженію, какое должно оказывать нашему святому отцу папѣ, епископамъ или королевской власти.“

Къ такимъ же наказаніямъ приговаривались за сочиненія, стремившіяся къ возмущенію государственнаго спокойствія и развращенію нравовъ.

Этой жестокости было однако недостаточно.

Въ 1757 году Даміенъ приблизился къ королю, оцарапалъ его перочиннымъ ножичкомъ и сказалъ, неизвѣстно почему: *теперь хорошенько позаботьтесь*

о дофинѣ. Даміена замучили съ ужаснѣйшимъ варварствомъ; послѣ чего парламентъ отправился къ королю и получилъ отъ него повелѣніе, возстановлявшее смертную казнь за проступки, которые были исчислены нами выше.

Это повелѣніе возмутило общественное мнѣніе, не устрашивъ, однако, никого. Жестокость наказанія препятствовала его приложенію. Не нужно думать, чтобы дѣйствительно повѣсили кого нибудь; въ то время не стремились быть жестокими, старались только распространить всеобщій ужасъ, чтобы заставить уважать церковь и короля. Отъ васъ не требовали великихъ добродѣтелей, добрыхъ нравовъ, нѣтъ! если вы занимались политикой или религіей, то считали полезнымъ повѣсить лишь надъ вами этотъ Дамокловъ мечъ въ видѣ смертной казни. Что мечъ не упадетъ—это всѣмъ извѣстно; тѣмъ не менѣе какъ-то скверно обѣдается, когда надъ головой виситъ мечъ, и немногіе люди устояли противъ такого испытанія. Что же приходилось дѣлать тогда, если бы кто былъ одержимъ бѣсомъ писанія? Въ наше время быть писателемъ считается почетнымъ и даже прибыльнымъ положеніемъ, ну, а въ то время нужно было избирать два пути: самый благопріятный — оставаться въ неизвѣстности; самый неблагопріятный — надѣть цѣпи, быть изгнаннымъ или повѣшаннымъ.

При такихъ ужасныхъ условіяхъ существовало толь-

ко два выхода: первый—не подписывать своимъ именемъ своего сочиненія; правда, что это былъ секретъ Полишинеля; второй—печатать свои сочиненія за-границей; такимъ образомъ были напечатаны: *Персидскія Письма*—въ Кельнѣ, *Духъ Законовъ*—въ Женевѣ и *Генріада* —въ Лондонѣ у одного книгопродавца, который такъ обозначаетъ свой адресъ: у Авраама Bold Truth или г-жи Смѣлой Истины. Я думаю, что это имя есть не болѣе, какъ эпиграмма.

Въ XVIII ст. всѣ книги печатаются въ Амстердамѣ, Женевѣ или Лондонѣ. Чтобы напечатать Вольтера, не вступая въ распри съ парламентомъ и Сорбонной, Бомарше основалъ свою типографію.

Въ XVII ст. тѣ авторы, которые были посмѣлѣе прочихъ, какъ Декартъ, Байль, жили за-границей; въ XVIII ст. авторы живутъ во Франціи, но типографіи все-таки за-границей. Пожалуй, это прогрессъ, но не великій.

Если писались книги самаго невиннаго содержанія, то ихъ все-таки могли подвергать цензурѣ, и вотъ какъ это происходило; канцлеръ имѣлъ подъ своимъ присмотромъ всѣ книжные магазины, вслѣдствіе чего ему нужно было отсылать полные манускрипты, не исключая и оглавленія, — боялись даже оглавленій! Скарронъ, говоря въ одномъ изъ своихъ сочиненій о собачкѣ своей сестры, поссорившись съ этой сестрой, поставилъ, въ оглавленіи, послѣ того какъ рукопись прошла уже

чрезъ цензуру, *моей дурной сестрѣ!* Подобныхъ-то измѣненій и боялись. Было запрещено измѣнять что-либо даже въ корректурныхъ листахъ, и чтобъ убѣдиться въ томъ, что это запрещеніе не нарушалось, требовали, чтобы въ цензуру присылалась и рукопись, такъ чтобъ и ее можно было сличить съ корректурными листами. Это выходитъ, какъ я называю, танцовать съ цѣпями на ногахъ.

Канцлеръ всегда имѣлъ свои капризы. Къ д'Агессо принесли однажды сочиненіе подъ заглавіемъ: *Принципы Ньютоновой философіи;* казалось бы, что подобная книга не должна быть запрещена цензурой, между тѣмъ канцлеръ, какъ приверженецъ Декартовой философіи, отказалъ ей въ привилегіи, хотя въ ней говорилось только о математикѣ и астрономіи. Аббатъ Прево (Prévost) принесъ ему свой романъ Клевеландъ (Cléveland); такъ какъ герой этого романа былъ протестантъ, то позволеніе было дано лишь съ условіемъ, чтобы въ развязкѣ Клевеландъ сдѣлался католикомъ. Эта нелѣпая система пораждала наконецъ глупость за глупостью. Такъ, напримѣръ, эта фраза: «*французскаго солдата ведутъ съ честью*» — считалось преступной; въ то время, изъ любви къ прусской дисциплинѣ, хотѣли не иначе вести французскаго солдата, какъ подъ ударами саблей плашмя; мало того, подобную фразу считали оскорбленіемъ военнаго министра. Въ 1784 г., *Меркурій*, журналъ, заплатившій огром-

ныя деньги за свою привилегію, позволилъ себѣ напечатать похвальное слово покойному графу Гиберту (Guibert); военный министръ, маршалъ Сегюръ, тотчасъ же донесъ начальнику полиціи на директора этого журнала Сюарда, а Сюардъ былъ премилѣйшій человѣкъ и болѣе всего желалъ оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ правительствомъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ вызванъ маршаломъ Сегюромъ, который сказалъ ему, чтобъ онъ не осмѣливался заниматься арміей и даже упоминать его имя, иначе у него будетъ отнята привилегія.

Дозволеніе цензора напечатать какую нибудь книгу не избавляло автора ея отъ опасности; онъ могъ еще бояться не понравиться министру, располагавшему тайными приказами объ арестѣ, или духовенству, или парламенту, который издалъ указъ, оставлявшій за нимъ производство процессовъ по дѣламъ печати. Такимъ образомъ парламентъ былъ властителемъ общественнаго мнѣнія, ибо тотъ, кто судитъ прессу, всегда господствуетъ надъ ней; и даже тогда, когда самъ король дозволялъ какую нибудь книгу, парламентъ могъ приказать взять подъ стражу автора.

Парламентъ безусловно преслѣдовалъ все то, что ему не нравилось. Мы имѣемъ извѣстный примѣръ этого преслѣдованія въ исторіи Дюпати (Dupaty), члена бордосскаго парламента, написавшаго записку о трехъ подсудимыхъ, приговоренныхъ къ колесованію,

которые, по его мнѣнію, были невинны; парламентъ вычеркнулъ изъ списка адвоката, подписавшаго эту записку, а самая записка сожжена.

Странное тогда было судопроизводство: нынѣ, когда существуютъ процессы по дѣламъ печати, полагаютъ, что подсудимый можетъ защищаться; тогда, напротивъ, не считали нужнымъ даже вызывать подсудимаго, когда генеральный адвокатъ составляетъ свой обвинительный актъ (requisitoire). Книгу присуждали къ сожженію не вызывая, даже не называя ея автора; но что всего страннѣе, такъ это то, что авторъ могъ находиться тутъ же въ парламентѣ, и что судьи, выходя оттуда, могли отправляться съ нимъ обѣдать. Эти обвинительные акты и приговоры не оставались отдѣльными документами; типографщики присоединяли ихъ къ осужденнымъ книгамъ, для того, чтобъ облегчить продажу изданія. Такимъ образомъ, приговоръ не уничтожалъ книгу; напротивъ, осужденная книга сохраняла приговоръ. Въ книгѣ Мирабо о „Lettres de cachet", мы найдемъ приговоръ объ ея уничтоженіи. А еще страннѣе было то, что на дворѣ парламента продавались брошюры вмѣстѣ съ приговоромъ объ ихъ уничтоженіи во время самаго исполненія приговора. Это случилось съ соч. Бонсерфа, Essai sur les droits féodaux. Лорагэ писалъ въ свою очередь парламенту: „Честь сожженнымъ книгамъ!"

Нѣкто написалъ памфлетъ противъ короля или

церкви, который, будучи уничтоженъ, принесъ ему 30,000 фр.; онъ написалъ министру, умоляя его приказать сжечь другой памфлетъ, который онъ пишетъ, говоря, что ему для того, чтобы жить, нужно 60,000 фр. и что послѣ этого онъ перестанетъ уже писать.

Замѣчательно, что тѣ люди, которые уничтожали книги, имѣли въ то же время сильное желаніе видѣть ихъ въ своей библіотекѣ. Врильеръ, о которомъ было недавно говорено, проситъ, чтобъ ему прислали записку, писанную въ защиту Каласа, потому что не можетъ найти пары экземпляровъ для себя и своихъ друзей.

Въ заключеніе нашего обзора этой странной эпохи, приведемъ знаменитый отрывокъ изъ монолога Фигаро: „Дозволено, говоритъ знаменитый лакей, говорить о всемъ, подъ условіемъ не говорить ни о государѣ, ни о его любовницахъ, ни о чемъ бы то ни было такомъ, что касалось бы кого-нибудь или чего-нибудь; однимъ словомъ, позволено говорить о всемъ, подъ условіемъ ничего не говорить.“ Каждая шутка Фигаро указывала на какой нибудь фактъ или какую нибудь личность. Писавши эту комедію, Бомарше не хотѣлъ представлять что-либо воображаемое, не существующее; онъ надѣялся, что публика узнаетъ какую-нибудь личность. Когда онъ говорилъ: только маленькіе люди вооружаются противъ маленькихъ сочиненій и проч., то ему тѣмъ болѣе аплодировали, что знали на кого намекалъ авторъ.

Въ эту эпоху только одинъ человѣкъ, хотя онъ и не извѣстенъ, какъ политическій дѣятель, смотрѣлъ правильно на вещи—это Мальзербъ. Въ 1760 г. онъ былъ назначенъ директоромъ по книжной торговлѣ и исполнялъ эту должность до 1768 года. Мальзербъ понималъ, что такой порядокъ вещей не могъ продолжаться, что нужно было установить свободу печати и уничтожить цензуру. Въ теченіе всей своей служебной дѣятельности, онъ былъ истиннымъ покровителемъ писателей XVIII столѣтія. Послѣ паденія монархіи его упрекали въ излишней слабости, но Мальзербъ, защищая свободу отъ 1750 до 1768 года, хотѣлъ спасти, преобразовавъ въ то же время, ту королевскую власть, которую онъ защищалъ цѣною своей жизни, тогда какъ менѣе либеральные люди скрывались въ своихъ зáмкахъ.

Когда Дидро́ пришелъ предупредить Мальзерба, что велѣно захватить 20 томовъ *Энциклопедіи*, то Мальзербъ сказалъ: „ихъ нужно спрятать. Но это трудно, вы имѣете тонкихъ ищеекъ! Ну, такъ пришлите ихъ ко мнѣ!“ Такимъ образомъ были спасены эти томы. Вольтеръ отдалъ Мальзербу должную справедливость, говоря, что во время его управленія Франція была на половину свободна. Ж. Ж. Руссо посвятилъ ему свои „*Мечты*“, и когда Мальзербъ оставилъ службу, то Руссо ему сказалъ: „*поздравляю васъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣю о писателяхъ.“

Мальзербъ быть истинный либералъ, а находились и такіе философы, какъ напр. д'Аламберъ, которые приходили къ нему просить, чтобъ онъ не дозволялъ тому или другому изъ ихъ противниковъ возражать имъ. Вотъ оно-то и есть самая вредная сторона злоупотребленія: когда оно существуетъ, каждый имъ хочетъ воспользоваться; впрочемъ, это старая исторія собаки, несущей обѣдъ своему господину. Мальзербъ сопротивлялся и философамъ, и ихъ заставлялъ согласовать свое поведеніе съ ихъ мнѣніями.

Таково было состояніе прессы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ; мы видимъ, что въ ней не было ничего блестящаго; между тѣмъ посреди этихъ-то испытаній пресса и возрасла, а въ этомъ и заключается лучшее доказательство того, что она въ самой себѣ имѣла и имѣетъ нѣчто значительное......

V.

Исторія парижской прессы.

Если не ошибаюсь, изъ древности перешелъ къ намъ разсказъ о честолюбивомъ портномъ, желавшемъ сшить платье для луны. Въ теченіи пятнадцати дней, бѣдняга каждый вечеръ принужденъ былъ дѣлать платье все шире и шире, и оно все-таки оказывалось слишкомъ узкимъ, а въ теченіи другихъ пятнадцати дней ему пришлось съуживать платье, которое каждый вечеръ оказывалось слишкомъ широкимъ. Съ отчаянія, онъ оставилъ луну такою, какъ сотворилъ ее Богъ, съ ея недостатками и красотою.

Не знаю, почему этотъ дерзкій разсказъ заставляетъ меня припомнить тѣхъ законодателей, которые, въ теченіи послѣдняго вѣка, хотѣли втискать прессу въ платье, сшитое по ихъ вкусу. Цензура, штрафы, тюрьма — ничего имъ не помогло, и, наконецъ, утом-

ленные борьбою, многіе изъ нихъ рѣшились оставить прессѣ свободу, которую она при рожденіи получила отъ матери своей — мысли. Вотъ къ чему пришли англичане, американцы, голландцы, швейцарцы, бельгійцы, люди тяжелые и въ добавокъ, германскаго племени; имъ всегда недоставало того воспитанія, основаннаго на боготвореніи римскихъ законовъ и администраціи, которая составляетъ политическое величіе и первенство латинскихъ племенъ.

Франція не дѣйствовала тоже по пословицѣ: „дать лычко, чтобы получить ремешекъ", и французы не были бы народомъ самымъ остроумнымъ на землѣ и образцовою націею, (какъ мы скромно выражаемся), еслибы довольствовались тѣмъ, что послѣдовали простому, тяжелому здравому смыслу своихъ сосѣдей. Съ 1789 года мы все пробуемъ сшить платье лунѣ; и если намъ это не удалось, то конечно уже не отъ недостатка портныхъ. Мы все перепробовали; мы мѣняли законы печати такъ же часто, какъ мѣняли моды; можно даже сказать, что мы истощили всю изобрѣтательность и начинаемъ уже отдыхать. Единственная вещь, которой мы не хотимъ, это — той нескромной наготы слова, которая называется свободой.

Во время нашего стараго монархическаго порядка, въ то счастливое время, когда король управлялъ и установлялъ вѣру, мысль, работу своей паствы, не было никакой надобности въ законѣ о прессѣ; печатались

лишь, тщательно просмотрѣнныя цензоромъ, толстыя книги, и то съ дозволенія короля и съ его привилегіею; что же касается смѣльчаковъ, позволявшихъ себѣ тайными писаніями возмущать общественную тишину и спокойствіе, то указъ 1728 года, (чтобы не сказать раньше), наказывалъ клейменіемъ, кандалами и ссылкою на галеры тѣхъ, кто будетъ печатать, писать или распространять сочиненія, *признанныя преступными.* Это было большимъ снисхожденіемъ къ писателямъ листковъ, людямъ, не заслуживающимъ никакой жалости. За то, въ припадкѣ монархическаго усердія, парижскій парламентъ, который въ это время подвергался сильнымъ нападкамъ, издалъ декларацію 1754 года, законъ простой, точный и ясный, присуждавшій къ повѣшенію всякаго, кто бы сочинилъ или напечаталъ сочиненіе, могущее затронуть религію, взволновать умы, задѣть королевскую власть и нарушить порядокъ и спокойствіе государства. Этотъ законъ не часто примѣнялся, и было достаточно Бастиліи, чтобы заставить молчать тѣхъ, которые говорили слишкомъ громко; но все-таки пріятно знать, что въ случаѣ нужды можно было такъ заставить молчать болтуновъ, чтобы навсегда отнять у нихъ охоту заговорить снова.

Революція опрокинула это величественное зданіе, въ которомъ Франція почивала неподвижно, долго и мирно. Первой заботой основателей республики было объявленіе принциповъ 1789 года, — роковое зерно,

которое ничто не можетъ заглушить и которое все выходитъ снова изъ земли, не смотря на бдительную заботливость истинно отеческаго правительства. Конституція 1791 года объявляла, что свободное общеніе мыслей и мнѣній составляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка; она обезпечивала каждому гражданину свободу говорить, писать и печатать безъ того, чтобъ эти сочиненія были подвергнуты, прежде обнародованія, какой-либо цензурѣ или какому-нибудь разсмотрѣнію.

Нѣтъ надобности говорить, что этой дикой свободой пользовались не долго. Въ знаменитой конституціи 1793 года, которая, однако, никогда не была приведена въ исполненіе, Конвентъ обезпечивалъ всѣмъ французамъ свободу печати, но это правило не болѣе какъ декорація, производящая лишь красивый эффектъ на фасадѣ конституціоннаго храма. Благоразумный декретъ 29 марта 1793 года измѣнилъ, однако, эту чрезмѣрную свободу маленькой статьей, которая должна была порадовать, въ ихъ могилахъ, авторовъ декларации 1757 года. Эта статья гласила слѣдующее: „Всякій, кто сочинитъ или напечатаетъ сочиненіе, вызывающее распущеніе народнаго представительства, возстановленіе королевской или всякой иной власти, пагубной для верховной власти народа, будетъ судимъ чрезвычайнымъ судомъ и казненъ смертью.“ Какъ эта статья выполнялась — извѣстно: Конвентъ былъ власть солидная и мало любилъ

болтовню извнѣ; онъ не возстановилъ Бастиліи, но просто отсылалъ журналистовъ на гильотину. Это былъ хорошій урокъ. Къ несчастію, онъ принесъ мало пользы народу, который лучше рискуетъ дать себѣ отрубить голову, и умираетъ, смѣясь надъ палачами, чѣмъ даетъ отрѣзать себѣ языкъ.

Директорія послѣдовала славному примѣру Конвента. 353 статья конституціи, III года, объявляетъ, что никому нельзя помѣшать или запретить говорить, писать, печатать и обнародовать свою мысль, но законъ 27 жерминаля, IV года, прибавилъ къ этому правилу слѣдующій маленькій комментарій:

„Казненъ будетъ смертію всякій, кто своими рѣчами и печатными сочиненіями, раздаваемыми или наклеенными для всеобщаго свѣдѣнія, будетъ вызывать распущеніе народнаго собранія или исполнительной директоріи.... или возстановленіе королевской власти, или конституціи 1793 года, или же конституціи 1791 года, или всякаго другаго правительства, кромѣ установленнаго конституціей III года, принятаго французскимъ народомъ. Впрочемъ, законъ милостивъ, и если писатель можетъ представить, или если онъ имѣетъ друзей, то дѣло ограничивается только ссылкой.“

Эту-то кротость и употребила въ дѣло Директорія послѣ 18 фруктидора: вмѣсто того, чтобы разстрѣливать журналистовъ, она отправила только сорокъ пять изъ нихъ для заселенія Синнамари, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

чтобъ избавить впечатлительный народъ отъ слишкомъ сильныхъ искушеній, она передала журналы въ руки полиціи, поручивъ ей разсматривать ихъ и, въ случаѣ надобности, ихъ прекращать. И это не все еще. Директорія, проникнутая принципами равенства предъ закономъ, наложила на журналы штемпельную пошлину, для того чтобы и мысль, подобно всякому другому товару, вносила свою долю расходовъ правительству, которое ей покровительствовало.

Но, вотъ, первый консулъ вступаетъ на славный путь монархіи Людовика XIV, и постановленіе 27 нивоза, VIII года, (17 января 1800), разомъ усмиряетъ прессу, и на долго. Ст. 1-я этого консульскаго постановленія гласитъ, что во все время войны министръ юстиціи дозволяетъ печатать и издавать въ Парижѣ, (въ другихъ мѣстахъ таковыхъ не было), только тринадцать *политическихъ журналовъ*, тщательно избранныхъ и указанныхъ. Впрочемъ, этимъ счастливцамъ опредѣляютъ вѣрный путь, на которомъ они не рискуютъ заблудиться. Въ 5-й ст. этого же самаго постановленія сказано: „Будутъ *прекращены немедленно* всѣ журналы, которые напечатаютъ какую-нибудь статью, противную *должному уваженію* къ соціальному союзу и верховной власти народа, или славѣ арміи, или обнародуютъ бранныя нападки противъ правительствъ дружественныхъ или союзныхъ съ республикою, *даже и въ томъ случаѣ, еслибы статьи были за-*

имствованы изъ иностранныхъ періодическихъ изданій“.

Благодаря такой охранительной рѣшеткѣ, воздвигнутой энергическою рукою, французскіе журналисты (я не говорю объ иностранныхъ) не были ни ссылаемы, ни разстрѣливаемы, и охранительный сенатъ, которому именно поручено было наблюдать за свободой печати, могъ сидѣть сложа руки и говорить такъ же много, какъ и журналы.

Бдительность героя на этомъ не остановилась. Наполеонъ презиралъ журналы, но боялся книгъ. Поэтому онъ возстановилъ цензуру, а книгопечатаніе и книжная торговля сдѣлались монополіями подъ такимъ же надзоромъ, какъ въ самые славные дни монархіи. Повелитель бралъ на себя думать, желать и дѣйствовать за всѣхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція и Европа занимались только имъ однимъ; онъ хотѣлъ говорить одинъ — вѣрный способъ быть всегда правымъ. Полиція заботилась о томъ, чтобы вокругъ великаго человѣка было молчаніе, а человѣческая мысль имѣла бы представительницей громъ пушекъ.

Когда императоръ палъ, то сенатъ, внезапно пробужденный, сталъ тотчасъ снова заявлять принципы 1789 года, и обвинялъ Наполеона въ томъ, что онъ задушилъ свободу печати. Почтенные сенаторы забывали о своемъ четырнадцатилѣтнемъ снѣ, и нація, все-

*

гда очарованная магическими словами: „принципы 1789 года“, снова увѣровала въ свободу.

Конституція носитъ на себѣ отпечатокъ этого общаго безумія. Въ статьѣ 8-й сказано, что „французы имѣютъ право обнародывать и печатать свои мысли, согласуясь съ законами, которые должны карать злоупотребленіе этой свободой“. Но мы знаемъ, чего стоятъ эти заявленія. Первый законъ, представленный Реставраціей, законъ 21 октября 1814 года, подвергаетъ брошюры цензурѣ, журналы — королевскому дозволенію и типографщиковъ взиманію патентовъ.

Въ 1815 году, императоръ искренно даруетъ свободу печати; онъ дѣйствительно начинаетъ вѣрить въ свободу, въ ту минуту, когда Франція уже перестала вѣровать въ него. Законы 1819 года, составленные неисправимыми людьми, которыхъ революція не вылечила отъ ихъ безумной страсти къ принципамъ 1789 года, законы 1819 года, говорю я, уничтожили всякія предварительныя мѣры, кромѣ залога, преданія суду присяжныхъ разбирательствъ преступленій и проступковъ по дѣламъ печати и, наконецъ, предоставленія обвиняемому во всякомъ случаѣ личной свободы, безъ поручительствъ.

Такія вольности не могли продолжаться долго. Герцогъ беррійскій былъ убитъ, и одинъ изъ краснорѣчивыхъ голосовъ, какіе всегда находятся въ подобныхъ случаяхъ, тотчасъ возгласилъ: *„кинжалъ, поразившій*

герцога, это — либеральная идея". На это нѣчего было отвѣчать; не тѣмъ ли же способомъ Равальякъ и Дамьенъ были подвинуты на цареубійство? И вотъ, съ 1820 по 1822 годъ, осторожные и мудрые законы возстановили предварительное разрѣшеніе и цензуру, въ тоже время уничтоживъ судъ присяжныхъ и дозволивъ исправительнымъ судамъ осуждать, временно прекращать или вовсе запрещать журналы *„за направленіе"*. Тутъ заботятся уже болѣе не о фактахъ, а о намѣреніяхъ. Покровительствовать друзьямъ, карать враговъ — такова была мысль министерства, составленнаго изъ глубокомысленныхъ политиковъ и истинныхъ государственныхъ людей.

Въ 1828 году Мартиньякъ хотѣлъ войти въ союзъ съ революціей; но роялистская партія бдительно слѣдила за этимъ, и приказы 1830 года отмѣнили свободу печати. Къ несчастію, для страны это было время заблужденій: королевская власть пала оттого, что простерла слишкомъ далеко мѣры предосторожности. Она нарушила хартію, для того чтобъ дать восторжествовать истиннымъ принципамъ и дать странѣ законы, основанные на справедливости и любви. Ей отвѣчали революціей.

Конституція 1830 года говоритъ, что цензура никогда не можетъ быть возстановлена: законъ 8 октября 1830 года возстановилъ законы 1819 года, и снова передалъ прессу суду присяжныхъ. Но не отмѣ-

нены были ни залогъ, ни штемпель. Такимъ образомъ, самые различные оттѣнки и самыя разрозненныя секты должны были вступить подъ небольшое число знаменъ, легко узнаваемыхъ. И вмѣсто смѣшанной толпы, одушевленной самыми разнообразными страстями и мыслями, получилась дисциплинованная армія, всегда готовая идти на осады. Нѣсколько ярыхъ поклонниковъ англійскихъ идей предложили было предоставить крики, брань и клеветы журналовъ общественному равнодушію и презрѣнію честныхъ людей. Они осмѣливались говорить, что въ странѣ, гдѣ печать больше всего занимается крикомъ, ее слушаютъ менѣе всего. Но правительство, лучше вдохновленное и вѣрное французскому долгу чести, приняло борьбу въ судѣ присяжныхъ. Прокуроры расточали чудеса краснорѣчія, адвокаты обвиняемыхъ никогда не были лучше вдохновляемы. Королевская власть, палаты, правительство — все было правильно обвиняемо и защищаемо, все обсуждалось, на все нападали, все превозносили. Каждыя двѣ недѣли увеличивалось количество штрафовъ и тюремныхъ заключеній, а для того, чтобъ измѣнить названіе проступковъ и усилить наказанія, сочинили сентябрьскіе законы; потомъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, правительство исчезло, унесенное возстаніемъ, и ясно было, что виною этому были журналы. Не очевидно ли, что въ странѣ, гдѣ всѣ молчатъ – всѣ благоденствуютъ?

Посмотрите на Испанію и скажите, не безопасно ли такое правительство отъ революцій?

Революція 1848 г. дала полный просторъ журналамъ. Страна была въ лихорадкѣ; въ обществѣ распространялись самыя странныя мысли; прессою пользуются и злоупотребляютъ ею.

Одинъ изъ моихъ старыхъ друзей, котораго я имѣю слабость слушать, говоритъ, „что въ это ужасное время пресса позволила всѣмъ узнать другъ друга и прійдти къ соглашенію, и что ей обязаны тѣмъ, что не повторились жестокія безумія 1793 года". Мой старый другъ отдалъ переплести журналы этой прискорбной эпохи, и поставилъ на нихъ слѣдующій эпиграфъ, заимствованный изъ Корнеля:

Прессѣ 1848 года.

Она сдѣлала слишкомъ много хорошаго, чтобы говорить о ней дурное,
Она сдѣлала слишкомъ много дурнаго, чтобы говорить о ней хорошее.

Онъ осмѣлился присовокупить, что страна начала свыкаться съ такимъ положеніемъ и что Франція привыкла бы къ свободнымъ журналамъ, какъ Митридатъ къ ядамъ; но что несомнѣнно, государственный переворотъ помѣшалъ Франціи принять дурныя привычки и тихонько привелъ ее обратно къ здоровымъ преданіямъ консульства.

Тогда-то сдѣланъ былъ опытъ, продолжающійся и понынѣ, и который есть, конечно, одно изъ самыхъ любопытныхъ изобрѣтеній послѣдняго столѣтія. Этотъ способъ такъ остроуменъ, что онъ тотчасъ же былъ принятъ четырьмя великими державами, идущими во главѣ цивилизаціи: Испаніей, Турціей, Австріей и..... сіей. Шить платье лунѣ было бы глупостью; но что можетъ быть проще, остроумнѣе и благоразумнѣе, какъ надѣть стекла на глаза каждаго любопытнаго и соразмѣрять ихъ діаметръ, цвѣтъ и приближеніе съ обстоятельствами даннаго часа и дня? Вотъ это-то и сдѣлалъ декретъ 1852 года, который управляетъ уже прессой 16 лѣтъ. Безъ лести можно сказать, что это есть художественное произведеніе политическаго законодательства или законодательной политики. Все было предвидѣно, разсчитано, соображено съ неподражаемой осторожностью. Мало сказать, что пресса была успокоена, она была въ тоже время преобразована. До тѣхъ поръ это былъ нестройный крикъ всѣхъ мнѣній и всѣхъ интересовъ; нынѣ, это инструментъ безукоризненный точности; стóитъ только придавить педаль, и тонъ понижается по желанію. Въ большинствѣ случаевъ правительство даетъ мотивъ и потомъ останавливаетъ варьяціи, какъ только онѣ ему не нравятся. Этотъ законъ, какъ справедливо замѣтилъ Персиньи, въ своемъ циркулярѣ 28 апрѣля 1853 года, есть *одна изъ величайшихъ услугъ*, оказанныхъ Франціи

правительствомъ. Теперь нечего бояться этого безответственнаго и невидимаго правительства, которое лицемѣрными совѣтами вводило въ заблужденіе мирныхъ гражданъ. Пресса сдѣлалась умницей и скромной; она не можетъ болѣе прививать странѣ духъ безпорядка, и однако нисколько не задѣваетъ свободы умовъ. Каждый имѣетъ право осуждать либерализмъ министровъ и радоваться непогрѣшимости администраціи.

Говоря, что каждый имѣетъ право радоваться, я захожу немножко далеко. Чтобъ издавать журналъ, разсуждающій о политическихъ или экономическихъ вопросахъ, нужно имѣть предварительное разрѣшеніе правительства. Въ отношеніи журналовъ, свобода значитъ привилегія. Весьма естественно, что правительство прибeрегаетъ привилегію для своихъ друзей и отказываетъ въ нихъ тѣмъ, кто не одинаковыхъ съ нимъ мнѣній. Коренное основаніе всякой здравой политики — управлять для себя, а не для другихъ. Если бы дозволено было говорить *старымъ партіямъ*, то къ какимъ бы пришли безпорядкамъ? Развѣ не видѣли, что какіе-то, будто бы либералы, требовали (въ брошюрахъ) печатно свободу общинъ и административную децентрализацію? Очевидно, это были легитимисты! Развѣ нѣтъ людей, которые въ книгахъ осмѣливаются сожалѣть о прежней парламентской системѣ и объ отвѣтственности министровъ — этихъ скверныхъ учрежденій, которыя, въ теченіе восемнадцати лѣтъ

принудили Францію къ унизительной обязанности самой заниматься своими дѣлами? Это орлеанисты! Развѣ нѣтъ католиковъ, которые, именемъ своей церкви, требуютъ свободы обученія, права ассосіаціи и сходокъ. Это іезуиты! Разрѣшите издавать журналы этимъ недовольнымъ честолюбцамъ, и какой будетъ шумъ, какое волненіе, какой скандалъ! Напротивъ, заставляя молчать старыя партіи, не дозволяя прикасаться безъ согласія правительства ни къ настоящему, ни къ прошедшему, ни къ будущему, поддерживается та общая гармонія, которая не нарушается никакой фальшивой нотой.

Есть люди брюзгливые и тяжелаго характера, которые смѣютъ говорить, что при подобной системѣ свобода печати — пустой звукъ. Они приводятъ принципы 1789 года, принципы признанные, принятые и обнародованные конституціей 1852 года, и спрашиваютъ: какимъ образомъ можно согласить монополію журналовъ со статьею „Декларація правъ человѣка и гражданина“, которую мы привели выше?

Въ числѣ этихъ такъ-называемыхъ политиковъ, которые сдѣлались бы первыми жертвами своей смѣлости, еслибы правительство не охраняло ихъ, есть даже люди, до такой степени проникнутые англійскими и американскими химерами, что они осмѣливаются говорить, — за одно съ Стюартомъ Миллемъ, однимъ изъ отчаяннѣйшихъ мечтателей и демагоговъ, — что свобода печати есть безусловное право, что этотъ вопросъ

имѣетъ соціальный интересъ, и что правительство, основанное на верховности народа, обязано уважать эту свободу, которая составляетъ непремѣнное условіе, основаніе и обезпеченіе всѣхъ остальныхъ. Подобныя мысли суть остатки того ложнаго либерализма, которымъ заразили Францію пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Лафайетъ, Бенжаменъ Констанъ и г-жа Сталь. Отвѣтъ на нихъ слишкомъ легокъ: Ройэ-Коларъ и его друзья уже отвѣчали на нихъ полвѣка назадъ. Они первые заявили и ввели въ наши законы новый принципъ, что между свободой мнѣній и журналами нѣтъ ничего общаго. Въ этомъ-то наслѣдіи сихъ просвѣщенныхъ друзей свободы правительство и нашло тѣ основательныя препоны, которыя не позволяютъ прессѣ заблуждаться, и эти твердыя основанія выражены весьма категорически въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 17 сентября 1859 года.

„Право излагать и распространять свои мнѣнія, принадлежащее всякому французу, есть одно изъ завоеваній 1789 года, которое не можетъ быть отнято у народа столь просвѣщеннаго, какъ французы; но это право не должно быть смѣшиваемо съ отправленіемъ свободы печати посредствомъ періодическихъ журналовъ.

Журналы суть собирательныя силы, организованныя въ государствѣ. При всѣхъ правительствахъ они были подчинены особымъ законамъ. Правительство имѣетъ, слѣдовательно, права̀ и обязанности исключительной

предосторожности и особаго надзора надъ журналами, и когда оно непосредственно, административнымъ порядкомъ, караетъ злоупотребленіе, то оно не нарушаетъ свободы печати, оно только примѣняетъ къ дѣлу одинъ изъ видовъ охраненія общественнаго порядка. "Что отвѣчать на это? Ясно, что такъ какъ журналы — силы коллективныя, то отдѣльная личность не можетъ имѣть права высказывать каждое утро свое мнѣніе публикѣ, и что если соберутся вмѣстѣ четыре человѣка, то правительство имѣетъ право принять ихъ подъ надзоръ; выраженіе „сила коллективная" пригодно для всего.

И такъ, предварительное разрѣшеніе — мѣра прекрасная: она не позволяетъ врагамъ проникнуть въ крѣпость; но если-бы кому нибудь изъ нихъ это удалось? Ну, въ такомъ случаѣ, правительство, имѣющее особыя права и обязанности предосторожности, не остается безъ оружія. Особый декретъ можетъ прекратить разрѣшенный журналъ. Для этого не нужно даже предварительнаго осужденія, это — военная мѣра, которая носитъ сама въ себѣ свое оправданіе. Могутъ сказать, что журналъ составляетъ иногда весьма цѣнную собственность, цифра которой можетъ быть оцѣнена милліонами, и что прекращеніе такого изданія есть конфискація; но это только пустой разговоръ. Какъ, въ дѣлѣ журналовъ, свобода значитъ привилегія, такъ собственность значитъ благосклонное дарованіе и грустное положеніе. Эти, такъ-называемые, соб-

ственники разорены — это правда, но вѣдь это ихъ же собственная вина: они должны были только не возбуждать неудовольствіе правительства.

Впрочемъ, между разрѣшеніемъ, при которомъ журналъ раждается, и запрещеніемъ, которое его хоронитъ, есть цѣлый рядъ охранительныхъ и попечительныхъ мѣръ, могущихъ дать журналу возможность существовать потихоньку, съ тѣмъ только, чтобъ онъ не выходилъ на открытый воздухъ. Правительство вовсе не деспотично, оно не боится преній, оно хочетъ только руководить ими, — вотъ и все.

„Правительство“, говоритъ циркуляръ 18 сентября 1859 года, „вовсе не требуетъ рабскаго одобренія своихъ дѣйствій; оно будетъ всегда допускать всѣ серьезныя опроверженія; оно не будетъ смѣшивать права контролировать съ систематическимъ противодѣйствіемъ и съ намѣреннымъ недоброжелательствомъ. Правительство очень довольно тѣми случаями, когда власть просвѣщается обсужденіемъ, но оно никогда не дозволитъ возмущать общество преступными страстями и враждебными возбужденіями“.

Невозможно выражаться съ большею мудростью и умѣренностью.

Знаю, будутъ говорить, что не законъ, а сама администрація рѣшаетъ вопросъ о томъ: систематично ли противодѣйствіе и злонамѣренно ли недоброжелательство. Прибавятъ даже, (вѣдь чего не придумаетъ люд-

ская хитрость), что правительство, будучи вмѣстѣ и обвинителемъ и судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, найдетъ, что страсть тѣмъ болѣе враждебна, чѣмъ справедливѣе упрекъ, сдѣланный министру. Но это — жалкій отвѣтъ. Вѣдь старое англійское правило говоритъ, что чѣмъ вѣрнѣе фактъ, тѣмъ виновнѣе публиковавшій его. Это правило, напрасно изгнанное англичанами изъ своего законодательства, мы пріютили въ нашъ административный кодексъ, и мы правы, потому что нѣтъ ничего болѣе удобнаго, чтобы заставить молчать нескромныхъ критиковъ, которымъ никто ничего не поручалъ и которые вмѣшиваются въ общественные дѣла, какъ будто не очевидно, что дѣла страны касаются только правительства.

Разсмотримъ теперь поближе журнальное дѣло, и посмотримъ, какъ дѣйствуетъ эта удивительная система особаго надзора. Мы найдемъ, на всѣхъ степеняхъ этого дѣла, отвѣтственность тѣмъ болѣе дѣйствительную, что она неизвѣстна и неограничена. Прежде чѣмъ написать слова, надо, чтобы каждый себя ощупалъ и спросилъ: не совершаетъ ли онъ какого-нибудь преступленія противъ закона, который не существуетъ.

Когда редакторъ какой-нибудь статьи самъ себя процензоровалъ, для того чтобъ избѣжать невидимаго подводнаго камня, то главный редакторъ рысьимъ взглядомъ разсматриваетъ эти коварныя строки, которыя, нехотя, могутъ задѣть кого-нибудь или что-нибудь.

Часто даже эта статья, дважды уже обдуманная, разсмотрѣнная и измѣренная, поступаетъ еще къ третьему цензору — владѣльцу журнала; наконецъ, журналъ появляется — хрупкій листокъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. За симъ, наступаетъ очередь администраціи, и подъ этимъ словомъ я понимаю всѣ власти: министровъ, префектовъ и пр. Если критикъ нечаянно сколько нибудь коснулся одного изъ тысячи представителей Бога-государства, то *сообщеніе* возстановляетъ тотчасъ легкія ошибки или невольные недосмотры журнала. Въ *сообщеніи* администрація является добрѣйшимъ созданіемъ, угождающимъ всѣмъ. Она охотно вступаетъ въ пренія, толкуетъ пространно и украшаетъ своею прозой первыя страницы журнала. Она даже иногда терпитъ противорѣчія, и довольствуется только тѣмъ, что отвѣчаетъ съ тѣмъ превосходствомъ, которое имѣетъ власть, всегда правая. До сихъ поръ еще нѣтъ опасности, но когда много странствовалъ по морямъ, то всегда боишься, чтобы не поднялся вѣтеръ. Кто знаетъ, онъ можетъ внезапно налетѣть, и, можетъ быть, буря близка?

Иногда администрація прилагала еще болѣе отеческія попеченія: она предвидѣла пренія, прежде чѣмъ они начинались. Въ этихъ случаяхъ она командируетъ господина въ черномъ платьѣ, который, какъ искусный кормчій, является предупредить, что есть подводные камни, о которые маленькимъ судамъ легко разбиться. Это

принимаютъ къ свѣдѣнію, убираютъ паруса и ложатся въ дрейфъ, въ ожиданіи лучшихъ дней.

Часто также внезапно налетаетъ *предостереженіе*. А что такое предостереженіе? Это, какъ указываетъ самое названіе, совѣтъ осторожности и благоразумія. Надъ головою журналиста слегка покачиваютъ этотъ Дамокловъ мечъ, который виситъ на одной ниточкѣ. Это — memento quia pulvis es, которое всякій добрый христіанинъ долженъ повторять утромъ и вечеромъ. Послѣ перваго предостереженія журналистъ готовится къ смерти и приводитъ свои дѣла въ порядокъ; при второмъ — онъ умеръ, если власти, по своему великодушію, не угодно будетъ продолжить жизнь виновнаго, давъ ему слегка почувствовать, что она разсчитываетъ на его раскаяніе. Наконецъ, если грѣшникъ закоренѣлый, но отеческая администрація не отчаявается въ его обращеніи, то остается еще временное пріостановленіе изданія, которое отрывая журналиста отъ опьяняющихъ его обольщеній, даетъ ему нѣсколько мѣсяцевъ вакансій и позволяетъ ему отправиться въ деревню или на на дачу, и размышлять тамъ о суетѣ дѣлъ земныхъ.

Таковы послѣдовательныя мѣры, которыя оберегаютъ журналъ противъ увлеченій страсти и защищаютъ журналиста противъ его собственныхъ заблужденій.

А правосудіе? спросятъ насъ. А правосудіе, существующее для всѣхъ гражданъ, правосудіе, охраняющее наши личности, нашу собственность, нашъ трудъ, наши

права, нашу честь, развѣ оно не существуетъ болѣе для французовъ, какъ только они становятся журналистами?

Это возраженіе, которое случается иногда слышать, происходитъ отъ весьма дурнаго направленія ума. И для журналовъ, и для журналистовъ есть правосудіе. Не говоря уже о тайнѣ самой процедуры, (потому что судопроизводство, о которомъ журналы не могутъ говорить, публично только въ теоріи), исправительные суды, замѣняющіе судъ присяжныхъ, имѣютъ также право пріостановить или вовсе запретить журналы за проступки или нарушенія. Впрочемъ, это не помѣха административной власти. Quod abundat non vitiat. Правосудіе и администрація — двѣ конкурирующія власти, которыя обѣ имѣютъ право жизни и смерти надъ періодическою печатью. Что ускользнетъ отъ одной, будетъ замѣчено другою. Петли этой двойной сѣти достаточно узки, чтобы ни одинъ виновный, какъ бы онъ малъ ни былъ, не могъ избѣгнуть строгости законовъ или людей: и, вотъ, такимъ-то образомъ, ставъ выше преданій и предразсудковъ ложнаго либерализма, создали законы, въ одно и тоже время и предупредительные и карательные, и что̀ новѣе, то и удовлетворяетъ одновременно и администрацію и правосудіе — по-истинѣ великое открытіе, не замѣченное узкими умами тѣхъ, кто составлялъ „принципы 1789 года“.

Я не говорилъ ни о залогѣ, ни о штемпелѣ. Ка-

кая надобность отдавать на оцѣнку такія мѣры, которыя освящены временемъ? Говорить своимъ согражданамъ, защищать ихъ право, не спросивъ на это ихъ согласія, заботиться о внѣшней и внутренней французской политикѣ, возставать противъ разорительной экспедиціи, бороться противъ разрушительнаго налога, требовать свободы труда, разоблачать монополіи — это очевидно подозрительный промыселъ, которому нужно противодѣйствовать всѣми законными способами. А что въ этомъ случаѣ вѣрнѣе можетъ достигать цѣли, какъ не налогъ, который заставляетъ журналъ затратить огромный капиталъ, прежде чѣмъ расходы начнутъ окупаться?

Разумность этихъ мѣръ столь очевидна, что ихъ примѣнили и къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не составляютъ коллективной силы, позволяютъ себѣ взывать къ принципамъ 1789 года, когда они хотятъ говорить своимъ согражданамъ о политикѣ или политической экономіи. Тоже самое основное постановленіе 1852 года налагаетъ штемпельныя пошлины на политическія и экономическія брошюры, объемомъ менѣе десяти печатныхъ листовъ. Это одно изъ воспоминаній о Реставраціи, оживленное для того, чтобъ еще разъ доказать, что добрыя преданія никогда не утрачиваются во Франціи, и что если административная власть многому научилась, то и ничего не забыла.

И такъ, если побуждаемые честолюбивымъ зудомъ, вы хотите сдѣлать воззваніе къ вашимъ согражданамъ, хотите указать имъ на злоупотребленіе, когда легко и благоразумно воспользоваться имъ, — начните съ уплаты казнѣ довольно круглой суммы, и потомъ, съ этимъ свинцомъ, привязаннымъ къ вашимъ крыльямъ, летите, если можете. Если вы не довольно богаты, чтобы затратить маленькій капиталъ, слишкомъ тягостный для вашихъ финансовъ, то напишите толстую книгу, которая вамъ будетъ стоить не дешевле и которую никто не станетъ читать. Въ этомъ отношеніи вы совершенно свободны, но при томъ только условіи, если вы найдете типографщика, который не устрашится вашихъ смѣлыхъ мыслей и согласится рискнуть своимъ патентомъ, т. е. своимъ состояніемъ и своимъ хлѣбомъ, чтобъ издать въ свѣтъ химеры неизвѣстнаго современника.

Вотъ въ сжатомъ видѣ картина политической печати во Франціи. Могутъ ли сказать, что это не свобода? На это я отвѣчу словами ученаго законовѣда— достойнаго наслѣдника тѣхъ искусныхъ совѣтниковъ и ревностныхъ дѣятелей, которые со временъ Филиппа Красиваго до Людовика XVI, всегда защищали принципъ власти, — настоящіе ораторы административной и централизованной Франціи: „Развѣ это не свободная страна, въ которой можно сочинять книги по всѣмъ предметамъ религіи и философіи, политики и нравствен-

ности, не представляя сочиненіе въ цензуру? Развѣ та страна не свободна, въ которой журналы имѣютъ право говорить, когда имъ слѣдовало бы молчать, и молчать, когда они должны были бы говорить?“ Тутъ въ самомъ дѣлѣ свобода, граничащая съ вольностью, которую можно бы, кажется, поудержать.

Если я хорошо начертилъ карту того лабиринта, въ который заключена пресса, на каждомъ шагу имѣющая шансъ возвратиться къ минотаврамъ, то я думаю, что читатель будетъ не менѣе восхищенъ ловкостью журналиста, чѣмъ искуствомъ административной власти. Дичь достойна охотника; охотникъ достоинъ дичи. Выпускать каждое утро номеръ газеты, не задѣвая административную власть или законъ, и не опрокидываясь при этомъ — это штука болѣе смѣлая и трудная, чѣмъ плясать съ завязанными глазами между двѣнадцати яицъ, не разбивая ихъ. Чтобы съ ловкостью выполнять такое дѣло, надо имѣть неистощимыя средства и обладать изумительною веселостью и живостью французскаго ума.

Такова удивительная система, созданная декретомъ 1852 года, и однако, кто бы могъ этому повѣрить, хотятъ отказаться отъ нея? Эта удивительная машина отправится, говорятъ, на конституціонный чердакъ, въ компанію къ старымъ орудіямъ имперіи и реставраціи. Хотятъ возвратиться къ закону 1822 года, нѣкоторые говорятъ даже къ закону 1819 года: отмѣнятъ

предварительное разрѣшеніе, уменьшатъ штемпельную пошлину. Страну приглашаютъ говорить, а зачѣмъ? Развѣ есть люди, находящіе неудобнымъ то спокойствіе, въ которомъ мы живемъ? Я совѣтовался съ моимъ старымъ, вѣчно недовольнымъ другомъ, и вотъ его отвѣтъ. Нѣтъ надобности говорить, что я не принимаю на себя отвѣтственность за него.

„Декретъ 1852 года“, пишетъ онъ мнѣ, „не удался; давно пора это замѣтить. Общественное мнѣніе истощено, безъ пользы для кого бы то ни было. Я, конечно, вижу, что когда правительство приняло какое-нибудь рѣшеніе по серьезному вопросу, то молчаніе водворяется въ печати точно по волшебству. Но я не вижу, чтобъ общественное мнѣніе было также послушно, какъ пресса, и оттого, что оно не гласно, неудовольствіе могло бы быть только болѣе опаснымъ. Для правительства всегда рисковано идти на-угадъ, не зная, на что оно опирается. Я замѣчаю также, что многіе, которымъ опротивѣла безцвѣтность журналовъ, относятся съ полнымъ пренебреженіемъ къ политикѣ; но кто выигрываетъ отъ этого презрѣнія? Страна? Справедливо ли, что чувство патріотизма никогда не было болѣе щекотливо и горячо? Можетъ быть нравственность выигрываетъ отъ этого хладнокровія, или промышленность, или литература? Правда ли, что Франція никогда такъ мало не занималась лошадьми, игрой, публичными женщинами? Правда ли, что дѣла никогда

не были положительнѣе и спекуляція честнѣе? Правда ли, что никогда не занимались искуствами и литературой съ бо̀льшимъ благородствомъ и величіемъ? Сомнѣваюсь въ этомъ, потому что мнѣ трудно понять, какъ слабость страны можетъ составлять силу правительства.

Было время, когда весь символъ вѣры всякаго добраго француза заключался въ шести словахъ: одна вѣра, одинъ законъ, одинъ король. Въ это славное время, которое длилось не менѣе трехъ вѣковъ, великіе политики убивали, изгоняли, грабили, душили всѣхъ, кто не былъ одинаковыхъ съ ними мнѣній въ религіи. Католики во Франціи изгоняли и убивали протестантовъ; но и англичане не отставали, и преисправно отправляли на тотъ свѣтъ католиковъ Ирландіи и Англіи. Это была бойня, составлявшая отраду государственныхъ людей. Нельзя было платить дороже за единство мнѣній. [illegible]

Мечтатели, которыхъ вѣшали, сумасшедшіе, которыхъ изгоняли, квакеры, которымъ отрѣзывали уши, осмѣливались говорить, что еслибы всѣ мнѣнія могли быть высказываемы, то водворился бы всеобщій миръ. Голландцы первые, за ними американцы, наконецъ англичане и даже французы, утомленные борьбою, приняли идеи этихъ безумцевъ. Нынѣ, когда всякій можетъ нападать [illegible] . . . .
не опасаясь ни администраціи, ни суда, нынѣ болѣе

религіи, болѣе христіанскаго духа, болѣе братства чѣмъ въ великія протекшія вѣка. Миръ пришелъ къ намъ вмѣстѣ со свободой, и съ того дня, какъ всякій могъ безнаказанно быть еретикомъ, ересь не возмутила ничьего спокойствія. Это опроверженіе мудрости нашихъ отцовъ и самый безпощаднѣйшій фактъ.

Нынѣ люди, имѣющіе смѣлость смотрѣть прямо на вещи и быть правыми до конца, понимаютъ и говорятъ, что въ политикѣ также мало ереси, какъ и въ религіи, что свобода мнѣній есть право гражданина и не опасна ни для кого; что можно наказывать оскорбленіе, но что умнѣе его презирать, и что въ общемъ результатѣ полная свобода печати отнимаетъ у журналовъ ихъ тайную прелесть и дѣлаетъ изъ нихъ не хозяевъ, а служителей общественнаго мнѣнія.

Отмѣните предварительное разрѣшеніе, залогъ и штемпель, дайте свободу говорить не только каждой партіи и каждой церкви, но и каждой маленькой сектѣ и каждому отдѣльному человѣку, предоставьте работнику, землепашцу, промышленнику защищать свои мнѣнія, и голосъ прессы сдѣлается тогда уже не голосомъ заговорныхъ партій, а дѣйствительнымъ голосомъ страны. Печать не будетъ уже больше опасностью, она будетъ самымъ вѣрнымъ совѣтникомъ, самымъ свѣтлымъ маякомъ“.

На всѣ эти прекрасные доводы я могъ бы сдѣлать сто отвѣтовъ, одинъ дѣльнѣе другаго, но къ че-

му ихъ высказывать. Мы скоро услышимъ ораторовъ, которые представятъ ихъ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ я, и мы опять начнемъ шить платье для луны. А послѣ столькихъ удачныхъ опытовъ, кто-же можетъ сомнѣваться въ успѣхѣ?

СОДЕРЖАНІЕ.

Публичныя чтенія

ЭД. ЛАБУЛЭ,

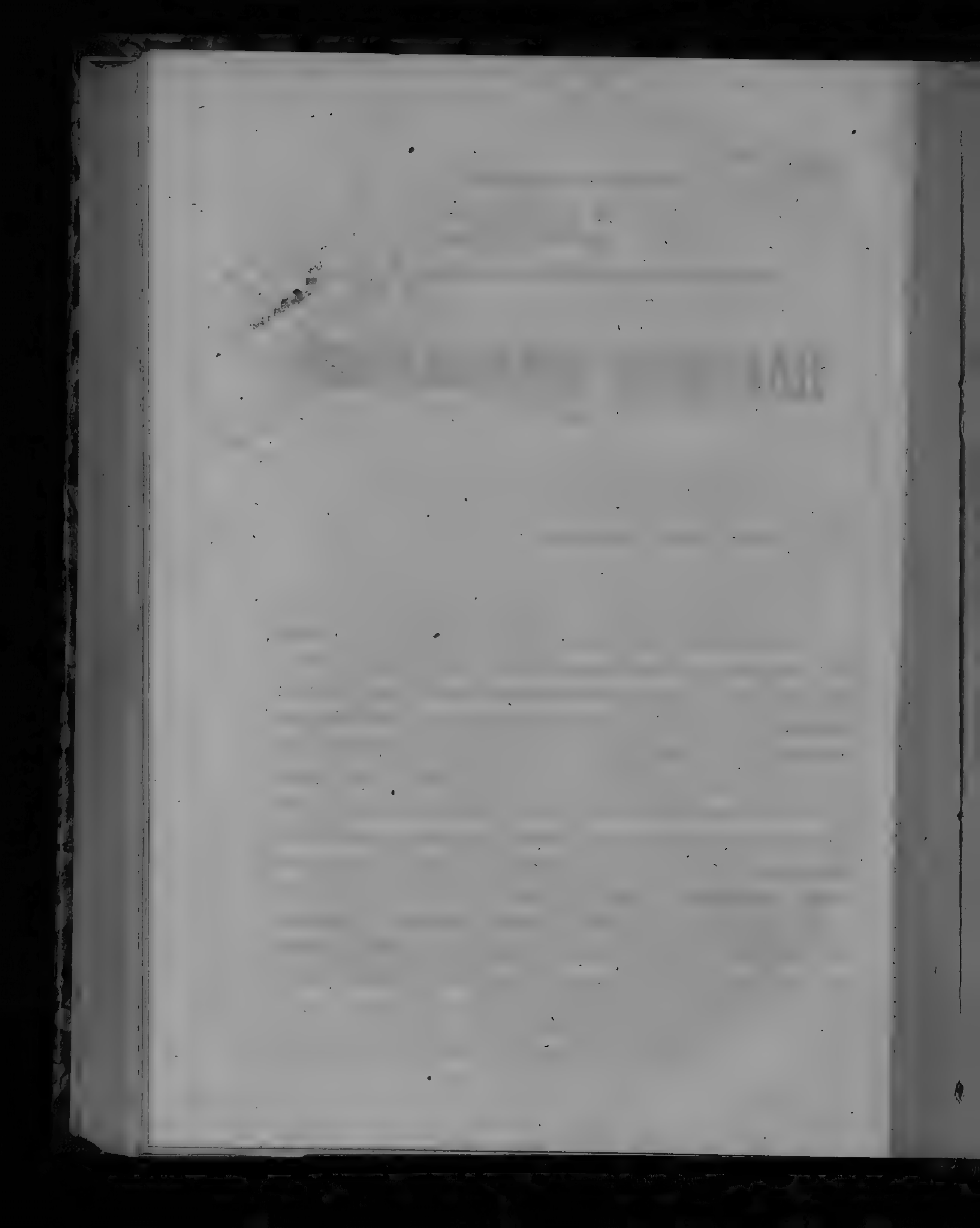
профессора въ Collège de France и члена Института

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

I. *О самообразованіи.*
II. *О народномъ воспитаніи.*
III. *О народныхъ школахъ.*

Цѣна пятьдесятъ коп., въ англійскомъ переплетѣ 75 к.

Воспитаніе есть ничто иное, какъ подготовка къ жизни; оно начинаетъ умственное развитіе человѣка, но не заканчиваетъ его. А потому недостаточно еще обучить ребенка; необходимо, чтобы, по выходѣ изъ школы, каждый день приносилъ ему новый урокъ, — словомъ, непрерывное обученіе, — чтобы сдѣлать изъ него человѣка, христіанина, ремесленника и гражданина. Такова неоцѣнимая услуга, оказываемая безвозмездно обществомъ, церковью, журналами, народными библіотеками, публичными курсами, общественными собраніями и тѣми многочисленными ассоціаціями, которыя поддерживаютъ жизнь религіи, науки и общественнаго мнѣнія. Это-то и дѣлаетъ ассоціацію въ такой же мѣрѣ свободой тѣмъ болѣе драгоцѣнной, что она неустанно борется съ невѣжествомъ и дурными страстями....



НОВЫЙ РОМАНЪ

ЭДУАРДА ЛАБУЛЭ

ПРИНЦЪ-СОБАЧКА.

Цѣна 1 рубль; въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Разговоръ между авторомъ и случайнымъ знакомымъ. — Хорошо имѣть одну крестную, опасно имѣть двухъ.—Дѣтство Гіацинта.—О политической ариѳметикѣ у Ротозѣевъ.—Гіацинтъ посвящается въ великое искусство царствовать.—Адвокатъ Слѣпово-Стрекотуха учитъ Гіацинта игрѣ политическаго краснорѣчія въ пятнадцать пунктовъ. — Балъ. — Гіацинтъ узнаетъ, какъ въ ротозѣйскія головы вдалбливаютъ уваженіе къ власти. — На съѣзжей.—Знакомство съ Арлекиномъ.—Собачья философія.—Гвоздичка.—О политическомъ вліяніи собакъ у Ротозѣевъ.—Si vis pacem, para bellum.—Битва при Неседадѣ.—Оборотная сторона медали.—Упоеніе побѣдой.—О пользѣ собакъ съ литературной точки зрѣнія.—Das ewig-weibliche. — Свиданіе Арлекина съ Гвоздичкой. — Орестъ и Пиладъ.—Пресса у Ротозѣевъ.—Заключеніе.

ТИП. А. ТРАНШЕЛЯ НЕВСК. ПРОСП. Д. № 45. С.-П.-Б.

